

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

ВЫПУСК 10

Киев - 2018

Дорогой читатель! После долгого перерыва ты держишь в руках десятый выпуск альманаха «Каштановый дом». Это его второе дыхание. Предыдущий сборник вышел в 2013 году. Соблюдая традиции «Каштанового дома», мы постарались собрать для вас наиболее удачные образцы поэтического слова, впечатлившие нас во время вынужденной паузы. Абсолютно разные авторы приходят «жить» в «Каштановый дом», чтобы стать добрыми соседями.

© А. Грязов, 2018

© Е. Шелкова, 2018

© М. Москвичёва, 2018

© авторы сборника

Визитная карточка

Ирина ЕВСА
Харьков

ЛЮБОВЬ

И она лопочет, не поднимая глаз,
к мусорному ковыляя баку:
«Не посылай мне, Господи, в этот раз
ни кота, ни собаку,
ни мужика: всё спать бы ему да есть.
Дай управиться с тем, что есть».
Огибает лужу с голубем по кривой
И видит его.

Он ворчит, к помойке яростно волоча
сдохшую батарею:
«Западло платить врачам этим сволочам.
К яме бы поскорее
без приبلудных тварей и сердобольных баб
самому доползти хотя б!»
Отдышавшись, в бак закидывает старьё.
И видит её.

– Нет, не может быть, чтоб это была она -
в заскорузлой шапке, в тапках, дугой спина!
и ползет зигзагом, словно с утра под мухой.
К слову, я частенько ей наливал вина,
в угловом раю на улице Веснина,
ну, когда она еще не была старухой.

А она, забыв про свой сколиоз, артрит,
по двору плывет, точней говоря, парит
(подбородок вздернут, плечи – назад), срывая
с голубых кудряшек вязаную фигию,
потому что может, ясно же и коню,
не узнать ее, как позавчера в трамвае.

У него белоснежная спальня, где три окна
с видом на море. Скрипит по ночам сосна.
Каждый вечер его в коляске вывозит к молу
плосколицая тайка, надцатая жена.
Но он хочет назад, в Гоморру.

«Вздор! Гоморре капец, – ему говорят, – окстись!
Все твои кореша давно переплыли Стикс.
Да и сам ты усох, как мумия богомола.
Кормят с ложки протертым супчиком. Но старик
головой мотает, переходя на крик:
«Нет! Жива Гоморра!»

Машет лапкой в пигментных пятнах: мол, врете, есть
коридор общаги, комната 26,
где жила зимой подружка его с Алтая,
по холодному полу шлепала босиком,
на спиртовке варила кофе свой с каймаком,
рыжая, аж золотая.

«Ты простынешь, – он говорил ей, – халат надень».
Зарастало стекло морозом. И каждый день
приносил им дурные новости из котельной.
Утром в чашке ледком позвякивала вода.
И тепло им было только во тьме, когда
он ловил губами крестик её нательный.

К счастью, тайка не знает странного языка.
Но она притерпелась к выходкам старика;
и когда он опять заводит: «хочу в Гоморру!», –
вытирает ему салфеткой слюнявый рот,
из комода пачку памперсов достает
и кивает: okay, tomorrow.

Говорит приемыш, пасынок, лишний рот:
«Ладно, я – урод, нахлебник, дурное семя,
но сарай твой скрёб и вскапывал огород,
а когда повальный, помнишь, был недород,
я баланду хлебал со всеми.

Я слепым щеглом в твои залетал силки,
на твоём крючке висел лупоглазым карпом.
А когда по ребрам били твои сынки,
я в ментовку на них не капал.

Кто тебя тащил, когда ты была пьяна,
избавлял от вшей, от пуль заслонял спиною?
Что же ты меня выталкиваешь, страна,
отхаркиваешься мною?»

А она в ответ: «Ты воду, манкурт, вари
из другой страны, что, пасынкам потакая,
согласится слушать все эти: «твой», «твой»,
не кривясь брезгливо. Что ты застыл? Вали,
если есть на земле такая».

ГЮЛЬЧАТАЙ

За идею? Вряд ли. Даже – не за еду.
Но мечтала с детства в райском летать саду.
Тут – чумичка, косая чёлка.
А там – райская птичка, майская пчёлка.
Повстречались добрые люди,
пожалели её, холопку,
сообщили добрую весть:
мол, пояс волшебный есть:
нажмешь на кнопку –
и вот тебе рай на блюде.
И когда ей голос внятно сказал: пора! -
из нее на волю брызнули, как с утра
толпы из электричек, -
сотни пчёл, птичек:
все багряные – земным не чета.
Каждая – Гюльчатай.

Юность одержима, как мятеж.
Всё в пандан – бандана, балаклава,
всё зачтётся, чем себя ни тешь:
свергнутый родительный падеж,
смертью перекормленная слава,
бытие, обернутое в трэш.

Пуля – дура. Комп с разбитым ртом.
Врассыпную – треть клавиатуры.
Шрам зарубцевался на плече.
Под штормовкой – маечка с принтом
Че Гевары или Че Петлюры -
не имеет, собственно, значе...

– Что трясешься? Хватит – о тепле.
Я вчера – пошарь, короче, в сумке –
стырил в супермаркете коньяк.
Мяч у нас. Оле-оле-оле!
Если окружили эти суки,
есть, чем отстреляться, на крайняк.

Нам придется встать спиной к спине.
С тылом в этот раз не подфартило.
Грёбанный не сбился Голливуд.
Ты чего, чувак, повис на мне?
Как всегда, патронов не хватило.
Не успел ответить, как зовут.

«Не бросай меня, – прижимается, – будь со мной.
Будь моей опорой, крышей, моей стеной...»
Он кривится: «Боже,
поменял бы Ты назойливый звукоряд!
Столько баб на белом свете, а говорят
все одно и то же».

Тьма слетает в сад бесшумно, как нетопырь.
Отсыревший воздух, резкий, как нашатырь,
заползает в окна,
и зрачками волка
две звезды горят, насаженные на штырь.

Он снимает её ладонь со своей груди.
ну, давай: обличай, долдонь, городи, гунди –
все равно уеду
из югов твоих – горели б они огнём!
Под кроватью – сумка, паспорт на дне, а в нем –
мой билет на средю.

«Ха! – глумится она, – твой паспорт и впрямь на дне.
Тащит краб его в зубчатой, кривой клешне,
а билет мурена,
не икнув, сглотнула. Спи, болтовнёй не мучь.
На крючке – халат. В кармане халата – ключ.
Дверь снесешь? А хрена!»

Так полвека они, уставившись в потолок,
продолжают в ночи мучительный диалог,
губ не разжимая.
И когда она вдруг смолкает часу в шестом,
он толкает её, спеша убедиться в том,
что она – живая.

В туче искрит золотой пирит, влага ползет с гор.
Он говорит, она говорит, все говорят – хор.
И всяк хорист на своей волне: тенор, басы, фальцет –
любых октав и гармоний вне. Но там, где она – центр.
Один вину воздаёт хвалу, другой – про войну-войну.
Но среди тех, кто прирос к столу, он слышит её одну.
Что ему до смысла её речей? – звук подчинил слова.
Она говорит, как журчит ручей, как шелестит листва.
Что ей до прочных его опор, нравственной правоты? –
она не видит его в упор, с другим перейдя на «ты».
И он, от ярости ошалев, – ни выдохнуть, ни сглотнуть –
гудит, как шмель и рычит, как лев, к ней пробивая путь
ревностью звука, нахрапом дна, ведая, что творит.
Его не слышит она одна. Неважно, он повторит.

Все-таки – юг с опрятным его платаном,
кислым кизилом всюду и задарма,
чайкой картавой, рынка нитьем гортанным,
душным баштаном и пахлавой холма.

Все-таки – юг с туземною тягой к цацкам,
блажью пустой: в тебя затолкать еду;
мот и бахвал, что все именует «царским»:
бухту, тропу и ужин в ночном саду.

Сводник, понтер с тоской в маслянистом оке,
всем – собутыльник и никому не друг;
бог караоке, мастер базарной склоки,
в пыльных вьетнамках джокер. И все же – юг.

Солончаков злопамятный Монте-Кристо,
вкрадчив, ленив, а хрена его нагнёшь.
Долго пасёт, зато убивает быстро,
всякому дулу предпочитая нож.

АРБУЗ

Прижимает к арбузу ухо, вслушиваясь: трещит?
То подбросит его, как мяч, то к сердцу прижмет, как щит.
Простукивает бока:
не сорвался бы кайф с крючка. Иначе зачем – подшит -
лихо столтник стянул с лотка?
Подгребают, спеша, к пивной базарная шантрапа.
У татар перерыв дневной: бурлит в казане шурпа.
– Нож дадите? Галдят: уйди!
Разбивает арбуз о камень. Лучший берет кусок.
Грязноватыми ручейками липкий стекает сок
по его расписной груди.
Обогнув лежаков ряды, где дремлет народ, сопя,
или режется в дурака, –

он врывается в твердь воды, выпускает её в себя:
Он хочет – наверняка.
Пролетая, монетка света, вдруг подмигнет, слепя,
и замрет в глубине зрачка.
Никаких уже либо-либо. В логове бытия
он лежит у придонной глыбы, чистенький, как дитя,
ловит время открытым ртом.
А над ним проплывает рыба с розовым животом,
влажно семечками блестя.

ПОДРУГИ

Татьяне Вольтской

...а Людмилка теперь – улитка. Во тьме ночной
по бетонке ведет узор слюдяной слюной,
вычисляя дневное сальдо,
на бескостной спине качая свой сундучок:
вдруг какой-никакой приклеится слизнячок,
невзыскательный бомжик сада?

...а Марго – не жена ни разу, а стрекоза.
У, зараза! Опять с утра залила глаза:
на шиповник садится косо.
Проползают по стеблю глянцевого жуки.
Но зачем ей сиюминутные мужики,
их щипки, если есть «колёса»?

...а Настюха мухой носится по двору,
прибирая к лапкам вкусное, подобру-
поздорову слинять не хочет.
Увернувшись от настигающего шлепка
мухобойки, под холку лающего щенка
занырнув, – дребезжит, щекочет.

...а вдоль крыши горизонтальные кружева
растянув, из дыры выходит чернеть вдова
(мол, арахна я, ну и ладно!),
и тринадцать пунцовых клякс предъявляет на
опустевшем брюшке, не ведая, что она -
урожденная Ариадна.

Все четыре привычно день обживают врозь.
Но как только последний луч попадает в гроздь,
в тын, что жимолостью исколот,
тени женских фигур к некрашенному столу -
волоска не сронив, следов на сыром полу
не оставив – текут из комнат.

«Где Людмилка? – Бурчит Марго. – Эта шлёндра где?»
Черепками закат горит в дождевой воде.
Ариадна бесстрастно вяжет,
языкатой Настюхе делая знак: молчи!
Точно зная, кем хрустнул мокрый башмак в ночи.
Но, сглотнув, ничего скажет.

Штиль поутру, а к вечеру накат
старательно твои полощет мощи.
– Почем кизил и гамбургский мускат?
Все дорого. Купи чего попроще.

К примеру, беспородный пирожок,
как водится, внутри не пропеченный;
опасный, словно солнечный ожог;
с печеночной начинкою перчёной.

Вертя башкой, вместившей сотни книг,
но к точным не способною наукам,
смотри, как вдруг выныривает МиГ
из облака, запаздывая звуком;

как ветхий катерок полупустой,
крутым не соответствуя тарифам,
переползает бухту, словно в той
стране, что стала пугалом и мифом,

где с найденной монеткою во рту,
охотничьему зуду потакая,
ты на волнах болтаешься в порту,
как недоросль, как водоросль какая.

Пятые сутки баржу болтает в море.
Умный дурак мне пишет, что всем кранты.
На берегу коты застывают в ссоре,
прямоугольно выгнув свои хвосты.

Спорить не стану: шар наш – ковчег без трапа.
Правда, коты считают, что выход есть.
Черный – за Клинтон, рыжий (верняк!) – за Трампа.
Морда в бугристых шрамах и дыбом шерсть.

Дует восток, ломая зонты на пляже,
круг надувной катя по волне ребром.
Фуры вдоль трассы. И никакой продажи
у торгашей, пока не пойдет паром.

Жалко водил, заснувших на жесткой травке.
Мелкого жаль, что, круг упустив, гундит;
жалко народ, что ринулся делать ставки
на кошаков...Мне пофиг, кто победит

там или здесь – под этой, летящей криво
гиблой волной, сводящей запал к нулю.
Сидя на парапете с бутылкой пива
и сигаретой winston, я всех люблю.

Погибший на живого смотрит сверху:
ну, что он там?..узнал уже?.. скорбит?
А тот сухую спиливает ветку,
кастрюлю подгоревшую скоблит.

Живой спешит: он ждёт приезда сына.
Посадка в пять, да плюс машиной час.
А ты ещё не брился, образина,
и к ужину чекушку не припас.

По летней кухне мечется: бутылки –
под стол; окрошку – в погреб на ледок.
Но замирает, чувствуя в затылке
какой-то непривычный холодок.

С чего бы? Целый день жара под сорок.
Что в доме душегубка, что в тени.
...уже, должно быть, въехали в посёлок...
Просил же: сядешь в тачку – позвони.

И шлепанцем цепляется некстати
за спиленную ветку алычи.
А сын ему: включи мобильник, батя!
Нет, не включай. Нет, все-таки, включи.

Верка ропщет, ропшет: «Надо же так суметь!
Ты за что, Господь, ему уготовил смерть?
Он же был непьющий,
в хоре Твоем поющий,
сроду не делал зла.
А этого Ты козла,
за которым три ножевых,
оставил в живых».

Надька ропщет, ропщет: «Что-то я не пойму:
Ты зачем, Господь, упёк моего в тюрьму?
Нож из руки не выбил.
Видел же, что он выпил.
Сам, что ль, до крови лаком?
Может, в петлю прикажешь мне?
А семерых по лавкам –
раздать родне?»

Ропщет Любка: «Планов не угадать Твоих:
дал сперва двоих, потом отобрал двоих.
Один – смирный, смурной.
Другой – шальной, заводной,
лют бывал после водки,
но со мной – теплел.
Все эти цацки, шмотки –
к чему теперь?»

И гуськом плетутся, охая, бормоча.
Слева и справа густо цветет бахча,
перекликаясь пчелами. У развилки
озадаченно тормозят.
Одной – к тюрьме. Другой – прямиком – к могилке.
А третья хлебнет из пластиковой бутылки –
и назад, назад.

ГОСТЬ

Не собирался – его попросили: сфоткай – чего там! –
так, чтоб вместился дельфиниум синий, льнувший к
воротам,
или въюнком оплетенная сетка, жимолость, или
из белогорского камня беседка в греческом стиле.
Он, между тем, закипал, презирая кнедлики с водкой,
сад как сиротскую копию рая, пошлое «сфоткай»,
сих болтунов, с кругозором козявки, склонностью к ляпу
и на бедре белозубой хозяйки хамскую лапу.

Брезговал каждой ухоженной грядкой, каждою соткой,
пьяного бабника мордою гладкой. Надо же: «сфоткай»!
Но попросили – и сдался, гоняя их от сарая
к бане, намеренно фон оголяя: вот вам – сырая,
в пятнах стена, неприглядная груда утвари ржавой,
словом, – задворки удачи, откуда все вы, пожалуй.
Злился, что лавку поставили криво, сели неловко.
И второпях не смахнул с объектива божью коровку.

Марине Гарбер

Жжёт, истерит, надравшись, блюёт в порту,
«на» энергично перетирает в «дай!»
Лето – диджей в любовном поту, в тату.
Осень – джедай.

Лето грызет початок, упав плашмя
на парাপет, бубнит имена светил
в чье-то ушко, не веря, что жизнь прошла
и белозубый лайнер уже свинтил.

Осень бесшумно пересекает вброд
всякую воду, тенью скользя по дну,
в гору ползя, легко маскируясь под
красный шиповник, черную бузину.

«Сядь, – говорит, – на камень, глаза разуй.
Я подымлю пока за твоей спиной».
Сел и увидел: золото и лазурь.
Вздрогнул. И снова – золото и лазурь.
«Вот, – говорит, – а как ты гнушался мной!

Зря не канючь: в какую, мол, почву лечь?
Вышли в тираж твои васильки и рожь.
Там, где взметнется мой светоносный меч -
там и замрешь».

Прихожая

Татьяна НЕКРАСОВА
Кишинёв

ТУДА И ОБРАТНО

закат по-обезьяньи языкат
рассвет по-человечески рассеян
идёшь забывший ноты музыкант
и светишься негаданным везеньем

насвистываешь то чего пока
не записать не показать на пальцах
а только снять закатом с языка
и пусть потом с рассветом забывается

ВЫНОСЛИВОЕ

ветер, горячий ветер, тяжёлый свет -
слишком сурова ласка, вниманье люто -
только виниться в близком с тобой родстве
нехорошо прилюдно

и думаешь: ну, горячий, ну, припекло,
может, ещё и стерпится полюбовно -
переживу – и смотришь: уже тепло
холодом поцелован

и чувствуешь: в окарине уха теперь сквозняк
в жёлобе горла ржавчина листьев вата
и хорошо что некому объяснять
хорошо что не надо

ТЕПЕРЬ СКАЖИ ЧЕГО ТЕБЕ ЕЩЁ

нашаривший в тумане бледный лист
сказал едва увядшему: продлись! -
и тот неярко вспыхнул и продлился
на миг, на век – пока стоит в глазах
чудесной линзой жгучая слеза,
я тоже хрупкий лист бронзоволицый -

и длимся миг, и длимся век несвой.
он больше не беседует с листвою,
а только край обводит или гладит -
и не дышать, и глаз не подымать,
пока расслаивается туман
на времена и солнечные пряди.

БЫТИЙНОЕ

со временем тело теряет форму,
и правда – пыльный мешок с костями
местами протёрт, по краям оборван,
у горла туже, чем раньше, стянут.

но сыплются зёрна расхожих истин
да плевелы слов, да полова смыслов,
да тускловатые, как ни чисть их,
мелкие денежки пессимизма.

что ж, в своё время под стенку брошен
будет мешок и слежится, скиснет,
сквозь мешковину пяток горошин
выстрелит зеленью новой жизни.

ПРОСНИСЬ И ПОЙ

мой город засыпает, как ребёнок:
едва присел – и выпал из реальности,
но иногда часами ворочается беспокойно,
в полчетвёртого, намаявшись, задремлет,
вздрагнет и проснётся с первыми лучами,
скажет: здравствуй, музыка дня!
а ты спишь, не слышишь, устал, взрослый.

ПРИЗНАТЕЛЬНОЕ

холодно и снег стоит в луче
вспышками и прочерками злыми
тысячи привычных мелочей
затирая
время прочерк имя
прочерк вспышка
холодно и свет
холодно и дует отовсюду
быстро и болезненно трезветь
выверяя кротостью рассудок
холодно и снег стоит в луче
мелкий тёплый медленный как будто
никого на свете вообще
ни любить ни чувствовать не буду
словно стёрто всё и никогда
не очнётся не начнётся снова
вот и не с кем вечность коротать
самый близкий снегом нарисован
самый дальний беглой вспышкой стёрт
и сама такой же беглый прочерк
вот же оглянуться дёрнул чёрт
на летейский шёлковый песочек
там любой как будто неживой
а трава как будто бы живая
и как будто сквозь неё вот-вот
мы с тобой живее не бывает

С НАМИ

смотри от слёз набухло облако
пошло густыми синяками
и с неба белого высокого
летит слезы прозрачный камень

ты улыбаешься ты рад ему
лицо подставил и ладони
аминь
вино и виноградины
град и вода для посторонних

ПИТЬ

на солнце расчирикались воробушки
и снег на ладан дышит и вот-вот
берёзовой хлебну холодной кровушки
и тотчас всё живое заживёт

и вешний цвет сиянием распутится
не сразу потихоньку но уже
выкатывается из зимней устрицы
чуть влажное жемчужное драже

сад загудит и выкипит на улицу
и выплеснется прошлое житьё
и боженька на нас не налюбуется
на землю и воробушков её

ВСЁ ЭТО

как когда-то корой, обрастаю грибами и мхом,
а местами смола проступает из розовых ссадин,
муравьиный герой вечность в ухе блуждает глухом,
жизнь уже не мила, но как будто отложена на день,

а весна не пришла, да никто её не обещал -
отчего же так ждали, как будто сама обещалась? -
то не жизнь тяжела – принуждение к зимним вещам
в дырах первых проталин и петлях безличного счастья.

а весна – она вот: как ты смотришь, как дышишь и как
прикасаешься к вечности с робостью сиюминутной:
чёрный рыхлый живот, безупречная стрелка роста -
и весна абсолютна.

ЧИТАТЕЛЬСКОЕ

похоже, мы на ангельском срифмованы,
в земных же переводах рифмы нет,
и мучимся созвучьями бредовыми,
невнятными, как отражённый свет.

хоть с кем-то срифмовать себя пытаемся,
хоть с чем-то – и выходит ерунда,
а с облаков показывают пальцами:
смотри, вот этот и, чуть дальше, та –

на что им переводы и толмачество?
у каждого же звёздами во лбу:
смеётся слаще с тем, с кем горше плачется –
сумеют ли прочесть когда-нибудь?

да тут не то, что звёзды – и кирилицу
не очень-то – а сколько с ней возни!..
ах, кто бы к нам заоблачный намылился,
на пальцах кто бы толком разъяснил.

КТО НА ЧЁМ

струну в себе нащупаешь и дрынть
и трень и брень и не остановиться
звучаньем полны тихие дворы
и улицы воскресные и лица

пока и сам струной не зазвучишь
и кар и фьють и пиу самозабвенно
и солнечные трогают лучи
лицо плечо лицо живот колено

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ

и за миг до того как весне сквозь тебя проникать
и за век до того как апрелю струиться по венам
из-под серого снега покажется марта щека
со щетиной травы расправляющейся постепенно

чуть горчит и чуть светится пахнет морозом и льдом
как подмёрзшее яблоко старчески жёлтое солнце
но уже через миг узнаёшь эти метки с трудом
и цветение яблонь как сдержанный гимн раздаётся

а уже через век никого ничего не узнать
и когда это всё героически прожито нами
осторожно под дверь на прощанье подсунет весна
как сорочье перо чёрно-белое воспоминанье

Дуэт

Александр ЯШИН

Что нам тысячи километров!
Имя вслух мое назови –
И домчится, как песня, с ветром
До окопов голос любви.

Я сквозь грохот тебя услышу,
Сновиденья за явь приму.
Хлынь дождем на шумную крышу,
Ночью ставни открой в дому.

Пуля свалит в степи багровой –
Хоть на миг сдержи суховей,
Помяни меня добрым словом,
Стынуть буду – теплом повеи.

Появись, отведи туманы,
Опустись ко мне на траву,
Подыши на свежие раны –
Я почувствую, оживу.

1943

Опять не пришла. Не под силу мне.
Дышать скоро будет нечем.
Уж я ли не ждал, не торчал в окне
Меж двух косяков весь вечер!

Да, ветер дул и дождь моросил...
Но, если б ты из дому вышла,
Наверное, вечер бы слез не лил,
Дорога бы не раскисла.

И если б сегодня встретились мы,
Такое бы совершилось,
Что, может, и не было б вовсе тьмы
И солнце бы не садилось!

1945-1946

Все Расскажи ей, хоть и страшно,
Когда признаешься в любви,
Об увлечениях вчерашних, –
Припомни все и назови.

О неприглядном, о случайном
Сказать не сможешь – напиши,
Чтоб недомолвками и тайной
Не бередить ее души.

Увидит, слезы осушая,
Чем жизнь твоя озарена,
Что настоящая, большая
Любовь, как подвиг, – вот она!

И как живой воды пригубит,
Иль словно крылья отрастут.
А если примет, значит любит,
Поверит в сердца чистоту.

1946

Ты такое прощала,
Так умела любить,
Так легко забывала,
Что другим не забыть;

На такие лишенья
С отрешенностью шла,
С чисто русским терпеньем
Крест свой бабий несла;

Так душой понимала
Боль его и беду,
Что, конечно, бывала
И в раю и в аду;

И ни вздохов, ни жалоб –
Было б счастье в дому:
Даже смерть оправдала б
И простила б ему.

Только лжи не стерпела,
Лжи одной не снесла,
Оправдать не сумела
И понять не смогла.

1959

Весна всему свой голос дарит:
Воде, листве, земле – всему,
Кострам в лесу
И птичьей паре,
Глазам и сердцу моему.
Все началось с простой капли,
И вот уже текут снега,
И зажурчали, зазвенели
Деревья,
Воздух
И луга.
Несется плеск с речных излучин,
В овраге ветер струны рвет,
Весь мир разбужен
И озвучен
И дирижеру смотрит в рот.
С утра в бору,
Зачем – не знаю,
Мну старый ягодник, траву
И повторяю, повторяю
Свое тревожное «ау!».
Слух напряжен,
И сердце бьется,
Я, словно чуда, жду в глуши:
Быть может, кто-то отзовется
На музыку моей души.

1964

Вероника ТУШНОВА

Улыбаюсь, а сердце плачет
в одинокие вечера.
Я люблю тебя.
Это значит –

я желаю тебе добра.
Это значит, моя отрада,
слов не надо и встреч не надо,
и не надо моей печали,

и не надо моей тревоги,
и не надо, чтобы в дороге
мы рассветы с тобой встречали.
Вот и старость вдали маячит,

и о многом забыть пора...
Я люблю тебя.
Это значит –
я желаю тебе добра.

Значит, как мне тебя покинуть,
как мне память из сердца вынуть,
как не греть твоих рук озябших,
непосильную ношу взявших?

Кто же скажет, моя отрада,
что нам надо,
а что не надо,
посоветует, как же быть?

Нам никто об этом не скажет,
и никто пути не укажет,
и никто узла не развяжет...
Кто сказал, что легко любить?

Не отрекаются любя.
Ведь жизнь кончается не завтра.
Я перестану ждать тебя,
а ты придешь совсем внезапно.
А ты придешь, когда темно,
когда в стекло ударит вьюга,
когда припомнишь, как давно
не согревали мы друг друга.
И так захочешь теплоты,
не полюбившейся когда-то,
что переждать не сможешь ты
трех человек у автомата.
И будет, как назло, ползти
трамвай, метро, не знаю что там.
И вьюга заметет пути
на дальних подступах к воротам...
А в доме будет грусть и тишь,
хрип счетчика и шорох книжки,
когда ты в двери постучишь,
взбежав наверх без передышки.
За это можно все отдать,
и до того я в это верю,
что трудно мне тебя не ждать,
весь день не отходя от двери.

Быть хорошим другом обещался,
звёзды мне дарил и города.
И уехал,
и не попрощался,
и не возвратится никогда.

Я о нём потосковала в меру,
в меру слёз горючих пролила,
Прижилась обида, присмирела,
люди обступили и дела...
Снова поднимаюсь на рассвете,
пью с друзьями, к случаю, вино,
и никто не знает, что на свете
нет меня уже давным-давно.

Не боюсь, что ты меня оставишь
для какой-то женщины другой,
а боюсь я,
что однажды станешь
ты таким же,
как любой другой.
И пойму я, что одна в пустыне, –
в городе, огнями залитом,
и пойму, что нет тебя отныне
ни на этом свете,
ни на том.

Портрет в чёрном

Олег АНОФРИЕВ
(1930 -2018)

СТИХИ

Читай внимательней стихи,
В них ты найдёшь не только рифмы,
В них для тебя проснутся мифы,
Святые чувства и грехи,

В ответ на твой пытливый взгляд
В тебе мелодия проснётся
И в сердце эхом отзовется,
Что пелось много лет назад

От строчки к строчке не спеши,
Стихи достойны соучастья
В отживших бедах и несчастьях
Твоей отзывчивой души.

Когда же ты возьмёшь в учёт,
В какие дни стихи рождались,
Поймёшь, стихи тебя дождались
И предъявили поздний счёт.

Они порой острее бритвы
Они сильнее, чем ростки,
Сильней начитанной молитвы
Сильней намоленной доски.

13.02.2005

Настало время зеркалу разбиться,
Родного пса услышать завыванье,
Приспело время вам со мной проститься,
А может, время мне проститься с вами.

Я, поднимаясь в призрачное небо
И потеряв привычную опору,
Уподобляюсь выпавшему снегу,
Растаявшему в сказочную пору.

А всё внизу – прошедшие виденья,
Планеты малой солнечной системы,
Наполненные страхом и сомненьем,
Загадкой нерешённой теоремы.

А что ж в конце? Да то же, что вначале...
Ну, а вначале было – слово!
Всего происходящего основа.
В нём и начало и итог!
И слово это было – Бог!

ПРОЗРЕНИЕ

Ну, как продлить себя навек?
Как увидеть себя оттуда,
Где нет понятия – человек.
Где нет ни призраков, ни чуда,

Где нет почти – что ничего,
Где лишь душа и лишь сознание
Существования твоего
В земном давнишнем мироздании.

Мой мир был скрыт от глаз чужих
И на века, как мне казалось.
Но он коснулся глаз твоих,
И стал твоим, как оказалось.

Лишь ты продлишь меня в веках,
Подняв себя до слова – вечность!
Так поборов забвенья страх
Бесстрашно длится бесконечность!

Не сомневайся, перейди
Границу огненной пустыни,
Себя возвысив, возроди
Моё затихнувшее имя.

19.02.2009

Катерина ИВЧУК
(1982-2017)
Киев

Ты,
уставший
от мира,
от игр
его,
сладко
спишь, –
зацепилась
в сетях
морская
звезда.

Ты сопишь
и не
слышишь,
– тает
снег,

Капли
танго
танцуют,
сжимаясь
от страсти,

разбиваясь
о железное
тело
окна.

Ты любил
заниматься
любовью
в темноте.
Я звучала
под тобой,
как скрипка, –

О, дивная
музыка,
не помнящая
начала,
не знающая
конца.

Тайна
ключа
и входной
двери.
Мягкость
и тепло
отца.

Раньше
мне
казалось,
что дом, –
то
странное
место,
где –
стены,
пыль,
доски
и
пауки
под кровлей.

Теперь
у меня
есть –
пыль,
стены,
доски,
пауки
и
пляшущая
свеча.

Не называй
всё,
что ты
любишь, –
любовью.
Тогда я
пела,
играла,
Но я
не помню.

Я до
сих
пор
не могу
вспомнить
твоего
лица.

Речка
поняла
это уже
тогда.

Видно
знала, что
мне –
суждено
родиться.

Я спала
и не
видела,
раскачиваясь
в облаках,

Когда ты
ступнями
коснулась
и оттолкнулась
от её
холодного
днища.

Мама
проснулась,
подошла
со
светильником,
молила –
не тронь,

В тот
момент,
как тебя
проглотила –
голодная,
тёмная
Обь.

Ей река
прошипела
– МОЯ.

Завернула
в зелёный
подол
и понесла
за собой.

Вот почему
тебе
буря мерещилась
и беда,
когда
прутиком, –
я укрощала
и била
по спинкам
барашков –
тёплые
волны
Днепра.

Гладила
их
по
нежной,
пушистой
холке,
и не
боялась.

Верила
сказкам,
что
смерть –
живёт
даже
на
конце
иголки.

Водоворот
милостив.
Он не
заберёт
тебя у
меня.

Вечность
в срок
превращает
всё –
в молчание.

Помнишь,
как
я
ныряла
и
беспокоила
сонных,
пятнистых
бычков, –

А ты –
задерживала
дыхание.

П.О.

Мы уже наигрались
В прятки вдоволь,
Перед нами все
Дороги обернулись
Глубокой мариинской
Впадиной.
Хочешь, буду для

Тебя Змеей Горгоной,
Или другой
Сказочной Гадиной.
Душно от жизни,
И всех её
Перипетий.
Обними меня этим
Дождём,
Господь,
Тело которого
Темнее
Грозовой тучи.

Капля за
Каплей,
Да наотмашь
И по лицу.
Гляди и
Уйдет всё,
Что меня
Ночами
Мучает.
От каждой
Трещины
И прорехи
Сердце моё
Скулит,
И болит,
Как прижатый
Дверью щенок.
Лишь от тебя
Светлей.
Каждую морщинку
Твою люблю
Каждый седой
Волосок.

Андрей ПОЛЯКОВ
Сумы

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА – МЕТАФОРЫ «АН»

...События этого дня разрывали целостную картину представлений Ана о мировой гармонии и насотни противоречивых кусочков – предположений и недоумений. Сначала решил, что сошёл с ума прямо в кабинете ректора. Но убедившись, что может досчитать до двухсот пятидесяти тысяч, и ни разу не сбиться, постепенно успокоился, понимая, что действительность была реальностью, как и боль в области почки после удара Николая. К тому же: на площади продолжали выступать сумасшедше-правдивые претенденты на сладкую жизнь. Казалось, что все они залезли к нему в голову и, взявшись за руки, начали водить хоровод. А самые любознательные кинулись изучать ещё и нервную систему – нащупали какие-то ниточки, дёрнули за них, заливались диким смехом и пританцовывали на одном месте. Голова загудела, будто на её макушке только что установили столб высоковольтной линии электропередачи. Через мгновение появилось ощущение, что будущие народные избранники прекратили кружиться в дружном танце и принялись играть его головой в футбол на дьявольском чемпионате городской предвыборной кампании. Как ни пытался страдалец избавиться от надоедливых политиков, убивающих его сознание, ничего не получалось. «Шиш вам!» – звучало поочерёдно внутри, то возле левого, то возле правого уха, не давая жертве полоумных обещаний опомниться и прийти в себя. Но по какой идти дороге, чтобы вернуться к самому себе, Ан понятия не имел. Остановившись, увидел, что стоит на перекрёстке трёх дорог. Ему почему-то вспомнилась любимая волшебная сказка.

– Тоже мне, Иван-царевич выискался! – громко выпалил он, как из ружья.

Своим «выстрелом» перепугал старичка, собиравшегося переходить улицу. Такого неуважения к себе пенсионер не ожидал и зашипел в ответ, будто его только что выплюнули на раскалённую мостовую:

– Ш-ш-ш-а-л-а-г-а-ш-ш-ш-м-о-к-а-д-я-в-к-а-ш-ш-ш-а-к-а-л! – словесным мечом отбилсЯ дедушка от неожиданного выпада сказочного добра молодца, у которого поехала крыша, и которому начинал мерещиться Вергилий, блуждающий вместе с Данте по улицам его родного города, в одночасье рехнувшегося вместе со всеми своими жителями.

Ан отрешённо посмотрел на пешехода, возомнившего себя гремучей змеей – и отшатнулся как от прокажённого. Старик довольно улыбнулся. Вприпрыжку перебежал улицу и скрылся за углом галантерейного магазина.

– День открытых дверей в сумасшедшем доме, не иначе! – подвёл итог болезненным раздумьям Внутренний голос.

Услышав его, Ан так обрадовался, что готов был расцеловать первого встречного, но тут же передумал – из-за угла магазина, за которым несколько минут назад скрылся подозрительный старик, показался инкассатор в сопровождении охранника с автоматом в руках.

– Как я тебе рад, дружище! – искренне признался будущий учитель Голосу и, вдруг понял: его слова были правдой, лишь его правдой – собственностью, которой сейчас владел и которой не хотел ни с кем делиться.

– Я тебе тоже рад! – последовал такой же нелицемерный ответ. – Если сказать честно, то я даже скучал по тебе. Но ты был занят. Говорить со мной не хотел. Кричал на меня, когда я тебе говорил правду, помнишь?

– Помню, но не всё, а как в том кинофильме: «Тут помню, тут не помню!...»

– А ты вспомни, вспомни! – решил взять власть в свои руки тот, кого лишили всякой надежды достучаться до совести господина.

Понимая, что сейчас Внутренний голос единственное существо, с которым можно откровенно поговорить обо всём, Ан решил не будить спящую собаку взаимного недоверия и

непонимания, а чёрную кошку отчуждённости, что не так давно пробежала между ними, выгнать из памяти навсегда.

Почувствовав это, Голос также решил пойти на уступки. Его тембр стал шелковистее, а нотки дружелюбия украсили специфическую красоту его звучания: «Ты на меня не обижайся, ворчу, как старик!»

И тут Ан будто наступил босой ногой на пчелу: «Старик, говоришь? Постой, это не ты ли минут десять назад материализовался прямо передо мной, а потом исчез вон за тем углом?»

Голос рассмеялся: «Фильмов насмотрелся? Материализация чувственных идей? Ты бы лучше под ноги смотрел, а не то сейчас споткнёшься на ровном месте! Кстати, не знаешь, где именно находится то самое, ровное место, на котором все спотыкаются?»

– Никогда об этом не задумывался!

– А зря! Самое ровное место находится... а, впрочем, может, и не там.

– Самый пустой ответ из всех, что я слышал! – разочаровано пожал плечами собеседник, делая акцент на слове «самый». – Я думал, ты знаешь всё! Ты же сам – загадка природы! Языка у тебя нет, а говорить умеешь! Как ты это делаешь? И вообще, кто ты такой?

– Это долгий разговор! А если честно, я и сам не знаю, как очутился внутри тебя, может, заблудился?

– Что же это получается, бедный, бедный мой пилигрим, значит, у тебя кроме меня больше никого нет?

– Почему нет? – искренне удивился Голос. – Я дружу со многими, правда, не все дружат со мной. Взять хотя бы тебя. Только заведу разговор, как ты...

– Знаю... Знаю! – перебил его Ан. – Кричу на тебя! Чуть не сказал, рот затыкаю! Нам бы давно уже стоило мирно поговорить за чашечкой кофе или рюмкой коньяка!

– Лучше коньяка! Я хочу признаться, только никому не говори, что мне нравятся спиртные напитки, а ты не пьёшь уже несколько дней. Я ведь не могу без тебя пойти в магазин и купить бутылку водки. А просить тебя – неудобно!

– Начал пить на почве алкоголизма! – довольно заурчал Ан.

Голос немного помолчал, а потом продолжил, как ни в чём не

бывало: «Вести праздный образ жизни мне нравится больше, чем вместе с тобой до полуночи сидеть за учебниками. Думаю, ты меня понимаешь!»

– Понимаю! Понимаю! Понимаю! Сейчас мы проверим, кто ты на самом деле – крепкий орешек или крепкий горошек!

Голос рассмеялся. И в этот момент, Ану показалось, что невидимые руки подхватили его под локти и понесли по улице быстрее перепуганной насмерть антилопы Гну, цапнутой крокодилом, когда та искала брод не в самом подходящем для этого месте. Слева и справа всё мелькало со скоростью двадцати пяти кадров в секунду, поэтому Ану ничего не удалось рассмотреть, и только тогда, когда частота кадров снизилась до привычных двадцати четырёх, в сознании отпечаталась вывеска на магазине, торгующем секонд-хендом: «Дешёвая одежда из богатых кварталов Европы!» Рядом – витрина, заставленная снизу доверху коньячными и водочными бутылками. На дверях красовалось объявление: «Курить запрещено! Пить можно!»

Две молоденькие продавщицы сразу обратили внимание на покупателя, размахивающего руками и беседующего с самим собой. Влезать в этот странный разговор, посчитали делом опасным и, на всякий случай, взяли в руки бейсбольные биты. Поймав на себе внимательные взгляды девушек, Ан перестал строить из себя примитивного шизофреника, громко убеждающего своё второе я, что на двоих бутылка водки под хорошую закуску – это нормально.

– Кстати, закусить чем найдётся? – метнулся он к продавщице, милой девушке.

От неожиданности та засунула биты себе под юбку.

Бита вызывающе торчала между ног, и Ан еле удержался от смеха.

– Не бойтесь! Всё нормально! Просто у меня снесло крышу, и мы с другом хотим выпить!

Девушка улыбнулась так, будто на её хрупкую ножку только что уронили ящик с пивом. Видя, что клиент не буйный, взяла себя в руки, поправила причёску и сказала басом: «Пожрать напротив! У нас – попить!»

– Хорошо! Краткость – сестра не только таланта! – улыбнулся Ан. – Тогда давайте попить!

И он стал искать взглядом, чтобы ему выбрать. Глаза разбегались, а мысли путались: одной только водки на прилавке стояло больше тридцати видов. Коньячные этикетки считать не стал, решив ограничиться дружеской поддержкой продавщицы, чей голосок по своей силе с лёгкостью мог соревноваться с пароходным гудком. Девушка с пониманием отнеслась к просьбе клиента и стала увлечённо гудеть на весь магазин. Слушая её, Ан обратил внимание, что та не только подробно сообщала о всех-всех-всех достоинствах того или иного коньяка, но и навязчиво упоминала о заболеваниях, вызванных чрезмерным употреблением алкоголя. Устав слушать о циррозе печени, жутких расстройствах желудка, головной боли, тошноте, бессоннице на нервной почве, скандалах в семье, слезах жёны и детей, покупатель не выдержал и задал неожиданный вопрос, вызвавший замешательство у продавщицы: «Зачем вы мне это всё рассказываете, хотите вызвать рвотный рефлекс прямо сейчас?»

Девушка не сразу нашлась, что ответить. Очередного «пароходного гудка» Ану пришлось ждать минут пять.

– Это же правда! – наконец услышал он. – Мы всегда говорим правду, и ещё никто не жаловался!

– Справедливо! – заметил покупатель. – Что ж обижаться на правду, это ж не она спаивает людей. Всё верно, только тоскливо как-то стало. Дайте мне «Книгу жалоб и предложений», я напишу благодарность и попрошу, чтобы вас премировали досрочно. Вы хорошо справились со своей работой: ничего покупать не буду! Ухожу к вашим соседям – пожрать.

В продуктовом магазине Ан выслушал правдивую лекцию о вреде обжорства; о злоупотреблении мясом и особенно колбасными изделиями. Искренняя и восторженная речь, ненормальной (как показалось Внутреннему голосу) работницы прилавка пошатнула и так слабую веру потребителя в свои физические возможности, а многократное употребление устойчивого словосочетания «жуткое расстройство» окончательно добило его желание: перекусить на быструю руку. В «Книге жалоб и предложений» он с удовольствием написал: гады!

На улице опомнился, хотел вернуться и рядом со своим отзывом дорисовать ещё и дулю. Но Внутренний голос убедил этого не делать. «И так хорошо!» – подчеркнул он.

А хорошего было мало! Шагая в обратном направлении, по пустынным улицам, Ану казалось, что мир, в котором он привык жить, выживать и приспосабливаться, вдруг сделал резкий крен и полетел в пропасть. Непривычный жизненный уклад, вселял в него неподдельный ужас и уверенность в том, что это головокружительное падение завершится в приёмной местной психиатрической больницы. Врач захочет рассказать своему пациенту правдивую историю о расстройстве привычек и влечений или, ещё хуже, о шизоидном расстройстве – и тот свихнётся окончательно.

Тяжкие раздумья прервала ступенька крыльца «Нескладухи». Ан споткнулся, но не упал, а словно влетел в открытые двери.

– Орлята учатся летать! – услышал он в гулком вестибюле редакции нервный голос главного редактора. – Какими сквозняками занесло, ты же уволился? Ну что ж, пойдём поговорим, коль прилетел.

В кабинете бывшего шефа бывший журналист так и не смог объяснить себе, а заодно и Внутреннему голосу, почему в поисках ответов на непростые вопросы бытия он припархал именно в «Нескладуху», а не на городскую свалку мусора.

– Что так тихо в редакции? – задал студент вопрос начальству, развалившемуся в кресле. – Как-то непривычно!

– В судах все! Писать некому! Никому не нужна правда – дешёвка, а не товар! Все правду знают, открыто её говорят, кошмар какой-то. Как выживать в таких условиях, ума не приложу. А чтобы тираж не падал, мы начали публиковать ложь. Дело пошло, я бы даже сказал, понеслось, но наш трюк раскусили эти проклятые читатели. Правда им не нужна, а ложь, понимаешь, унижает их человеческое достоинство. Дошло до того, что журналисты вообще перестали появляться в редакции, кошмар какой-то – послать некого!

– А ты пошли самого себя! Интеллигентные люди время от времени должны это делать! – почему-то перейдя на «ты», выпалил Ан.

Хозяин «Нескладухи» вывалился из своей журналистской кожаной импортной люльки, врос руками в столешницу и стал пристально всматриваться в глаза гостя, обуравшего не в меру.

Прошло минуты три.

– Знаешь, в этом что-то есть! – вдруг дружелюбно сказал создатель городского общественного мнения. – В этом что-то есть! Газету надо переименовать из «Нескладухи» в «Да пошли вы все!» – название, конечно, длинновато, зато никто не сможет упрекнуть меня в неискренности... а также – лжи! Думаю, люди поймут и мою гражданскую позицию!

Опомнился Ан уже на улице, понимая, что ничего не понимает. Вернее: он понимал, что мир сошёл с ума, а вот во сне или наяву – ещё предстояло выяснить. Попробовал себя ущипнуть – не помогло. Со стороны площади по-прежнему доносились крики претендентов на золотую любовь высшей пробы – народную! И тут Ана осенила догадка: надо пойти и найти обладателя резиновой волшебной палочки, любителя вытирать ноги об оппозиционеров. Судя по всему, милиционер не упустит возможности огреть палицей человека, плюнувшего на его ботинок во второй раз. «Если я сплю, – размышлял Ан, – то после такого удара, наверняка, проснусь как от кошмарного видения, а на голове синяка не будет. А если это не сон и синяк появится, значит, слова Дарьи Петровны сбылись, и 4 мая 1925 года Земля таки налетела на небесную ось!»

Опять влившись в дружные ряды жертв политической агитации, смелый экспериментатор и покоритель милицейских сердец не переставал удивляться происходящему. В этот раз у микрофона красовался некий господин Колков с огромным «кровавым» плакатом в руках: «Умру, отстаивая интересы каждого своего избирателя!» Оратор, с колодезным скрипом в голосе, призывал народные массы выбрать именно его, правдиво признавшись, что своих избирателей он с лёгкостью может пересчитать по пальцам: жена, тёща, пятеро детей и дальний родственник в селе, считавший, что уже давно пора поделить коллективную собственность по справедливости, отдав землю ему, а самих колхозников – колхозу!

– Хочешь, когда пойду голосовать, отдам тебя этому идиоту, который во истину тут не один? – спросил Ан у Внутреннего голоса.

Тот шутку оценил и категорически потребовал досрочно прекратить эксперимент с милиционером и его резиновой волшебной палочкой.

– Ну, плюнешь ты ему на ботинок! Получишь дубинкой по голове! Что ради этого стоило жить? – начал он подвывать, словно собака из подворотни.

Ан сделал вид, что на собеседника не обращает внимания. На самом же деле – старался не пропустить ни одного слова. И, наконец, услышал то, что давно уже понял и решил сделать сам.

– Вместо того, чтобы проводить дурацкие эксперименты с представителями власти, ты бы лучше воспользовался возможностью проверить свои и чужие чувства. Пойми, мы в городе, где все говорят правду! Проверь себя: готов ли ты высказать человечеству всё, что думаешь о нём. А заодно поинтересуйся у него, что оно думает о тебе. Игра стоит свеч, а также подсвечников, – завыл Голос сильнее прежнего.

Ан трижды уговаривать себя не дал – хватило и двух раз. У него появилось непреодолимое желание срочно узнать, что думают друзья о нём, и так ли он им дорог, как они ему.

– С Николаем всё ясно! Политический кормилец не может прокормить всех, а вот обидеть весь мир ему, наверняка, удастся! Друзяка! А я думал, что друг! – сообщил он свой первый вывод Внутреннему голосу, продолжающему подвывать по-собачьи, но уже о чём-то своём.

Услышав, что его поняли, Голос перестал строить из себя что-то среднее между аргентинским догом и английским спринтерспаниелем, и радостно залепетал: «Вот и славненько... и славненько... славненько! Правда того стоит... того стоит... стоит!»

Поэту понравилась дружеская активная поддержка, но уже через полчаса не выдержал и мягко попросил Голос заткнуться, объяснив просьбу желанием сосредоточиться на главном – на правде или истине, как бы её не называли люди.

Замолчать Голос не согласился! В качестве неоспоримых доводов привёл слова Прокопа Свиридовича Серко: «Мы – это что-то одно, а вы – это что-то другое...» И пока Ан соображал, к чему это было сказано, Голос мастерски симитировал речь Голохвостого: «Потому ежели человек вчЁнный, так ему уже свет переворачивается вверх ногами, пардон вверх дыбом. И тогда когда тому, одному которому, невчЁному будет белое, так уже ему, вчЁному, которому, будет уже как ну рябое!»

Сказать, что Ан засмеялся – не сказать ничего! Он заржал посреди улицы, как конь, которому наездник только что заехал шпорой в его гордыню. Необузданное ржание перепугало маленькую девочку и родительницу, поедавших с завидным аппетитом на лавочке мороженное. Мама от неожиданности всего лишь проглотила ледяной кусок, а дочка, прежде чем стать заикой до конца дня, умудрилась отшвырнуть лакомство метров на пять, попав бродячему псу в глаз. Тот подпрыгнул на месте, а потом рванул по улице изо всех своих спринтерских сил, обгавкивая (на всякий случай) каждого, кто попадался ему на пути. А когда к лаю добавился чей-то истошный крик, Ан ускорил шаг, ни разу не оглянувшись на мамашу, чей разъярённый взгляд, казалось, выжигал всё живое.

– Ну, ты даёшь! – опомнившись, сказал Голосу. – И как ты всё запоминаешь? Я могу только несколько слов, не более!

– О подсознании знаешь? – услышал вопрос вместо ответа.

– Слышал, и...?

– Люди придают значение только приставке «под», совсем не обращая внимания на само «сознание»!

– И чё?

И тут Голос «выложил» то, от чего Ан чуть не умер со смеху во второй раз: «Когда человек не такой, как вообще, потому один такой, а другой такой, и ум у него не для танцевания, а для устройства себя, для развязки своего существования, для сведения обхождения, и когда такой человек, ежели он вчёрный, поднимется умом своим за тучи и там умом своим становится ещё выше Лаврской колокольни, и когда он студова глянет вниз, на людей, так они ему покажутся такие махонькие-махонькие, всё равно как мыши... пардон, как крысы... Потому что это же Человек! А тот, который он, это он, он тоже человек, невчёрный, но... зачем же?! Это ж ведь очень и очень! Да! Да! Но нет!»

Несколько прохожих, увидев человека, зажавшего руками голову и сотрясающегося всем телом, поспешили узнать, не плохо ли ему. Услышав: «Наоборот, очень хорошо!» – люди исчезали как видения.

Убедившись в феноменальных способностях своего загадочного второго Я, и насмеявшись вволю, студент (он же начинающий поэт; он же бывший бригадир и несостоявшийся

журналист) решил скоротать дорогу домой за дружеской беседой.

– И как ты всё запоминаешь? – перестав кашлять от смеха, повторил он слово в слово свой вопрос. – Неужели знаешь всё, или только то, о чём я однажды читал, или смотрел по телеку?

Поломавшись минуты две для приличия, испулавшись в лучах славы, Голос как можно доходчивее рассказал о своих феноменальных способностях. И хотя он красноречиво, в течение часа, убеждал в своём преимуществе над остальными средствами массовой информации, суть его слов сводилась к простому и примитивному выводу: он самый осведомлённый и умный на земле!

– Ладно! – согласился Ан. – Если это так, устрою тебе экзамен, и поверь, не самый лёгкий! Коль мы находимся в городе Правда, тебе будет трудно, в отличие от меня, соврать! Я ни во что не верю! Правда для меня – просто понятие! Слово из словаря! А ты, насколько я тебя понял, представляешь некую высшую силу, которую мы, глупые людишки, называем истиной и которую пытаемся найти где угодно, только не в самих себе.

– Грубо, но если обработать ножовкой, получится примерно то, что я имел в виду. Давай, спрашивай!

– Ты сам должен знать, что я хочу знать!

– Что такое правда?

– Именно! Или тебе снова напомнить о словаре?

– Не надо! Я и все земные слова – одно и то же. Чтобы помнить самого себя, мне словари не нужны. Тебе, думаю, будет сложновато сразу во всём разобраться! А может, и нет... Вспомни, как ты пишешь!

– Просто записываю!

– Правильно! Ты записываешь то, о чём раньше не знал и не догадывался о его существовании. Но где-то ж оно было? Кто-то рассказал об этом? Если б не ты записал стих – другому поэту нашептали бы его! Вопрос только в том, кто первый... Один – лёг спать, выключил свет... А тут – стихи! Это ж вставать надо, искать бумагу и ручку... Думает: утром вспомню! Просыпается – ни одной строчки в голове! А другой – вскакивает, как сумасшедший, посреди ночного мрака! Грудь вздымается! Пульс учащается! Давление зашкаливает! Руки трясутся от нетерпения! И каким-то внутренним зрением начинает улавливать слабый

огонёк, освещающий путь туда, где сбываются все мечты... Раз – и стихотворение родилось! Не зря, твоя будущая знакомая студенточка, Надежда, всем доказывает, что хорошие стихи спасут мир! Не одна красота уже! А красота и надежда на чудо, как у больших поэтов в произведениях. Красота без надежды – кусок мрамора, из которого, ну, чтоб никого не обидеть, можно сделать что-нибудь полезное. Мраморными плитами выкладывают пол в прихожей своей дачи. Красиво? Дорого и красиво! Надоест – можно продать. Красиво, но можно продать. Роза – тоже красота. Но без надежды на чудо – всего лишь цветок. Продаётся на каждом углу. Рассвет не купишь – каждый раз дарит нам надежду на чудо! А вдохновение, чудо и есть! Помнишь: «Не продаётся вдохновенье, но можно рукопись продать!» Поэтому и покупают картины Ван Гога за бешеные деньги. Вдохновеньем владеть хотят, чужую надежду заполучить мечтают. Страдают, если не урвут хоть что-нибудь от божественного дара и той стихии, которую люди называют вечностью. Покупают. Вешают на стены. Хвастаются. Говорят, что коллекционируют... Вруны! Они латают этими картинами чёрные дыры своей души! Страшно им без красоты внутри себя, без стихов и музыки, живописи и архитектуры, философии... Надежда на чудо – спасёт внутренний мир человека! С красотой вместе, конечно! Поэты и спасут! Ты ведь тоже хочешь быть одним из них, наивно полагая, что они пишут именно стихи.

– Стихи! – удивился Ан. – А что же?

– Это плохие поэты пишут стихи. Хорошие – создают мир, а ему без надежды нельзя! Так что прекращай фигнёй маяться! Начни с чего-то маленького – создай какую-нибудь планету в душе и подари ей чудо! Что-то мы заболтались, так можно идя по дороге – и с дороги сбиться! Кажется, ты хотел узнать, что такое правда?

– Хотел! И сейчас хочу!

– Тогда, чтоб всё сразу понял, расскажу чужую историю, ведь чужих историй не бывает! – начал Голос. – Утверждают, что Ходжу Насреддина, путешествующего по Европе, пригласил к себе король. Он пожаловался на своих подданных, считая их чрезвычайно лживыми. И тогда Насреддин сказал так: «Ваше величество, истины бывают разными. Прежде, чем использовать

относительную истину, люди должны познать реальную истину, но они всегда стремятся поступать наоборот. В результате истина легко подменяется ложью». Король мало что понял из того, что сказал ему гость, но пообещал, найти способ заставить подданных говорить правду. Утром перед центральными городскими воротами возвышалась виселица. Глашатай объявил, что каждый входящий в город обязан говорить правду капитану королевской гвардии. Первым в город вошёл Насреддин.

– Зачем ты пришёл? – спросил капитан. – Отвечай правдиво или за ложь отправим на виселицу!

– Я пришёл в город, чтобы меня повесили, – ответил мудрец.

Капитан удивился и заявил, что не верит путнику.

– Если я солгал, повесьте меня! – услышала стража в ответ.

– Но, если мы повесим тебя, это будет означать, что ты сказал правду? – задумчиво сказал капитан.

– Вот именно! – ответил недавний гость короля и спокойно пошёл дальше.

Внутренний голос замолчал, давая понять, что на вопрос Ана ответил.

– Постой! – вырвалось у того. – Хочешь сказать, что правда лишь тогда становится правдой, когда люди готовы за неё умереть?

– Каждый решает сам! Ты готов умереть за свои стихи?

– Нет! – на всю улицу крикнул начинающий писатель. – Но если я не буду писать стихи или, как ты говоришь, создавать мир, то незачем будет жить... Это правда! Я могу пройти в твой город?

– Да, только помни: виселица – это не самое страшное!

– Я уже понял! Самое страшное – писать, писать, писать, но так и не написать ничего!

Внутренний голос рассмеялся и предложил поговорить о продажных политиках.

– Пошли они все... – не выдержал Ан. – Нам они не нужны! У них всегда был отменный аппетит – нас могут проглотить вместе с мечтами! Но мир, что мы создаём в душах, не для их алмазных зубок!

– Молодец! – похвалил Голос. – Начинаешь понимать, что душа стоит дороже всех вместе взятых заводов и нефтяных вышек; всех золотых слитков и предвыборных речей. Может быть, из тебя ещё получится что-то путное, и ты взлетишь над суетой, написав что-

нибудь достойное, а не то, от чего тащатся твои собутыльники: «Планетарии всех стран, объединяйтесь!» Ну, смешно, и не более! А настоящая литература имеет продолжение во времени и пространстве. Кроме длины, высоты и ширины у неё ещё есть одно измерение. Его можно назвать миром. Именно там и растут те молодильные яблочки, за которыми скакал на Сером волке Иван-царевич. Именно там можно испытать живой и мёртвой водицы, а потом победить трёхглавого Змея.

– И переспать с Бабой-ягой! – улыбнулся Ан. – Оплакать колобка, подорвавшегося на противопехотной мине где-то в тридевятиом царстве. Ты бы ещё про Лису Патрикеевну вспомнил, способную обмануть даже мудрого льва!

– А ты зря ехидничаешь! Утверждают, что Наполеон любил говорить, что часто бывает то лисой, то львом... А не императором, понимаешь?

– Не очень!

– А ты подумай!

– Он, что сказки любил? Сказка ложь, да в ней намёк – сотни рож, один пенёк!

– Чтобы управлять людьми, надо знать, когда быть лисой, когда львом! Стихами тоже управлять можно, не задумывался?

– Некогда было! Сейчас – могу!

– Подумал?

– Подумал, да о другом: гадом быть не хочется. Помнишь, на литературной студии девчонка, Вера, странная такая, читала чьи-то стихи. Один я переписал и выучил:

*Это не ложь, а ложка –
Малая, но нужна...
Рядом в кровать ложится,
Та, что сказала: «Да».
Ветер с цепи сорвался.
Грязь на лице и без.
Девочка, в ритме вальса
Кто нас закружит – бес?*

Ночь упадёт.
В затоне
Станет темней вода.
Чёрное небо тонет...
Продал себя за «да»
Той, что вильнула задом,
Мило шепнув: «За так...»
Только б не стать мне гадом,
Сеющим в душах мрак.
Девочка, та, что рядом,
Вытрет с лица печаль.
Сладким поила ядом
И не жалела чар.
Выскочу вдруг из плоти –
Был же в душе запас!
Да на высокой ноте
В низком свеченье сгас.
Малая ложь – не лжица.
Малая ложь – всё ложь.
Светлые раньше лица
Были у наших рож.

– Имя поэта забылось... Не помнишь?
– Нет! – спокойно ответил Голос. – Я тогда о стихах думал.
Ты когда про гада сказал, думал, его прочитаешь:

Не знаю сам, откуда,
Откуда всё взялось.
Вчера была простуда,
Сегодня – новый гость
О том-о сём болтает
И смотрит сквозь меня:
– Там тает снег?
– Не тает!
– Добавить бы огня...
И быстро так моргает.
И шепчет, как шипит.
Политиков ругает
И пиво пьёт «Пиит».

Откуда он, откуда –
Я головой верчу:
– Ты, может быть, Иуда?
– Иудой не хочу...
– А кем ты, тайный, хочешь?
– О том лишь я молчу!
– Не то чтоб ты уж очень
Был хитрый, – хохочу.
– Не то чтоб очень хитрый,
Но не овца овцой.
Заманишь и пол-литрой,
Ну той, что с хреновцой.
– Да ты, как видно, ушлый,
Всё знаешь – что и как.
– Я покупаю души
За вечный за пятак.
Продай! Тебя не трону,
Ведь наша жизнь – как дым...
– Сниму-ка я икону.
Посветим, поглядим.
Сорвался гость незваный
И прыгнул прямо в сад.
Я думал, просто пьяный –
Чего надумал, гад!

Видишь, гады разными бывают – реальными и сказочными. Одни жрут всех без разбора, другие умело с дороги сбивают. Львов и лисиц прикончили, за козлят взялись.

И тут Внутренний голос замолчал. Ану показалось, что тот задумался над чем-то, что давно мучило его, а мирская суета отодвигала поиски ответа на самый дальний план. Прошло минут десять, прежде чем (одновременно: везде и нигде) зазвучал голос собеседника:

– Странная эта девушка, Вера. Раньше среди твоих воспоминаний я её как-то не замечал. Да и на студии тоже! Сидит себе в уголке. Молчит. Молчит. А потом, как вскочит, как выдаст что-нибудь этакое... Сразу и не поймёшь! До меня только сейчас дошла её сказочка. Месяца два назад читала.

– Не-а, не помню! Не до сказок мне было. В дипломате три бутылки водки лежали, и я всё время думал, как её пить будем на голодные желудки. После студии несколько человек остались. У кого-то банка мёда оказалась. Мы всё смешали и выжрали ложками. Домой пришёл, будто пьяный медведь с пасеки. Так, что не до сказок было, не до мудрости народной!

– А зря, сказочка непростой оказалась. Я её хорошо запомнил, но понял только сейчас:

*Сказка – ложь, да в ней намёк...
Вечно тлеет уголёк.
Слово зреет в тишине.
Рыщет Серый волк во мне.
Год за годом, день за днём,
Слава Богу, что живём.
И полцарства получили,
И в полях не полегли,
И в темнице не почили...
Жаль, коня не сберегли.
Книги мудрые листали –
Что порвали, что прожгли.
Из копытца пить не стали –
Вслед за стадом не пошли.
В узелок пути связали,
За предательство простили...
Правда, яблоко украли
И коня не оживили...*

– Понял, что красть плохо? Помнишь, как герой Папанова говорил: «Тебя посадят, а ты не воруй! Надо таки было тебе дать коленом, надо!»

– Это сразу понял. А про копытце, только сейчас дошло: «Из копытца пить не стали – вслед за стадом не пошли...» Вспомни сегодняшнюю предвыборную кампанию и тебе всё сразу станет ясно! Понимаешь, нельзя пить воду из копытца тех, кто уже принадлежит стаду... Козлов! Не надо идти за козлами! А ещё – коня жалко... Такие вот они, сказочки у Веры!

– Классно ты всё подмечаешь! Мне бы так! Может, и я тогда

бы смог что-нибудь написать? Ну, что-то толковое! Я знаю, что я поэт, только создать ничего не могу!

– Не расстраивайся! Я в тебя верю, даже если никто не верит! Пойми главное: четвёртое, пятое, шестое и другие измерения – ты сам... Не какой-то там параллельный мир или альтернативная и призрачная реальность, а живая фантазия, имя которой – человек. Когда ты в это поверишь, тогда и напишешь своё первое настоящее стихотворение. Да, кстати, писатель не выдумывает и не пишет, он даёт, точнее, отдаёт людям то, что ему не принадлежит. А если не отдаст, останется вором навсегда и его на высшем суде осудят за кражу. Но есть одна загадочная история, оправдывающая воровство! Её должен знать каждый литератор! Вспомни Прометея – украл, чтобы отдать! Не думал, какая связь между писательством и кражей огня?

– Не-а! – честно признался Ан.

– Слово – огонь, а писатели крадут его у богов. Поэтому рукописи и не горят! Как огонь может сгореть в огне? Никак! Да, именно те рукописи и не горят! Тут и догадываться нечего, какие! Можешь, конечно, возразить, что я загнул насчёт божественного огня! Но вспомни ещё одно стихотворение. Вера читала. Ты тогда с ней поругался, оспаривая, как ненормальный, каждую строчку. Помнишь?

– Что спорил, помню! А стихи – нет!

– А я напомним:

*Где журавль – там и синица;
Там, где плот – там и плотва;
Что не киснет – не кислица;
Что без Бога – не слова.*

Просияло?

– Осветило углы! Но что я оспаривал? Всё правильно!

– Растём! – обрадовался Голос. Совсем другой коленкор получается! Теперь осталось совсем немного: поверить, что сможешь согреть украденным божественным словом всех, умирающих от холода и пребывающих в темноте своего невежества. Как-то пафосно прозвучало, но красиво: пребывающих в темноте своего невежества!

– Не знаю! – неуверенно сказал Ан. – Но мне нравится. Очень похоже на правду!

– А если соврал? А если правда сама сбыхала?

– Абсурд получается!

– Притча одна есть – многих пошатнула! Особенно искателей правды... Рассказать?

– Валяй!

– Один человек пошёл искать правду. Долго бродил по белому свету, но её нигде так и не встретил. Забрёл на Тибет. Зашёл в монастырь. От монаха узнал, что правда живёт у них в небольшой комнатухе. Обрадовался путник! Нашёл комнату – и увидел в самом тёмном углу что-то страшное, кутающееся в грязное одеяло. Человек сорвал его и в ужасе отшатнулся. «Ты – правда?», – спросил он. «Да», – прозвучало в тишине. «Но ты такая ужасная и безобразная! Как рассказать о тебе людям?!» «А ты соври, и тебе все поверят», – услышал в ответ.

– Ты чему меня учишь? – не найдя других слов, восторженно выпалил Ан. – Умеют же писать, а!

– Притчи не пишут! Успокойся! Их записывают, а это большая разница.

– Не понял!

– А ты подумай! И об этом тоже: многие люди за деревьями не видят леса. Вот и всё!

Ан резко остановился, и ему показалось, что Внутренний голос, не обращая на него никакого внимания, пошёл дальше. Стало тихо-тихо... Не выдержав безмолвного давления, больно давящего на ушные перепонки, начинающий поэт с бешеной скоростью начал трясти головой, словно пытался избавиться от воды, попавшей в уши. Тряс до тех пор, пока не почувствовал, что земля качнулась под ним и оторвалась от ног. Прекратив издеваться над собой и закрыв глаза, стал кружиться внутри себя, словно в детстве на карусели, понимая, что тошнотворное головокружение, как и «землетрясение чувств», может вызвать «цунами» откуда-то из глубины желудка.

– Хватит балдеть! – не выдержал Голос. – Не в космонавты готовишься! Так летать не научишься! Голова припадочным писателям не игрушка! Держи спину ровно! Не горбись!

– Я писать брошу! – распустил нюни Ан, и медленно пошёл,

словно поплыл по невидимым волнам невидимого моря.

Голос не удивился:

– Можешь не писать, не пиши! – хлопнул, будто скользнуло весло по гребню волны. – Эту истину каждый школьник знает, а ты, видать, до неё не дорос! Очнись, наконец! Человек рождён для счастья, как птица для полёта! Понимаешь, для счастья! Научись летать!

– Я высоты боюсь!

– Знаю! Но ты же – летал! Помнишь: ночь, лавочка, незнакомая девчонка в твоих объятиях. Целуетесь как сумасшедшие! Я подумал, что вы с цепи одиночества сорвались! Помнишь? Тогда впервые ты и взлетел! И ничего, выжил! Как оказалось, высота тут ни при чём. Хотел летать в объятиях незнакомки – и летал. А с поэзией – кишка тонка! Она тоже – незнакомка! А Муза – баба, соскучившаяся по твоей любви, преданности, вниманию и ласке! Хочет из твоих уст услышать такое, чего не слыхала от других мужиков. А ты:

*Послушай, Олег, ни с того ни с сего,
Но выйдешь ты, князь, за коня своего!*

Или ещё похлеще: «Добрая фея волшебной палочкой забила насмерть Золушку». Что ты смеёшься, разве это смешно? Ну, если честно, смешно. Только не этого ждёт Муза. Попробуй взять её за руку и пригласить на танец на вершине Эвереста!

– Ты хочешь, чтобы я упал и расплзлся?

– Хочу, чтобы ты перестал корчить из себя идиота. Это место уже занято, радуйся!

– Место Мастера тоже!

– Занято? – не своим голосом перекинул собеседника Внутренний голос. – В автобусе сидячие места всегда заняты! Раньше надо было беспокоиться о билетах. Постоять придётся, пока кто-нибудь не захочет выйти. Дорога на Парнас долгая! В пути разное бывает...

– Что бывает? – непонимающе пожал плечами Ан.

– Да, тяжёлый случай! Думаю, надо будет попросить какого-нибудь идиота всё-таки подвинуться...

– Ты это брось, не спрыгивай с темы! Колись: что бывает?

– Бывает – любовь убивает, и счастье уже не спасает! Ничего я тебе говорить не стану. Сходи сам, посмотри!

– На Парнас? Хватит с меня твоих издёвок!

– Может, и хватит! Нервный стал! Тебе попить что-нибудь надо – затормозить себя немного.

– Ага, тормозной жидкости!

Внутренний голос рассмеялся:

– Серьёзный разговор не получился! Ты сейчас беременный шутками по самые уши. Вижу, как тебя разбирает. Придумал что-то?

– Как раз по теме: «Петух, тебе попетушествовать не хочется?»

– Неплохо, да куража не хватает! Смешно, а душа не веселиться! «Веселится и ликует весь народ», а не смеётся! Литература – это ещё и весело! «Вместе весело шагать по просторам, по просторам...» Смешно шагать не хочется.

– Постой, смеяться разве плохо? – сказал Ан вслух, как раз в тот момент, когда мимо него проходила симпатичная девушка в ярко-красном свитере.

– Почему плохо? – непонимающе заморгала та и схватила Ана за руку: «Мы, знакомы?»

Понимая, что в «автобусе для идиотов» место для него сейчас появится, Ан соорудил умное лицо:

– Мы проводим опрос. Нас интересует ваше мнение.

– Мы, это кто? – поинтересовалась невинная жертва идиотизма.

«Я со своим Внутренним голосом», – решил сказать правду Ан, да передумал, представив себя в пустом автобусе. Поменяв тон на официальный, заявил:

– Служба безопасности страны!

Девушка аж присела:

– Вам что, заняться нечем? Ловили бы наркоманов! По улице спокойно пройти нельзя – с дурацкими вопросами пристают! Если вы действительно тот, за кого себя выдаёте...

– Идиот? – перебил её Ан.

– Но если вы, действительно, тот, за кого себя выдаёте, – повторила случайная жертва, попавшаяся в сети подозрительного тайного агента секретной службы, – я отвечу: «Смех – это хорошо, а смех без причины – признак начальника-дурачины. Так и передайте своему руководству!»

Глядя во след очаровательной респондентше, Ан пошутил: «Флаг по городу гуляет...» А потом, уже серьёзно, добавил: «Классная такая... Настоящая».

Откуда-то из прошлого выскочила строчка: «Девушка в красном, отдайтесь несчастным!...»

И тут он почувствовал, как в груди разлилось привычное тёплое чувство, щекочущее душу своим воздушным прикосновением. Быстро достал ручку и блокнот. Через несколько минут Ан уже дописывал новое стихотворение:

*Есть в наших селениях бабы –
Дорог не пугают ухабы!*

*В горящую избу заходят,
И быстро порядок наводят.*

*Коня на ходу остановят,
Пока отбивную готовят.*

*Любимого мужа в постели
Три раза проверяют на деле.*

*Не плачут. Не стонут. Не сохнут...
Однажды тихонько лишь охнут...*

*И в жизни не скажут, что слабы,
Разгладив ладошкой ухабы...*

– Не можешь, чтоб не ёрничать? Писателишка, сам знаешь какой! – пробурчал Внутренний голос.

Ан решил защищаться, и вдруг увидел, как из открытого окна на втором этаже пятиэтажного жилого дома выпал голый мужчина.

– А-а-а-ё-б-с! – успел крикнуть незнакомец, прежде чем приземлился у ног, бог весть откуда взявшегося милиционера, как две капли воды похожего на того, что ещё недавно, на центральной городской площади, во время предвыборной кампании, защищал

от «тёмного» народа личные демократические завоевания политически-просвещённых крикунов.

От неожиданности милиционер не только подпрыгнул на месте, словно наступил на змею, но и умудрился с вершины своего нового спортивного рекорда опознать в случайном прохожем Ана, и, от внезапной радости, что он воистину не один, дружески помахать ему своей волшебной резиновой палочкой.

Пострадавший оказался в сию пьяным. Падение с четырёхметровой высоты отрезвило его ровно настолько, насколько вообще может отрезвить падение с высоты второго этажа. Ну, не успел он за долю секунды, из «конченного бухарика» превратится в убеждённого трезвенника! Не смог!

Стоя на четвереньках – разговаривал на тарабарском языке, то ли со своим ангелом-хранителем, то ли с бесом, попутавшим его и заставившим выглянуть из окна проверить, не идёт ли дождь. Его постоянно «гавкающая» супруга собиралась идти на улицу выгуливать двух непоседливых собачек, а ему, любящему супругу, было совершенно безразлично: намокнут ненавистные зверюги или нет. Со стороны его речь напоминала что-то среднее между звуками «му-му-и-му» и писком «умирающего» воздушного шарика. Тут-то и пригодилась волшебная резиновая палочка нового знакомого Ана. Хватило и трёх ударов по голому зад, чтобы катапультировавшийся из квартиры лётчик, перестал изображать из себя корову, так и не научившуюся летать. В его глазах сначала рассеялся туман непонимания, а потом зажглись две газовые конфорки страстного желания закипятить свой разум на медленном огне проснувшейся от милицейских ударов совести. Разогретый до нужной кондиции разум, дал чёткую команду вестибулярному аппарату и тот указал бедолаге не только все четыре стороны света, но и провёл жирным пунктиром линию горизонта за красной харей в погонах и длинноволосой мордой, заливающейся смехом. Непостижимая высшая сила, переключила его внутреннее зрение, – словно фары автомобиля с дальнего света на ближний, – и алкаш увидел себя голого в объятьях двух незнакомых мужчин.

– Какого хрена? – спросил специалист по экстремальным прыжкам того, кто был в фуражке.

И полез целоваться.

Милиционер ожидал всё что угодно, только не сладких поцелуев и крепких мужских объятий. Заехать между ног будущему арестанту он побрезговал, решив, что удар волшебной палочкой по «куску дерьма» сполна утолит его невыносимую жажду крови. Удар получился отменным! Звонким! Если бы не вопли трезвеющего будущего подсудимого, можно было бы насладиться им ещё раз.

– Ну, что, сволота, долеталась? – задал протокольный вопрос разъярённый милиционер.

Голая «сволота» заморгала, пытается осмыслить свою неудавшуюся жизнь; зарыдала и начала густо удобрять слюнями самую родную в мире землю. Вскорости, со стороны двора послышался собачий лай и вопль обезумевшей женщины.

– Жена! – облегчённо вздохнул милиционер и подарил Ану неофициальный взгляд. – Сейчас она ему даст! Главное чтобы собаки не отгрызли его колбасу. В участок переть не хочу, но в морду с удовольствием заехал бы!

После пятнадцатиминутного разбора полётов, будущий закоренелый преступник превратился в жалкого слесаря обанкротившегося частного ЖЭКа. Знаток сливных бачков и пластиковых унитазов оказался милым добрым человеком, пьющим с горя после потери любимой работы – выгребать чужое дерьмо из колодцев, затопленных под самое не могу.

– Мы чем-то с тобой похожи! Очищаем мир от всякого... – сказал милиционер сантехнику и не дружелюбно посмотрел на Ана.

Поймав на себе очередной «очистительно-правоохранительный» взгляд, студент понял: пришло время поблагодарить весёлую компанию за доставленное удовольствие и спокойно попрощаться с нею навсегда. И если бы не собаки, всё так и вышло. Но две злобные сучки, никак не хотели оставить его без своего собачьего внимания. Лишь только Ан ускорил шаг – за его спиной раздался такой лай, что ему ничего не оставалось делать, как остановиться и притворится невинной молоденькой берёзкой, растущей прямо посреди тротуара. Собак это успокоило. Гавкнув несколько раз на «берёзку», они помчались за легковушкой, пытаясь облаять её от руля до багажника и укусить за левое заднее колесо. Автомобиль вместе с собачьим лаем

повернул на перекрёстке вправо. Ан зашагал быстрее прежнего в противоположную сторону. Но расслабляться было ещё рано – чёрный кот в любой момент мог перебежать ему дорогу.

– Только попробуй, скотина! – мысленно произнёс он и показал животному кулак.

Кот сделал вид, что «предупреждения» не увидел, но и перебегать дорогу не стал. Зато кулак заметила неприметная старушка, сидевшая на лавочке в окружении двух десятков чёрных, как сажа, котов. «Хулиган!» – закричала противным голосом бабуля, страдающая дальновзоркостью. Коты рванули в разные стороны, и, как минимум, десять из них не только перебежали дорогу перед Аном, но и сделали несколько чёрных кругов вокруг него.

Не зная как бороться с коварной тёмной силой, взявшей его в окружение, учитель-атеист впервые перекрестился. Злые духи вприпрыжку разбежались...

Ан вздохнул с облегчением и сквозь тьму первобытного страха метеоритом полетел домой.

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ
«ОСТРОВ НЕКРАСИВЫХ ЛЮДЕЙ»

После удушливого дня вечерний воздух казался спасительным дуновением жизни. Всюду в домах были раскрыты настежь окна. Из них доносились запахи готовящейся еды. В безветрии они смешались в один, напоминающий Илоне общественную столовую. Жители Перевела в более прохладное время готовили себе ужин, а может и обед на следующий день. Ведь с рассветом многие уходили на работу.

Илона с Нилом подошли к двухэтажному зданию. Нил открыл дверь в полуподвальное помещение. Им тут же ударила в лицо волна едкого дыма. Илона отшатнулась назад, но Нил удержал её и подвёл к пустому столу.

– Как ты здесь ориентируешься? – спросила она.

– По памяти, – усмехнулся он. – Ты присядь, а я сейчас закажу что-нибудь.

– С тобой, конечно же, нельзя, – скорее для себя сказала Илона.

– Нет. И ни с кем не разговаривай.

Он скрылся в гуще дыма, а перед Илоной тут же возникла непонятная фигура и выдвинула стул из-под стола. Бесцеремонно усевшись рядом, «фигура» отмахнула нависающие на лицо лохмотья. Илона предположила, что это девушка. Разглядеть что либо вообще было сложно. Но едва прозвучал голос подсевшей «фигуры», Илона поняла, что не ошиблась.

– Привет, – сказала незнакомка. Илона кивнула в ответ.

– Что, голос потеряла? – продолжала «фигура».

Илона пожала плечами и стала нервно оглядываться по сторонам, ища Нила. Ей показалось, что его нет слишком долго. Кроме того, она не знала, как себя вести.

– Я Гела, – сказала незнакомка. – Ты здесь впервые? Во всяком случае, я тебя никогда не видела. Нил приходит сюда редко и всегда один. Вот меня и удивило: кто мог составить ему компанию? – она иронично усмехнулась.

Вставать она, кажется, не собиралась. Илона разволновалась, но тут из тумана вынырнул Нил с двумя стаканами тёмного напитка.

– А вот и он, – игривым тоном сказала Гела и раскинулась на стуле. – Ты решил меня угостить?

Нил, видимо, был не очень рад встрече. Один стакан он подал Илоне. Отпив из второго, поставил на стол и сел на свободный стул рядом Илоной.

– Давно не виделись, Гела, – нехотя произнёс он.

– Ладно, скупердяй, – поднимаясь из-за стола, сказала она, – вечно ты без лишнего гроша в кармане. Хотя сегодня, как видно, именно лишний заваялся, раз не один пришёл.

Она хмыкнула, взглянула на Илону и растаяла в дыму.

Нилу не жаль было угостить свою давнюю знакомую. Но почему-то не хотелось, чтоб рядом сидел ещё кто-то, кроме Илоны. Он желал насладиться тем моментом, в котором порой завидовал другим. Конечно, подругу найти себе он мог. Но та нерешительность, которая им владела многие годы, подавляла многие желания. А сейчас он был уверен, что ждал именно Илону. И не сомневался в этом – ведь её принесло море.

– Её можно не опасаться, – сказал Нил, кивнув в сторону удалившейся Гелы. – Она вечно ко всем цепляется, но никогда никому ничего ни о ком не говорит.

– Ну почему же никогда и никому? – ответила Илона. – Несколько минут назад мне она поведала, что ты здесь бываешь редко и всегда один.

– Это не страшно, – усмехнулся он, – такая информация – предел её повествований. Она в основном любит расспрашивать и пить за чужой счёт. Но даже охмелевшая никогда не сболтнёт лишнего. Поэтому к ней все неплохо относятся.

– Она что, одна живёт? – спросила Илона.

– Почему ты так решила?

– Значит, угадала.

– Не совсем.

– Это как?

– Её родители работают на фабрике в другой части острова. Помнишь, я тебе рассказывал про специальные территории для работников? Туда долго добираться, поэтому они там и живут.

Сюда наведываются раз в год. Геле подбрасывают немного денег, чтоб выжить могла. Всё ждут, что она работу найдёт. Но она не спешит.

– Я же говорю, одна живёт.

– Тебе понравился коктейль? – решил сменить тему Нил.

Илона держала в руках стакан, ещё не попробовав напитка. Она посмотрела на тёмную жидкость, понюхала и пригубила.

– Нравится? – спросил Нил.

– Ничего, – не давая определения, ответила она. Напиток напоминал вишнёвую наливку, но горечь сбивала вкус.

– Что это?

– «Аромат неба», – ответил Нил, решив, что напиток Илоне понравился.

– У неба много оттенков, – с улыбкой ответила она.

Нельзя сказать, что ей пришлось по вкусу странная болтушка. Такой она отродясь не пробовала. Но всё же это было угощение. Кроме того, Илона понимала, что Мартини здесь вряд ли есть. И Нил наверняка выбрал самое лучшее из того, что мог себе позволить, или из того, что здесь имеется.

Пытаясь разглядеть хоть что-то вокруг, Илона то щурила, то тёрла глаза. Мутно-жёлтый туман пропускал очертания фигур, движущихся и сидящих за столиками. Они были почти рядом, поэтому их можно было видеть. Временами дым немного рассеивался – то ли меньше курили, то ли проветривалось. В такие моменты можно было оценить пространство заведения. Илона с Нилом сидели почти в углу, через один стол от выхода. Никто не обращал на них внимания. Входящие сразу направлялись к стойке и растворялись в плотном облаке. Звучала негромкая музыка, к ней подмешивался гомон. К вечеру всем было о чём поговорить за стаканом расслабляющего напитка. Некоторые так расслаблялись, что то и дело вываливались из жёлтого тумана, их кто-то подхватывал и выводил на улицу.

– Я поняла, почему ты меня сюда привёл, – сказала Илона, отпивая из стакана. – Здесь, даже если захочешь кого-то рассмотреть, вряд ли получится.

– Это от непривычки, – ответил Нил. – Гела ведь тебя заметила.

– Может, она обладает сверхспособностью.

– Что это значит?

– Когда кто-то может то, что другим не под силу. К примеру: видеть будущее, или через стену, или вот сквозь дым.

– Нет, – усмехнулся Нил. – Сквозь дым мы все видим. Плохо, но видим. И ты, если бы чаще здесь была, тоже научилась.

– Что-то мне не хочется часто здесь бывать, – ответила Илона.

Нил допил свой напиток и, слегка повеселев, взял ещё. Илона отказалась.

– Я заметил, что ты с каждым разом, когда ныряешь, всё дольше не выходишь из воды, – отпив из нового стакана, сказал Нил.

– Правильно заметил, – ответила Илона. – Тренируюсь на выносливость. Ты ведь не думаешь, что я останусь здесь навсегда?

– Я понимаю это, – произнёс Нил на выдохе. – И ты собираешься уплыть отсюда под водой?

– Как угодно, лишь бы уплыть.

– В каком направлении?

Илона задумалась. Она ведь даже не знает, где находится. Ей известно только название города, не имеющего координат ни на одной карте мира. Она может плыть без отдыха несколько часов, но что это даёт? Даже подготовившись к «борьбе за звание чемпиона мира по плаванию», как она это для себя назвала, куда плыть?

– Ты не расстраивайся, – заметив перемену её настроения, сказал Нил. – Видно ещё будет.

– Боюсь, что у вас всё видно, как в этом баре.

Илона сделала глоток «недопиваемого» напитка и, немного скривившись, наклонилась к Нилу.

– А скажи, от чего ты лекарство принимаешь каждый день? – спросила она. – Ты болен? Я заметила, что ты всегда в одно и то же время пьёшь какую-то таблетку. И у вас их полно в шкафчике.

Он усмехнулся:

– Нет. Я абсолютно здоров.

– Поняла, это витамины, – она улыбнулась в ответ.

– Что-то вроде этого. У нас все принимают такие витамины.

– На вашем острове авитаминоз?

– Нет. Просто всем жителям Перевела удаляют при рождении ненужный орган.

– Рудимент?

– Что? – переспросил Нил.

– Ну, так называют недоразвитый орган, который никогда не будет функционировать, понимаешь?

– Ах, да, – кивнул Нил. – И чтоб мы могли жить, нам приходится принимать витамины. Иначе можно умереть.

– Так, значит, орган-то нужный, получается, – удивилась Илона.

– Вообще-то здесь этим вопросом никто не задаётся, – ответил Нил. – Просто рождаемся, удаляют, пьём витамины и спокойно живём.

– Странно как-то у вас здесь всё. Как в какой-то зоне исследования или преследования.

Тут вошла компания, не прикрыв за собой дверь. Туман пополз на улицу, словно сам учадел и захотел смешаться со свежим воздухом. Илона теперь могла осмотреться. По периметру квадратного помещения стояли столы. Все места были заняты. Посетители были похожи друг на друга. Они воспринимались однородной безликой массой. Ни на одном лице не просматривались черты. «Станный генотип, – подумала Илона. – У каждого словно туман на лице». Сначала она думала, что это из-за дыма. Но сейчас воздух был почти прозрачен. Она вспомнила, что у Нила при встрече лицо было таким же, и у Дика тоже. Но Нил за это время изменился. А может, она просто привыкла к его внешности. Нет, она хорошо помнит, как у него начали проявляться черты лица, когда он рассматривал её рисунки. Пелена растаяла. Так проявляются лица на фотобумаге, медленно проступая из пустоты. Да, Нил стал другим. А здесь... Ущербность и убогость.

Столбы повсюду заставлены посудой. За уходящими не убирали. Тут же их места занимали другие посетители, и количество пластиковых стаканов, чашек и тарелок прибавлялось. Вся посуда была такого цвета, что не понять: чистая она или по ней размазаны остатки еды.

С некоторых столов капали напитки, разлитые подвыпившими отдыхающими. Но это никого не возмущало. Все здесь были «в своей тарелке», и всех она устраивала. Мрачно шевелящаяся масса издавала то крики, то хрипы, то ржание. От стола к столу

ходила особа, нигде не задерживаясь надолго. Это была Гела, так сказал Нил. Её угощали, чтоб она отвязалась. Некоторым приходилось это делать по несколько раз.

Илоне захотелось уйти. Но тут Гела снова подошла к ним.

– Нил, с кем ты сегодня, такой загадочный? – она говорила развязно, и, похоже, её совсем не интересовал ответ.

– Мне кажется, тебе на сегодня достаточно, – ответил ей Нил.

– Откуда тебе знать, работяга? Я, может, только во вкус вошла. Она перевела взгляд на Илону.

– Ты тоже так считаешь? – спросила её Гела, указывая пальцем на Нила.

– Думаю, у каждого своя норма, – ответила Илона.

Нил укоризненно взглянул на неё.

– О! Слыхал?! – громко вскрикнула Гела, взглянув на Нила вытаращенными глазами. Как показалось Илоне, они у неё были довольно выразительные. Гела то и дело убирала лохмотья с лица. Они нависали со странного головного убора. Может, это был такой фасон, или мода. Илона поняла, что и у неё далеко не последнего «форса» рубище.

– Не волнуйся, – прошептала она, наклонившись ближе к Нилу, – твоя Гела в таком состоянии, что через пять минут ничего не вспомнит.

– Ты её не знаешь.

– Зато я знаю, как себя ведут выпившие люди и какими бывают последствия. Наблюдательная. Ей, конечно, лучше обратиться отсюда. Но вряд ли она послушает подобного совета.

Гела смотрела на них по очереди, в зависимости от того, кто говорил в этот момент, усердно изображала серьёзного слушателя. Но долго держаться в таких рамках не смогла и, неожиданно расхохотавшись, ушла.

Дверь в заведение кто-то закрыл. Помещение снова погрузилось в туман. Илона встала.

– Извини, но больше не могу, – скривившись, сказала Нилу. – Ещё минут пять – и я задохнусь.

С этими словами направилась к выходу. Нил так и не опустошил второй стакан. Поднялся вслед за ней, и они вышли на улицу.

Тут же, у стен питейного заведения, творилось месиво страстей и вожделений. Изрядно разогревшись, посетители «выпускали»

себя на волю. Почти у двери бара парень справлял свою нужду; чуть дальше то же самое, присев, делала девушка – похоже, это была его подруга. Они, хихикая, переговаривались, не прерывая процесса. С другой стороны, движениями обезумевших животных, мяли друг друга двое полуголых молодых людей: кто из них был парнем, а кто девушкой – не разобрать. Они издавали хриплые звуки, и им было наплевать на свидетелей. Это была настоящая горячка, в которой они, похоже, готовы были сгореть дотла. Неожиданно выскочивший из бара посетитель, едва удерживая просящееся наружу содержимое желудка, не донёс его дальше «самозабвенной» пары. Его вытошнило прямо у их ног. Но и на это они не обратили внимания. Чуть дальше ползал на четвереньках человек. Он икал и взвизгивал. Илона ускорила шаг. Хотелось скорее уйти подальше от этого зрелища. Она уже почти бежала, когда услышала за спиной голос Нила:

– Не беги так. Нам в другую сторону.

Она остановилась. Сделала глубокий вдох. Ощувив свежесть воздуха, запрокинула вверх голову. В глубоком чёрном небе светились звёзды. Ни одного знакомого созвездия она не увидела. Не было даже тех, которые знала по карте звёздного неба другого полушария.

– Куда я попала? – тихо произнесла она. Нил, хоть и расслышал, отвечать не стал.

– Ты знаешь названия ваших созвездий? – спросила его Илона.

– Каких?

– Далюбых. Вотто, к примеру, – она указала на тесное скопление мерцающих звёздочек.

– Красиво, – не скрывая восторга, ответил Нил.

– Мне тоже нравится. Но как оно называется?

– Что?

– Созвездие.

– Какое?

– Очень надеюсь, что ты притворяешься, – возмущённо сказала она.

– Почему? Ничего я не притворяюсь. Говорю честно – не знаю.

– А какое-нибудь другое знаешь? Можешь показать или назвать?

– Нет.

– Почему?
– Не знаю я твои созвездия!
– Они не мои, а твои. У нас другие. Но ты ведь в школе учил астрономию?

– Какую?

– Это наука о Вселенной, понимаешь? О звёздах, о космосе.

Она посмотрела на него своими широко открытыми от удивления глазами и не знала, что сказать. Нил молчал. Ему трудно было понять, что она от него хочет. Вроде бы всё хорошо. При чём тут какая-то астрономия?

– Вам в школе рассказывали о звёздах? – спросила Илона.

Ей это уже было принципиально интересно.

– Нет, – коротко ответил Нил.

– Как? – удивилась она. – Вон их сколько там, – указала рукой на звёздную россыпь.

– У нас в школах о таком не говорят.

– А о чём говорят?

– О том, что нужно для жизни.

– А звёзды, значит, не нужны.

– Так они вон где. Что им до нас?

– Это да, – ответила она. – А что у вас нужно для жизни? Что вам преподают в школах, вузах? – заинтересовалась Илона.

– Тебе правда это интересно? – удивился Нил.

– Ещё как интересно.

– Преподают культуру поведения с высокопоставленными лицами. Но это совсем бесполезный предмет. Никто из нас всё равно с ними не встречается.

– Так. Ещё.

– Законоведение; объективное видение мира; теория и практика взаимоотношений...

– А это что за наука? – удивилась Илона.

– Наука о разнице между мужчиной и женщиной.

– И что, большая разница?

– В общем-то – никакой, судя по теории. Что мужчина, что женщина способны выполнять одинаковую работу. И те и другие одинаковы перед законом. Разве что мужчина рожать не может.

– А на практике?

Нил расслабился от выпитого и стал разговорчивее обычного.

– На практике – сложнее. Мне кажется, это один из тяжёлых предметов. В конце третьего класса каждый ученик сдаёт экзамен. Он должен на живых экспонатах объяснить все половые отличия и функции органов. В следующий класс переходят только те, кто получил высшую оценку. Остальные – в ремесленный интернат. В старших классах уже практика по этому предмету.

– И как с практикой? – не удержалась от вопроса Илона.

– Подробно не опишу, извини. Я окончил интернат. Но большинство тех, кто сдаёт этот экзамен, не вылезает из таких вот баров, – он кивнул головой назад. – Гела, кстати, была отличницей.

Илона поняла, откуда у него такая застенчивость. Не у каждого ребёнка психика готова принять «неприятное».

– А какие-то общие науки, историю – вам такое преподают?

– Да. Есть и математика, и история острова, и география...

– Стоп! – выкрикнула она. – Это по географии вам рассказывают, что материк на другой планете?

– В общем – да.

– Так другая планета в космосе. Значит, астрономию преподают?

– Нет у нас никакой астрономии. А космос – это чуждое нам пространство. Из него приходят плохие волны. От них болезни. Именно из-за влияния космоса нас всех и оперируют в младенчестве.

Они медленно шли вдоль улицы. Илона слушала Нила и молча возмущалась всей той ерундой, которую он рассказывал. Ей невдомёк было, зачем, к примеру, нужна двухгодичная программа вязания узлов? Она могла бы за десять минут обучить его этому. К чему полтора года изучать костюм своего народа, когда все ходят в лохмотьях? Кому нужно изучать сны правителей острова?..

– А звёзды?.. – тихо спросила Илона.

– Они очень далеко. Никто на них не смотрит.

Илоне стало так тоскливо!.. Она закрыла лицо руками и снова открыла – ничего не изменилось.

– Мне кажется, что я здесь прожила вечность. Только не могу определить: устала от этого ощущения или стала привыкать к нему. Мне иногда становится страшно. Я не говорила об этом, но я боюсь.

– Чего?

– Боюсь остаться здесь навсегда. Я не смогу смириться со всем этим.

– Это вечер так действует на тебя. Завтра будет лучше.

– Рассветы на меня действуют так же. Они здесь другие. Здесь всё другое. Ты ведь видишь, что и я другая.

Нил промолчал.

Вдруг в витрине единственного на улице магазина Илона заметила плакат – впервые за все дни, что здесь находилась. Подошла ближе. На листе красовался симпатичный парень, сидящий в стильном кресле.

– Это кто?! – вскрикнула Илона, указывая пальцем на плакат.

– Реклама магазина. Здесь продают дорогую мебель.

– Я не про мебель говорю.

– А этот парень помогает её продавать. Каждому хочется посидеть в кресле, которое выбрал он.

– Это я понимаю, – эмоционально заговорила Илона, – меня интересует, кто это и где он, если у вас никто, как ты говоришь, не покидает остров?

– Мне откуда знать? – спокойно реагируя на её эмоции, ответил Нил. – Может, где-то раздобыли фотографию...

– И усадили в кресло, – перебила его Илона. – А вон там, – она указала на другой плакат в следующем окне, – уложили на диван. А если войти внутрь, то, уверена, его можно будет найти за столом или даже на унитазе.

Она уставилась на витрину, всматриваясь в лицо парня, глядящего на неё с рекламного плаката.

Послышались шаркающие шаги. Насколько бы это ни казалось странным, за ними плелась Гела. Её кидало со стороны в сторону, но с курса она не сбивалась.

– Тебе что нужно? – крикнул Нил.

– Да не кипятись, – не совсем внятно пробормотала она, – нужен ты мне больно...

– Твой дом в другой стороне, – ответил ей Нил.

– Да тут все стороны мои! – воскликнула Гела и сплюнула. – Противные какие все.

Она подошла ближе к Илоне и ухватила её за руку. Та хотела отдёргнуть, но увидела, что Гела может упасть, и поддержала её.

– А вот за это спасибо, – сказала она Илоне, не глядя на неё.

При этом подняла вверх другую руку с торчащим указательным пальцем.

– Не за что, – ответила Илона.

– Не скажи, дорогая, – проямлила Гела. – Редкий житель Перевела способен поддержать. Вот разве что Нил.

Она расхохоталась и переметнулась к нему, хватаясь за его одежду обеими руками. Нилу ничего не оставалось, как подхватить её.

– Вот видишь? – обернулась она к Илоне. – Я же говорила.

– Похоже, ты эксперимент решила провести, – сказал ей Нил. – Придётся тебя провести домой.

– К себе? – хохоча, спросила она.

– К тебе, – коротко ответил он.

– А я бы с удовольствием прошлась с вами, – лопотала Гела, но Нил её уже развернул в другом направлении.

– погоди минутку, – спохватилась Илона и крепко взяла Гелу под руку. Она подвела её к витрине магазина и указала на плакат.

– Ты знаешь, кто это? – спросила её.

Гела постаралась широко открыть глаза. У неё это плохо получалось. Но через минуту она крикнула: «Эди! Ты теперь здесь?»

Илона взглянула на Нила и снова обратилась к Геле: «Ты знаешь его?»

– Его все знают.

– Да вот не все, – и снова посмотрела на Нила.

– Это она всех знает, – оправдался он.

– Вот и хорошо, – ответила ему Илона. – Давай её возьмём на ночь к себе.

– Зачем?

– Я с ней поговорю.

– Она ничего больше не скажет. Будет болтать про своё детство и несбывшиеся мечты. Гела никогда ни о ком много не говорит.

– Думаешь?

– Знаю.

– Но она сейчас в таком состоянии... можно что угодно вывести.

– Она в том состоянии, в котором через несколько минут засыпают, неважно где. Давай доведём её до дома.

Похоже, Нил был прав. Илона согласилась с его предложением, и они повели Гелу к ней домой, крепко держа под руки. Она что-то бормотала, но всё тише и тише. Скоро Илона услышала сопение и посмотрела на Нила.

– Что я говорил?

– Так я ведь не настаивала, только предложила. Между прочим, у нас в таких случаях друзей ведут к себе и не оставляют без присмотра.

– Утром она будет трезвая и сообразительная, – ответил Нил. – Хочешь ей объяснить, откуда ты взялась?

Жила Гела не так далеко от бара. Поэтому она и «фигурировала» там каждый вечер. Она всех знает, её все знают... и никто не имеет ничего против неё.

Достав из кармана её кофты ключ, Нил открыл дверь. Они с Илоной уложили её в постель. Домой добираться пришлось дольше. Но у Илоны настроение заметно улучшилось. Портрет парня привычной для неё внешности вселил надежду. Илона пока не могла понять, на что именно ей теперь можно надеяться. Но, по крайней мере, она знала, что такой человек есть и Гела его знает.

Гостиная

Анастасія ЛІТАШОВА
Старобільськ

Люблю перони та вокзали.
У них завжди присутня легка ностальгія.

Тут завжди пахне спогадами і мріями.
У них живе атмосфера авантюри й теплих посмішок.

Вештаються безхатки сміються чоловіки
Маніжаться дівчата у червоних капелюшках
Галасують бабусі з пиріжками.

Метушливі дріботіння відлунюють
У серці кроками зустрілих облич і потиснутих рук.

Подорожі стирають пам'ять до минулого.
Подорожі – найкращі ліки від набридлих відчуттів.

Вони забивають усі ворожі голоси.
Тс-с-с...
...І знову тихо.

я можу пробачити тобі все,
окрім твоєї відсутності.
Ти, неначе чайний лист,
розчинився у моїй чашці
і розплився цинамоновим
павутинням доріг.
я намагаюсь згадати твоє обличчя,
але марно,
ти лише брунатна пляма від чаю.
я можу пробачити тобі все,
окрім твоєї відсутності
у моєму житті.

інакше сприйняття світу
не робить тебе ідіотом
інакше сприйняття світу
робить особливим усе
до чого ти торкаєшся
інакше сприйняття світу
робить стійке щеплення
від вірусу прозаїчності
поступове звикання до інакшості
переростає в тотальну залежність
від революції в собі та суспільстві
стійка рівновага буває лише тоді
коли на шальках вагів
немає нічого окрім повітря

крізь розсипи часу видно дно океану
білий пісок поволі мружитья на синьому дні
перекочуючись німими хвилями спогадів

очі наповнюються невимовною радістю блакиті
від короткочасних і довготривалих зустрічей
у потоці буденних проблем і цюхвилинних натхнень.

океанська синь нашаровується у кожному з нас
утворюючи поклади нерозказаних ілюзій
не витужаних не крикнутих не промовчаних тирад

говори рци кажи кричи шепочи репетуй галасуй –
абищо зроблене краще за суху тишу
яка збирається гострими брижами в горлі від мовчазної
пихатості

Аня ЯБЛУЧНА
Київ

квітець тулиться так недбало
засипає пороги квітами

непомітно з плеча сповзає
прохолодна легка тканина

і оголюються щоденно
небеса й молоді квітникарки

надто довго чекали квітня
надто довго, щоб зараз спати

розтривожені свіжими днинами
і відверто яскравим кольором

квітникарки вмикають лампи
вивільняються з книг і одягу

квітникарки заплюшують очі
щоб відчути усе шкірою

як вбігатиме квітець розбещений
до котроїсь із них в кімнату

сонце картавить, вдираючись поміж рам
сорочка картата ховає тонкі рамена
сонячні зайчики – звірі дитячих ран
завше з'являють радість
злизують згірклість

ніжність настоялась, гострі лишилися ножі
колишне вросло у пам'ять в доконанім часі
сонце картавить – у нього вселився біс
в обійми тулиться ліс
усміхається просинь

дрібка свяченої солі – радість твоя
весни зимують у крихітних тільцях квасолин
осіння любов – доволі надійний крам
надішліть бандероллю тому,
хто її попросить

світло не сходить – світло завжди в тобі
сходять на пси лише мовчазні діалоги
камертонно вгамується простір жестом руки
поле осіннє раптово
перейде на «ти»

маєш для всього один світловий день
квітень уже розбруньковує серце твоє налите
все непромовлене прийде ранковим сном
все, що вже сталося, варте дереворитів

пропускаючи перший рядок, починаю з другого
нередагованими лишаються тільки дотики
це не по колу біг, це нові колообіги
день світловий мина опівнічним віршем

вітер весни як завше різкий, розгонистий
піддаюся його танцю така непристойно щаслива
в країні, де стільки ж краси, скільки й вбогості
усе ж можливо бути взаємосвітними

місто без тебе – ситцеве полотно
навхрест лягають лінії-стюжки колії
гирлом ріки гуркотить під ногами метро
в русла його занурююсь трохи знічено

все перелічено, ліктя загострений кут
тісниться в куртці, нагрітій серпневим диском
місяць у небі хмари грозове тісто
тебе відсутність поколює під меніском

час це не полоз в траві, не чорнильна лінія –
зав'язь крихка між цвітом і плодом дерева
це міжсезоння тепло, це розмінна решта
сьогодні він очерет, завтра – черешня

як нетутешня, дім впізнаю на дотик
у сухотрав'ї ховаються зерна тиші
вересень снівся теплим і плодовитим
кілцьця дерев замикались в твоїх зіницях

переполовинений смуток майже дорівнює радості
в геометрії простору врешті стаємо суміжними
у горлі твоєму пісні та імені – затишно
і погляди гострокутні об усміх мій тихий тупляться

зима розляглася в місті і нам підморгує
на райдужці її ока – бурштинові цятки осені
виставляє всі сни на стіл порцелянові спогади
я їх з легкістю б'ю чи ховаю в старі серванти

розніжені входимо в теплі заплави ранку
і місто в олії сріблястій по вінця топиться
оркестрові вітри зупиняються серед вулиці
не для камерної любові оглушливе їх фортіссімо

місто вгощає усіх абрикосами
десь між солодким липнем і серпнем
пахнуть дюшесками стіни і сходинки
в під'їзді будинку на вул. Мельникова

літо настирливо липне до литок
площі голублять птахів і коханців
чи не найкращі часи листівок
ніжно цілованих в кожную марку

сонце пече, аж судинам боляче
речі й стосунки стають химерними
тільки під ранок приходить полегкість
десь поміж снів про моря у Греції

стук черевиків стає округленим
листя ж дерев, навпаки, загостреним
осінь в шпарину віконну тулиться
разом із нетлями в дім – меланхолія

тут на задвірку, на тій же вулиці
де у під'їзді пахне дюшесками
сливи висять і не хочуть стигнути –
кожна із них – іменне запрошення

все те найкраще, що з нами сталося
разом чи порізно – зовсім байдуже –
ми ж як дерева усі пов'язані
все осідає у спільній пам'яті

злегка прим'ятий, м'ятний
дихає в спину вечір
ситцево огортає
кожен початок речень

всі невибагливі лінії
серця пунктири, вивихи
він зберігає в пам'яті
ніби вирощує лілії

тиша його мереживна
ледве помітна в світлі
вечір такий не зраджує
кожній красивій жінці

зорі дрібні, гаптовані –
замість записок і квітів
вечір лишає спомини
дотиків мимовільних

вечоре, пригорни її
вкутай у теплі сутінки
щоби сама з собою
жінка не грала в піжмурки

осінь дражнить далекозорих –
прямо до ніг їм – жовтаве листя,
наче каміння важке, підводне,
встискує в ґрунт, заземлює в місце,
де розплилися тривожні тумани,
що дозрівали в розлогих кронах, –
з самого ранку у хороводах
ваблять до себе «дивися! дивися!»

як промерзає тканина сонця,
інеєм падає мерехтливим,
птахи підточують хмарами крила,
щоб відтинати день від ночі

далеч лишає складні загадки –
кора дерев як абетка брайля –
читати дозволено лиш руками,
складати підказки з хореїв і ямбів,
передчувати дороговкази
як у книжках розділові знаки,
і наче гуща медова в банці
самозаповнювати недостатність,
як води ріки – оминати пороги,
не підпускати до себе тривоги,
бо що іще може далекозорий
як просто пірнути в осінній обрій

Катерина ВОЛОШИНА
Киев

бороздой над бездной
тянется вагон
поле поле поле
чёрное кругом
сдавшиеся травы
шерстью на земле
ледяной отравой
по уши в золе
домик и дорожка
остаются за
поезда подножкой
ноября глаза
прослезились пылью
павшего листа
поезд едет едет
в дальние места
чёткость аппликаций
под прямым углом
вырезаны латки
трудовым пером
перепахан сочный
жирный чернозём
в шахматном порядке
пешкой и ферзём
чтоб весной к засеvu
в кожицу земли
семечки и зёрна
набросать могли
поезд едет быстро
поезд едет ровно
рассекая киев
рассекая ровно

рассекая сотни
всевозможных станций
не желая где-то
навсегда остаться

там за домом твоим лес
состоит из весны весь
в его венах течет сок
его сердцем поёт бог

его речка поит льдом
он глотает осколки ртом
тянет с чёрной земли ток
точный точечный тонкий росток

лезут почки из голых рук
льют за пазуху дивный звук
и стоит этим сном лес
то ли скрип его то ли треск

и такая небесная синь
сквозь кудрявую сеть осин
что бежать и бежать вглубь
поцелуями ветра губ

и зелёные стрелы ввысь
рвут шершавую смесь и слизь
плоть теряет удельный вес
ты и есть в этот миг лес

девочки кладут головы на твои плечи
так проще сказать уходи
сердце спокойно останавливается в груди
гаснут все светлячки и свечи
без середин
помнишь лавочку у киоска
на асфальте краской набросок глядел в глаза
как чёрная птичка
как роза в петличке
как я себя буду терзать за эту страничку
так что там у нас впереди?
уйди
улицы перетекают одна в одну
щурятся тени в деревьях
моргаю за взглядом твоим
он статика
это какая-то новая практика
чтобы беззвучно
наручники и пальто из гардин
уйди
залихватски касаться
цацкаться
даже я не умею на такой жаре
вот если бы в ноябре
ежи уже будут в норе
готовиться к спячке
сейчас же тень твоя мчит сигналами
по усталым пьедесталам
наверстала уж на томик-другой
за собой не замечая
в чашку чая сыпет сахар
пакетик голубой на дно
поёт про кино и факты
артефакты номерные знаки
массовые атаки на склады
о том что забыла помаду в ванной

и опять потеряла диск
уходи
помню цитату:
«да и были ли мы когда-то?»
вот пошли разделительные и даты
почему это важно: в каком месяце, месте,
в каком году?
уходи
я тоже уйду
с тобой

как перетёртый помидор закат
деревьями завален горизонт
мой дом скрипит пустынен и покат
о жизни только хлипенький вазон
на подоконнике с налётом пыли
когда вы были здесь в последний раз
мы слушали роскошный acid jazz
и ели виноград из рук друг друга
нам можно было целых сто часов
не класть слова на чашечки весов
менять пароли дат и адресов
в горячем счастье замкнутого круга
касаться тел шептать или кричать
напившись совершенно одичать
кусая губы и бросая тексты в печку
за вами стыл недюжий сгусток сил
который мир мой ловко воскресил
считалочкой где кто-то попросил
кого-то с чем-то выйти на крылечко
и я пошла и сквозь железные пути
дырявый город удалось мне перейти
зброшенную церковь яр колодец
я ваши слышала в пути колокола
их нить вела меня вперёд вела

как чёрной линией по белому зола
как ржавой тенью снег уходит
и ночь была заезженным крылом
и я одна за каменным столом
без вас без сна и без чудес
топтался ветер о листву
укачивая сон-траву
а для меня один лишь звук
без вас
зачем я
здесь

палач казнён своим же другом палачом
и кровь течёт через упавшее плечо
на дерево металл и на сырую землю
на всё о чем палач мечтал
на всё чему теперь он внимлет
взойдя на смерти пьедестал

поёт скворец легко как мама детке
он на свободе а не в тесной клетке
его мелодия как дым от сигаретки
летит и растворяется в ветвях
ему не важно кто в каких краях
кого за что и почему уничтожит
его печаль вина не гложет
он птица при любых царях
и песнь звучит над смертным ложе
как в сказке о семи богатырях

и друг-палач вдыхая соль от пота
дрожит. уж сделана его работа
виновник справедливостью лежит
у его ног. и тень лицо покрыла
и друг-палач сыграл блестяще роль
лихая сила перетекает плавно в боль

красив денёк за солнцем там и тут
блестит листва и зайчики бегут
стволами старых лип. редееет площадь
народ расходится бубнит и ропщет
о наказании о правде и кресте
о чьей-то нагоде и правоте
о голоде в урчащем животе

поёт скворец
а человек скучая
гадает на заварке в чашке чая
убийством на убийство отвечая
посасывая леденец

я кричала вчера на весь свет о счастье,
наступая на мятый пакет и на ленточки шёлк.
так легко вечер то, что ровно, кромсал на части,
как легко за мной снег тихим следом шёл.

мне бы так блестеть, сыпаться беззвучно.
быть белехонькой, чистой, а после – растаять и
зазвенеть меж корней тугих минорным трезвучием.
чтоб земля только слышала песни мои.

а когда душа себя в тысячный раз обманет
то стыдом, то страхом, то солью, летящей с век,
я хотела б застыть в наливном мартовском тумане,
а потом так легко и тихо идти, как вот этот снег.

третья зима говорит ложись и спи
будто трава под снегом в пустой степи
там происходит что-то над гладью льда
но это совсем чужая для глаз вода

мягким укройся воздухом и смотри
как делит слог куплеты на раз два три
как в полумраке тают огнём зрачки
сном отсекай смело наотмашь секи

это пространство что разливной трубой
ты в нём цела и никого с тобой
в тёплой берлоге в коконе под крылом
ласточки сбитой ветра стальным челом

не достучаться теперь никому до дна
этой зимы кружишься в ней одна
ручки под щёчку мягонько собери
слушай её куплеты на раз два три

Ксения ИГОЛКИНА

Киев

СОН О БОГЕ

Сегодня мне снился сон о божьей.
О том, что в его летней кухне
Стоит на огромной такой треноге
Приёмник на тысячи волн.
И сам, он, огромный, как слон
Сидит за большим столом
И ловит волну за волной,
И ловит псалом за псалмом,
Одну за другой молитвы...
На связи – больницы, столицы,
Последние страшные битвы,
Тюремные камеры, залы
Суда, поезда, вокзалы,
Экзамены, сцены, концерты,
Великие эксперименты...
Он крутит рычаг и ловит
Волну за волной тревожно,
Пока на каком-то слове не выключит...,
Не отсядет, вздыхая и причитая.

И с богом за чашкой чая
Сидит, в нем души не чая,
Огромная божья баба...
Путём разбавляя млечным
Свой чайный густой отвар,
Все путает баба вечно
С яичницей божий дар.
С газетой и круассаном,
Хрустящими одночасно,
Наш бог объявляет властно,
Что жизнь на земле ужасна,
И кажется всё напрасным,

И, видимо, стоит вовсе
Ввиду бесполезных стрессов
Забросить решение вопросов,
Прошений и интересов.
А баба, пожав плечами,
Желток ковыряя вилкой,
Глотнув из стакана чая,
Ему говорит с ухмылкой,
Что, в целом, она не против
Такого его решения.
Она выключает провод
От радио
С позволения.

И в летнюю кухню бога,
Впервые за все времена
Вливается понемногу
Блаженная тишина.

Ни просьб, ни молитв, ни гневных
Призывов, ни, даже, мыслей...
В углу где-то божья крыса
Грызет пересохший сыр.
Кленовые божьи листья
Шурша засыпают мир...

А волны идут и бьются
О камни высоких стен...
И в небо глухое льются
Цистерны людских проблем.
Но тихо на летней кухне,
Приёмник умолк навеки.
И больше до бога уха
Мольбы не дойдут человека.

А бог улыбнется сладко,
Откинув потертый нимб.
Такое, вот, божье счастье,
Остаться для всех глухим.

Славь имя моё, снимая с меня одежду,
Будь прежним со мной и будь бесконечно нежным.
Славь имя мое, сжимая в своих ладонях
Мои. И гори, чтоб мы разгорелись двое...
Не споря...
Как море, как августовское поле...
Гори...

Славь имя моё, губами, глазами, телом,
И делай все так как хочешь, как я б хотела.
Славь имя моё безумно, без сожалений,
Сквозь сотни веков, смертей и перерождений.

Славь имя мое, пусть светит тебе в забвенье,
Пусть будет тебе спасеньем в любой войне,
Славь имя моё без страхов и без сомнений,
Славь имя моё с великими наравне.

Ты мне глубокое синее море,
Самозабвенное сладкое горе,
И путеводная нить...
Может уедем на маленький остров,
Бросим дела и останемся просто
Чтобы немного пожить?..

Если писать о тебе,
То библиотеками.
Бумажными реками,
Изрешеченными буквами слов.
Бессердечными
Железными дровосеками
Выколачивать по деревьям
«Любовь».

Если писать о тебе.
То библиотеками,
Бумажными реками,
Бесконечными волнами страниц.
Пока я ищу в небесах журавлей,
У меня на руках умирают стаями
Тысячи тысяч синиц.
Но пока я пишу о тебе,
Я сама превращаюсь
В целое небо птиц.

И, уж если писать о тебе,
То библиотеками.
Бессмертными реками,
Слова возводить монументами,
Пленками, кинолентами
На улицах всех столиц.
И обернуться прохожими,
И отзываться похожими
В сотнях прохожих лиц.

Ксенія ЧИКУНОВА
Львів

МАЛЕ ПАСТУША

білі вівці хутко бігли небом
спритно долаючи борозни
залишені

чи то трактором
чи то літаком

маленький хлопчик лежав у траві
та зосереджено намагався
полічити усіх тих бігунів

раз за разом збиваючись
він супився та починав
свій відлік знову

«де ж ти небесний Пастуше?
чому ніколи не показуєш свого обличчя?
п'ята шоста сьома...»

«чому я маю лічити твоїх овець?
тобі зовсім нема до них діла?
тринадцята чотирнадцята п'ятнадцята ...»

«усі ті вівці – твоя проблема!»

«де ж ти?
де ж ти...

і чому я
сам...»

ТИХЕ, БЕЗІМЕННЕ

хтось знову
вкрав нашу літню ніч,
щоб сховати до своєї скрині,
обережно склавши удвоє

не підозрюючи,
що скриня – дірява

та, звісно ж,
навіть не здогадуючись,
що світанок покарає злодія,
забравши усе награбоване

коли ми були дітьми
мали таку звичку:
вертати додому через поле

кожної весни та літа
взимку ж воно нас лякало
тому ми не підходили до нього й близько

але одного разу зазирнувши у очі сліпцеві ми
зрозуміли –
чорний ґрунт є зіницею
великого зеленого ока
що сліпне із першим снігом

тепер ми щовечора приходимо до поля
із відрами повними води
щоб поле мало сльози
бо очі -
очі плачуть
хоч і не завжди
сльозами щастя

МАРІЯ

в той світанок,
коли небо розіллється океаном,
затопивши водою білого світла
всі покинуті квартири

ти почуєш, як скрипнуть старі двері
та зрозумієш, що Йосиф вже пішов,
пірнувши у безмежне світло

не плач, Маріє

врятуй дитинне полум'я новонародженого ранку,
котре сполохано жевріє
поміж небесних вод

сховай його
та заспівай тиху колискову

і, звісно ж,
не забудь прочинити кватирку
щоб птаха повернулась додому,
хоч і без гарних новин

пам'ятаєш, як ми вперше побачили
усіх тих жінок?

ми почали зворотній відлік

вони блукали із порожніми обличчями,
рахуючи відтинки білих обшарпаних стін

я не знаю, чи бачили вони одна одну,
бо ходили мовчки, дивлячись поперед себе

кожна з них, як окрема ріка,
розтікалась пасмами чорного волосся

я не знаю, чи шукали вони свого дому,
бо жоден з будинків їх тут не цікавив

кожна з них, як обірвана пісня,
берегла на губах останню мелодію

ми почали зворотній відлік

пам'ятаєш, як ми вперше побачили
смерть?

АДАМОВЕ СЛОВО

в'язке молоко туману
наповнювало крихку посудину
свідомості
ліхтарі втомлено мружились
і дивились нам услід

ти збирала зорі
виймаючи їх із калюж
та вплітала у своє волосся
я вдивлявся у темряву ночі
але все одно не міг
розгледіти
обрисів твого обличчя
у чорному дзеркалі
пролитому нам
під ноги

ТОЧКА ВІДЛІКУ

сніг тягарем
лягав на плечі дерев
прогинаючи їхні спини
ламаючи чорні хребти

ми стояли по різні сторони ріки
тої що вже ввібрала у себе
останню осінь

ми стояли не дивлячись один на одного
прислухались
й намарно намагались
полічити
усі ті переломи злощасних самотніх
дерев

але натомість
чули лиш відлуння того
що ламалось у нас
всередині

Ольга МАЦО
Одеса

сьогодні сонце забуло
сходити йому чи заходити
взяло й зависло
між землею і небом
між учора і завтра
між тобою і мною

місяць шокований
дивився на це збоку
довго думав що робити
вагався
а потім
зійшов замість сонця

і ніхто вже не знає
ранок зараз чи вечір
учора зараз чи завтра
сонце світить чи місяць
на землі ми чи на небі
ми це чи не ми

БОЖЕВІЛЬНЯ НІЧНОГО РЕЖИМУ

ніч несповна місяця
жбурляє божевільні сновидіння
під подушку
колективного безсвідомого всесвіту

на ранок
сновидці читатимуть сонники
а хто забув надіти окуляри для сну
зрозуміє що не існує життя
поза сновидіннями
а поки –
заблукалі у міжсонні сновиди
протягнутими руками
куйовдять сні

із подушки
колективного безсвідомого всесвіту
летить пір'я
складається пір'їнкою до пір'їнки
і кружляє
птахом ненасненних сновидінь

і тільки у мить
коли ніч несповна місяця
одягає гамівну сорочку дня
можна прокинутись
і розбожеволіти

снилося таке що мені й не снилося
уві сні це ж не уві сні
прокидаюся й питаю в ловця снів
чи всі сні зараз такі пішли
чи не переплутав чогось морфей
чи не був це сон що нікому не мав наснитися

ні каже ловець снів ні
ніхто нічого не переплутав
нікому нічого не наснилося
сні як сні
спи

тепер не засну
бо сни зараз такі що нікому не спиться
багато роботи у ловця снів
а я от нитки на ньому рахую
і бачу як застряє в його сіті
сон що нікому не має наснитися

що ти робиш? питає мене ловець снів
нічого кажу нічого не роблю
ніхто нічого не робить
усі сплять

але хтось поміж снами ходить
переходить з одного в інший
і питає
де той сон що нікому не має наснитися?
чи всі сни зараз такі пішли?
де морфей що має щось переплутати?

ніде каже ловець снів ніде
ніхто нічого не має переплутати
нікому нічого не має наснитися
бо всі сни зараз такі що й не снилися
уві сні це ж не уві сні

не стій

на порозі
на протязі
на воді

навесні

на краю цього світу

ніколи не стій

бо не встоїш

і підеш

від порога
за вітром

по воді
по весні
по краю

усе що ти мені залишив –
жмуток гілля невідомого дерева
і багаття
це дивне багаття

нехай собі горить
виглядає ніби гарно
і пахне
пахне справжнім вогнем
але що ж робити з гілками
з цими дивними гілками ?

я ж достеменно знаю
що не існує ніякого дерева
бо ніколи його не бачила
лише чула
чула як воно росло

але то у моїй уяві
там де насправді немає дерев
там де у мене є сад
цей дивний сад

ніч розквітає снами
їхні пуп'янки
тягнуться до місяця
бубнявють і розкриваються
під його промінням

час збирати квіти

ти приходиш до мене
із букетом снів
я кладу його у вазу ліжка
і з-під подушки чутно
снодійні пахощі

час заплющувати очі

поки триває квітіння

бо коли ми прокинемось
у нас із повік опадатимуть
пелюстки снів

ПОБАЧЕННЯ

нас бачили разом у знаній безвісті
коли купідон управлявся зі стрілами
водив за серця нас із піднебесності
допоки з любов'ю у лоб не зустрілись ми

нас бачили разом у дальній близькості
коли за уста ми тримались цілунками
сіяло в усіх небесах по блискавці
кохалися тихо кохалися лунко ми

нас бачили разом у світлій темені
коли і заходило сонце і сходило
віщунських сновидь три очища впевнені
в котрі ми удвох заглядали із подивом

Світлана ПАНЧУК
Львів

Янголи катаються на роликах по міських площах
вітер лоскоче їм крила
діти біжать за ними
ніби чують флейту
насправді біжать за крилами
насправді раді б покататися.
Зрештою янголи зупиняються,
гладять крила одне одному,
потай надіючись, що ніхто не зрозуміє,
що вони не злетять

Жінка гачкує в осінній електричці
ниткою кольору весняного неба
повітряна петля
стовпчик з накидом
її жести мені знайомі
з уроків трудового навчання
з журналів у приймальнях лікарів
з рук моєї бабці -
вічно засмаглих, навіть взимку
вічно покривлених в трохи за 50,
таких чужих косам Моніки Белуччі,
схованих під хустиною
(до хустини вони якраз пасували)
але ця жінка просто гачкує,
трохи розтягує петлі пальцем з обручкою
зупиняється, щоб уявити результат...
я не знаю, що вона плете,
вона не знає, що я плету про неї

сидиш, долю виглядаючи,
(час на колінах згорнувся,
всесвіт за дверима зіщулюється)
а ж раптом
вітер
душу приносить –
заштопати

МІСТО

Нам добре так удвох у цій юрбі
про тишу і самотність говорити,
але минуле вже не повторити,
тому я просто розкажу тобі
історії про янголів, які
охороняють твоє місто пильно
і захищають від негоди крильми
широти площ і вулички вузькі,
і школи-вулики, з яких рої дітей
на звук дзвінка випурхують, як бджоли
(їм заміняють луки і простори
сплетіння коридорів і дверей).

Але кориди в кожного свої.
Тут, на межі бруківки і асфальту,
ти робиш крок – до втечі чи до вальсу?
Тебе ведуть зірки і ліхтарі.

Соломія БЕГЕН
Львів

Інколи в потязі, втікаючи з дому,
Я відчуваю себе пілігримом.
Хвилі повітря, незвідані сонця
Кличуть у порт під назвою Світ.

Потяг розхитує душі всередині -
Всі ми заручники, поки він мчить.
Мені не збагнути глибин всеохопності,
Я лиш мандруючий з вами поет.
З мого вікна, покритого часом,
Видніється простір безмежного кольору
Й поле містичних жовтих квіток.

Скрип міжвагоння таврує зупинками.

голуби – як ознака миру
голуби – як ознака кількості
а мені б стати голубом як ознакою ліні
сидіти на підвіконні, длубатись в пір'ї
у душі (якщо є) насміхатись з робочих
і чекати обіду, даного Богом,
літати,
гойдатись у повітрі
на пам'ятниках культурно розвиватись
залицятись
під вечір знайти шпарину
заховатись, пригрітись

снити про те, що я людина
сумувати, що не маю хліба,
що дерево замість дому
а зранку прокинутись
і знову по колу.

ДЕПРЕСІОНІЗМ

якщо ти ще тут
то хто відчиняє їм двері
хто запускає тепло
якщо ти не поруч
то хто допоможе мені
хто познімає все чорне
якщо ти почуєш
то просто зітхни
вимкни світло вдягнись
і завмри
якщо не знайду тебе
то двері замкнулись
вони вже пішли

спрага
до твоїх слів
часто примхливих
часто задушливих
наче будинки у Мексиці
мучить мене
вечорами.
нечасті миттєвості
тамування її
проминають невидимо

Юлия СИРОМОЛОТ
Киев

Ледяное полнолуние,
Голос кошки одинокой.
Варит белая колдунья
Из змеи и жабы соки.
Угли тлеют синим жаром,
Вся изба полна тумана,
Это фабула кошмара,
Трансцендентного романа.
Положись на эти знаки,
Будешь сам себе сюжетом:
Сто смертей твоих во мраке,
Сто путей обратно к свету.
Но ни выхода, ни входа -
Полторы координаты.
Сизым призраком свободы
Дым клубится сладковатый.
Для тебя варилось зелье,
Вот и пей его горячим
И вложи души веселье
В одинокий вопль кошачий.

Прощай!
Уносятся волосы, руки -
На выходе, в стрелочной передрыге,
Наполнится сердце не криком, а стуком
И зубы лязгнут о горлышко фляги -
Прощай!

Пусть памяти сотые доли
Тревожат занозами стенок дощатых -
Ни света, ни ветра, ни страха, ни боли
Покуда – дорога, покуда – куда-то.

Когда я вступлю
На узкий свой мост,
На гибкое лезвие -
Ты давно уже будешь другим.
Ты будешь бессмысленной сутью,
Возможно, ветром
В весенних белых садах.
Не помня о смерти,
Вздохнешь
Над вишнями и абрикосами -
И я не удержусь
На узком мосту,
На огненном лезвии.

ЛЕТНИЕ ВОЛХВЫ

Луна – как нож. И они пришли,
Явив три безумных лика:
Луис Бунюэль,
Сальвадор Дали,
И третий – дон Федерико.
Их руки были по локоть черны,
Перстнями скрючены пальцы.
Плясали и пели под скрип луны
Изысканные скитальцы.
У них был мистический апельсин,
Оливки, хлеб и малага,
Но сердце страшилось пыльных равнин –
Осталась сухою бумага.

Тогда ушли, не взглянув назад,
Под луною, как смерть, невинной,
Свет,
Спаситель,
И третий – Гранат
С разорванной сердцевиной.

Юлія ШЕКЕТ
Київ

МІЖ ТІСНИН

В.Л.

ніби те мексиканське сонце
що потребує нової офіри
жорстке це літо
нас полишають люди і звіри

ніби те мексиканське свято
на яке завітають усі незримі
терпке це літо
нас потримають роботи і рими

ніби той мексиканський напій
трохи пристрасті трохи солі
легке це літо
нас коливають любові і болі

за вікном за деревами ген
з геном жита схрещений ген
смуг на небі й смуг лісових
світ накреслений криво в кривих

світ розчерканий тінню в чб
де людина трави не гребе
лиш вівця та серця смик та смик
світ фарбований лисами в СМУК

і від обрію ген до вітрин
з геном цукру кислоти цитрин
ти мій маляр муляр мольфар
світ з накладеним фільтром LoFi

За застуди твої хронічні за освіти твої неповні
За твої перемоги ревні за твої безпомічні повені
За рослини твої засохлі за твої роздуми беззмістовні
За дедлайни твої жорсткі і за ніжні співучі сови
За твої погляди неоковирні і переліки недоречні
За враховані помилки грубі і твої перепрошення гречні
За ретельні місткі провалля і споруди твої безсенсовні
За вікном вагону сідає здоровезне червоне сонце

МАЄМО ЩО МАЄМО

у мене іще є ноги
з яких ізнято резину зимову
та я вже не маю змоги
тримати кіло розмови
всі теми сама тримати
погляди двоповерхові
аромати томатів
лобові скельця любові
у мене іще є очі
для побачень і необачень
та я вже сама не хочу
тримати три тони значень
всі кроки сама тримати
красти знання сакральні
доторки каремата
крильце фіранки у спальні

тримати розкриті рухи
і три міліграми чуда
у мене іще є вуха
я хочу тебе почути

ТОБІ ТРАВИ

надто давно я тебе не бачу
але розумію ти маєш право
не бути тут мати власну вдачу
як добре що ти десь існуєш траво

я повільно заплющую очі
і бачу можливе зелене вітрило
я теж маю право хотіти й хочу
щоб ти прийшла і мене накрила

Денис МАЙДАНЮК
Одесса

птахи сідають на гілля дерева
вони не знають, хто посадив його
вони сідають, бо воно є
і воно не належить нікому.
Під деревом ходить Єва
вдягнена в сукню кольору папороті
вона збирає пожовклі яблука,
щоб принести їх скуштувати Адамові.
Адам ще нічого не знає
він не має знань
цілковита *tabula rasa*.
Єва несе йому яблука
загорнуті у свіжу білизну
він надкушує по шматочку
з кожного, надкушує
з яблука сорому й кривди,
з яблука правди й пам'яті

птахи сідають на гілля дерева
що росте за моїм вікном
поруч з портретами мами і тата,
бабці і діда, прапра і прапра.
птахи надкушують яблука
крук вичищує пір'я
зозуля рахує літа

птахи сідають на гілля дерева
що росте за моїм вікном
вони не знають, хто посадив його
вони сідають, бо воно є
і воно не належить нікому.

МОЙ ДРУГ

мой друг, ты молчишь,
а я и не знаю, что тебе сказать.
ты смотришь в мои глаза
деревянным идиолом,
каменным львом,
искусителем-змеем для Евы.
стрелка часов движется влево.
мелькают дни, годы, века.
реки меняют течение,
я становлюсь ребёнком и
снова люблю качели.
истоки сливаются с устьем.
оглядываюсь вокруг.
тебя уже нет. пусто.
ни одного крика из уст.
я ищу тебя в своих глазах.
без устали.
в стёклах окна отражается люстра.
я просыпаюсь.
так начинается. утро.

мой друг, ты читаешь
на завтрак мне сутры,
поёшь мантры,
держишь небо
над моей головою атлантом,
разогреваешь суп,
а я и не знаю, что тебе сказать.
молчу, словно труп.
ты каменным идиолом,
медным львом,
искусителем-змеем для Евы
смотришь в мои глаза.
стрелка часов движется влево.
мелькают дни, годы, века.
я становлюсь деревом.

солнце лижет мне крону,
я бросаю вниз листья синхронно
и одинокую тень.
я засыпаю.
так. начинается день.

мой друг, ты пишешь мне письма.
за окном шуршат шинами
проезжающие машины мимо.
исходит испариной
раскалённый улицы лоб.
я – твой инок, ты – мой бог.
я читаю письма и
не знаю, что тебе сказать.
ты смотришь в мои глаза
пластмассовым идиолом,
механическим львом,
искусителем-змеем для Евы.
стрелка часов
продолжает движение влево.
мелькают дни, годы, века.
я наливаю в стакан молока.
но тебе пора в путь,
ты оставляешь на столе
сок из корней цикут
и гасишь свечи.
за окном уже вечер.

ты включаешь люстру.
и обещаешь вернуться.
утром.

остановиться.
пора остановиться.
отстраниться.
в ветках изломанных рук твоих
гнездятся на зимовье птицы.
каждый город норовит
стать небольшой
больной столицей.
кашляют в ночь поезда.
Хароны вокзалов молчат
жетоны метро кладя
на широко закрытые
на твои глаза

Кухня

Юлия ХОЛОД
Киев

Веет вечностью с синих кряжей,
Дразнит галечный перестук...
Я теку пахлавой по пляжу
Прямо в море...
Как в нежность рук...

All inclusive:
Прибой, и скалы,
И цикады, и кот у ног,
И потеющие бокалы,
И турецкий плечистый бог...

И румянится бок, как свёкла,
И белеет в ресницах соль,
И лоснится в зеркальных стёклах
Бирюза анталийских волн...

И распались часы и мили,
Быт, галоп, новостная ложь...
Только в небе...
Встает будильник!...

Семь ноль пять.

И в окошке дождь.

Было просто: два билета
На один огромный глобус...
Нежность воскрешал во мне ты,
Я в тебе гасила злобу...

Было ярко: наши кеды
Прогибали мир упруго,
Под большим небесным пледом,
Обвязавшись ветром туго...

А теперь глядим на вещи
Через повседневность-призму.
Я учу тебя быть нежным,
А сама учусь цинизму...

Надо мною облака химерою,
Ну а я себе твержу: «Верую!»
Собираю в пузырек искренность,
Чтоб пятно с моей судьбы вывелось.

Сквозь дорожную пургу серую
Я иду – и все во мне: «Верую!»
В свой отравленный родник серою,
В каждый шип и в каждый дождь – верую!

В наш союз, что весь пестрит брешами...
Будет все на небесах взвешено
И отсчитано двойной мерою...
Я не знаю...
Я лишь верю...
Верую...

Ты помнишь, смотрели, как тучи ходили парадными,
Сидели над крышами, в зареве алом, масленом...
Меня научил ты бумажных журавликов складывать,
Сказал, если тысячу сложим, то будем счастливы...

Потом ты ушел. Я свыкалась... Не верила... Верила...
Ходила местами, что нами измяты-исхожены...
Осталось закатное небо, как боль, как истерика,
И тысяча грустных стихов, в журавликов сложенных...

А стрелял – не думал, сколько крови выльет,
Сколько струн порвется от протяжных нот...
Только бы навывлет, только бы навывлет!..
Выйдет под лопаткой – значит заживет...

Если же застрянет – загниет, отравит,
Подогнет колени, раскалит виски...
Не промоют ливни, не залечат травы,
Никогда не станут облака близки...

Капсулу литую заряжая пылью,
Приставлял, не целясь, к правому плечу...

Только бы навывлет, только бы навывлет...
Вечно с этой болью –
Не хочу...

Твои слова звенят, как мелочь битая.
Ты ими чувства окружил, как свитою,
Облек эпитетами, как вуалями,
Надел на них короны и регалии.
И фразы все продуманы заранее.
Но ты не знал,
Что я люблю молчание...

Все белым бело, как первый наст
В поле минном.
Верить хочется, что путь у нас -
Длинный-длинный...

Гладкий наст – ни тени, ни следа -
Ровным слоем...
Верить хочется, что маета,
Паранойя...

Только там, под снегом, как чека,
Ревность злая.

Вера новая, как новая рука, -
Не отрастает...

В моих снах – высоты, а в них лифты,
Вниз и вверх, до крика, до тошноты...
Бесконечный желоб.
Безумный раж.
И все время не мой этаж...

В моих снах маршрутки...
В окне столбы.
И повсюду спины, затылки, лбы.
И кругом ругают, смеются, врут.
И все время не мой маршрут...

Поворот не тот, и подъезд не тот...
И вот так по кругу уже раз сто
Бледной руной, скрюченной на листе,
Просыпаюсь...

Опять не с тем.

Человек человека встречает в один из дней,
И легчает накопленный груз на его спине,
И, меняясь до самого донышка, до основ,
Свято, искренне верит, что это и есть любовь...

Только к ней много тысяч склонений и падежей
И как минимум сорок непройденных этажей.
Одинаковых дней по накатанной полосе
(Одинаковость – это труднейшая из стезей).
Это если нещадно сметает за слоем слой
Жизнь с любимой иконы колючей своей метлой.
Это сотни прощений, когда нету сил прощать.
Это лескою шить, вновь и вновь, когда швы трещат.
Много, много соблазнов, неверных шагов и вех,
Ведь всегда есть попроще дорога, послаще грех...
Это стоя у грани и глядя на блеск огней,
Понимать: то, что там, за спиною, тебе нужней...

И однажды взойти на тридцатый (сороковой),
Ощутить все пролёты и клетки своей ногой,
Отпустив, словно шарик, последний хмельной мираж,
Вдруг понять: не жалеешь ни про один этаж!

Только жизнь на любовь ставит пробы своей печать.
То, что есть,
То, что будет,
Уже никому не сломать!

А у Бога в приемной есть старый дубовый стол,
Освещает торшер желтоватой подсветкой холл,
И пылает камин, словно высеченный алтарь...
Принимает устало молитвы там секретарь...

Бог живет на Багамах, читает раз в день свой мейл,
Выбирает, кого наградить добротой своей,
А потом уплывает на спинах у аффалин
Созерцать все красоты придуманных им глубин...

...А сегодня три тысячи писем, горит экран,
Секретарь допивает настойку, шестой стакан.
На три тысячи первом его побеждает сон...
Там, где Лиз просит дать ей догнать голубой вагон:
«Помоги же, Господь, мне лишь двадцать, в окне весна...
Моему малышу только два, я ему нужна...»

А назавтра уже кипа новых...
Торшер горит...
И вчерашние письма съедает опять «Delete»...
«Дай мне силы..терпенья...любовника...миллион...
Дай свершится закону... и дай обойти закон...»
На n-тысячном в Божьей приемной ложится сеть...
Там, где Лиз умоляет опять ей продать билет:
«Помоги мне, Господь, ну за что мне вся эта жесьть?..
Доктора говорят, шансов мало, но все же есть...»

Послезавтра в корзине письмо: «Помоги, спаси..
Я стою у двери, у меня уже нету сил...»

...А неделю спустя так же будет гореть торшер,
И седой секретарь – из графина плескать в фужер,
И метаться огонь, и плестись паутина лет...
Снова тысячи, тысячи писем...

От Лиз больше нет...

Диана СУШКО
Київ

А потім ти снишся декілька днів підряд,
і я посміхаюсь, і вже не важливо, як там
насправді у тебе з отим різнотрав'ям правд.
І вже, якщо чесно, що то, по суті, правда?
Бездоння пориву? ...безодня за крок від нас,
що кожного кличе в свою підсвідомість буднів?
Блукає полями, не стишує ходу, час,
Витоптує межі – їх завтра уже не буде...
Пощо дорікати, впиватися в струни слів,
...пектися, котрій цілував ти під вечір спину?
Вертався в обійми, голубив мене, хотів!
...а правда усяка незмінно осяде тліном.

И присмотрится город к шальной гурьбе,
и влюблённых укроет на чашку чая,
троеточие ставя на их судьбе.
И однажды расскажет, как он скучает,
как она засыпает в цветных носках,
не одна и, скорее всего, любима.
...как безудержно годы несутся мимо,
оставляя лишь изморозь на висках...

Мабуть, мені не так уже й болить,
Якби боліло, то була би поруч.
Вогні вартують місто.
...місто спить, і сни його збуваються поволі.

Весна пішла, торкнувшись до руки,
розніжена, розквітла, синьоока...
Таки не дочекалася пророка,
котрий би полічив її гріхи.
Вона була аж надто затяжна,
замріялась, блукаючи дворами.
І ось пішла, а ми лишились...
нами, стискаючи прив'ялі пелюстки,
в самотніх снах...

БАТЬКАМ

І день, і ніч, і кава, і вино –
життя давно одним коловоротом.
І де та грань, коли не все одно,
коли таки знайшовся, де і хто ти?

Коли строфа відвертістю іскрить,
коли в молитві теплиться надія...
В тенетах буднів молодість – як мить!
... хоч би батьків провідати в неділю.
Бо то ж Різдво!

П'янить святковий стіл...
Онуки на печі – одвічний клопіт.
Все гримаю на доньку: «Стишся! Стій!»
...а мати посміхається супроти.

І я мовчу... сповільнюю ходу...
Схилити мушу голову уклінно –
мою таку чарівну вереду
гойдає дід невпинно на колінах.
Оце та грань...

А я – лише сполохане дитя,
пручаюся у вічності в обіймах.
Мої шляхи поглине небуття,
мої страхи потонуть в божевіллі.

А я – лише примара уві сні
свавільного, розкутого поета.
Повільно та не мокрий чорний сніг
в розкиданих задвірках тенетах.

Несуться дні вперед, без вороття,
Хміліє пам'ять, знічена вустами.
А я стою, сполохане дитя,
усе стою над прірвою між нами.

Не верь мне, я сама себе не верю.
Мой голос сплошь пропитан плутовством.
Я за полночь гуляю вольным зверем,
всю горечь оставляя на потом.
Я окунаюсь в Лету на рассвете,
смываю глупость брошенного дня,
вновь обретая смыслы, и запреты
все реже хлещут пламенем меня.
Мне нынче чужды кротости одежды,
безропотность немых домашних жён.
И рук моих невысказанная нежность
растаяла свечами у икон.
Осталась ложь, ни смуть её, ни выжечь,
и страсть, и молча сплетни льнут к ногам.
И я иду, они ступни мне лижут,
и вслед плюют библейским «аз воздам».

Отпив из рук беспечности, у края,
с мольбой не поднимаю грустных глаз.
Но всякий раз, когда меня спасаешь,
не верь, что я не веровала в нас.

ИСТОРИЯ ВЕРЫ АНДРЕЕВНЫ

Вера Андреевна спала сегодня плохо. Всю ночь ей снились кошмары. Сначала бывший муж, с которым они развелись 8 лет назад из-за его постоянного пьянства и следовавшего за этим разноса квартиры в пух и прах. Во сне муж в поисках выпивки выворачивал содержимое тумбочек и шкафов, уничтожая остатки порядка и чистоты. Она смотрела на него покрасневшими от безысходности глазами и не могла вымолвить ни слова. Вера Андреевна только ворочалась в кровати и тихо стонала.

Потом под утро ей приснилась покойная мать, отношения с которой всегда были натянутыми. Мама умерла в позапрошлом году, она жила одна, и Вера каждую неделю навещала её, чтобы приготовить еду и убраться. Разговаривали они мало. Мать так и не смогла простить Вере отсутствие высшего образования и упущенную карьеру юриста. Она говорила, что если не она, то хотя бы дочь должна «выбиться в люди». Профессия юриста казалась ей именно той таинственной тропой, которая в эти люди выводила. Но самое главное – мать не смогла простить Вере сделанный в молодости аборт, в результате которого женщина больше не могла иметь детей. В последние годы она уже не напоминала об этом, только громко вздыхала при виде соседских ребятишек и молча устремляла взгляд в никуда.

Сегодня мать приснилась Вере другой, веселой, с горящими глазами. Она держала на руках младенца, в розовой кружевной шапочке и цветастых советских ползунках, которые выглядывали из хлопковой пеленки. Что это была за девочка, Вера понять не успела, так как быстро проснулась с жутким, охватывающим все тело ощущением, что ребёнок был все-таки её.

Вере Андреевне было 54 года. После развода она не без труда выселила мужа, приютила старую бездомную кошку Марту, которую подкармливала последние три года и наконец начала

жить так, как давно мечтала, спокойно, тихо, в скромном уюте чисто убранной квартиры. Муж появлялся редкими набегами в поисках денег на спиртное, но Вера упорно держала оборону и вскоре его попытки сошли на нет.

Просыпалась Вера Андреевна на рассвете, многолетняя привычка позволяла ей не пользоваться будильником, но на всякий случай он все же стоял на потертой прикроватной тумбочке и судорожно скулил в 5.30 утра. После недолгих раздумий о предстоящем дне, Вера покидала постель и покашливая шлепала по холодному полу в ванную. Полосатая Марта терпеливо ждала её на кухне. Вера ставила чайник, кормила кошку и тяжело садилась на стул, неспешно намазывала масло на ломтик чёрного вчерашнего хлеба, солила и с удовольствием откусывала от него кусок, запивая слабым ромашковым чаем.

Обычно она выходила из дому в семь. Хотя на работу надо было к девяти, Вера приезжала на полчаса раньше, чтобы не спеша пройти от метро к дому, на первом этаже которого много лет подряд находилось почтовое отделение №13, и подышать свежим воздухом. Она работала почтовым оператором.

Работы было много: приём и выдача посылок, писем, выдача пенсий, переводов. И хотя весь процесс достаточно рутинный, скучно не было никогда. Люди приходили разные, одни спешили и нервничали, другие хотели поболтать, сетовали на мужей, родителей, подруг, иные – вообще странно себя вели.

Содержимое посылок надо проверять в целях безопасности. Однажды молодой парень отказался открыть посылку, а когда ему объяснили, что её все равно вскроют сотрудники, просто выхватил её из рук Веры и убежал. В другой раз пересылали живых пчёл, которые при оформлении полезли из упаковки. Кстати, пчёл пересылать можно, но со специальной отметкой. Как-то прислали сыр с плесенью – пришлось нюхать каждую упаковку, пока определили, где он. Высылают разное: даже старую изношенную обувь продают.

Вера любила свою работу и часто засиживалась допоздна, чтобы разобраться с бесконечным потоком дел. (Или чтобы дольше чувствовать себя нужной.) Мать говорила Вере, что она ненормальная: «С утра до ночи сидеть за копейки, больше 12 лет! Это же ни в какие рамки не лезет!». Но Вера словно не слышала,

она давно привыкла к порицаниям матери и уже не обращала внимания даже на дельные советы. Когда мать отошла в лучший мир, Вере в какой-то степени стало легче дышать, не смотря на светлую тоску по маме.

Сегодня Вера не могла сосредоточиться на работе, ей неинтересны были ни люди, ни их заботы, ни посылки, которые, то звенели, то жужжали в руках. Вера все думала о своём сне, о девочке в цветастых ползунках, о быстротечности времени и о том, что, возможно, она упустила что-то важное в жизни...

Она пребывала в состоянии замешательства и возбуждения одновременно.

Закончив дела пораньше, Вера выскочила на узкую улочку, вдоль которой нежно-розовым цветом пенились абрикосы, остановилась на пару минут подышать ароматом и быстро пошла к метро.

Веру не отпускала мысль, что ей не хватает чего-то важного, чего именно, она пока не знала, но то щемящее чувство, которое охватило её тело на рассвете, будоражило её до сих пор. Уснуть сегодня ей так и не удалось...

ДИАЛОГ

- Здравствуйте!
- Здравствуйте. Чем могу быть полезна?

Передо мной стоял невысокий, крепкого телосложения мужчина с серьезным выражением лица.

- Мне сказали, вы можете помочь.
- Ну, если сказали, то постараюсь.

Я пыталась снять напряжение, но пока тщетно.

- Расскажите немного о себе. Как вас зовут? Чем занимаетесь?

- Меня зовут Андрей. Работаю в строительном бизнесе. Нет постоянных отношений. Девушки, как бы есть, но это так, потусить через выходные. Хочется какой-то стабильности, чтобы дома кто-то ждал...

- Как вы думаете, почему так происходит?
- Потому что девушки все были неподходящие. С одной, кстати, два года прожили, на некоторые вещи я закрывал глаза.

То есть в целом все, вроде, неплохо было. Но разошлись.

Андрей говорил напряжённо, чувствовалось, что касаться этой темы сейчас не стоит.

- Чего вы ожидаете от нашей работы?

- Я хочу понять, почему не выходит встретить нормальную девушку.

- Нормальную... это как?

- Для длительных отношений.

- А какие девушки подходят для длительных отношений?

- С соответствующей внешностью, и чтобы было о чем с ней поговорить.

- Соответствующей чему или кому?

- Ну, с нормальной фигурой, лицом...

- А о чем вы хотите с ней говорить?

- Да я не знаю, обо всем. Есть такие, которые и двух слов связать не могут.

Мужчина начинал раздражаться, вопросы казались ему бессмысленными, и ответов у него не было.

- Андрей, чем вы увлекаетесь?

- В смысле? Вы имеете в виду хобби?

- Да.

- Рыбалку люблю, автомобили...

- А какую рыбалку любите?

- Всё равно, главное, чтобы улов был. (Смеётся). Больше всего, на хищника ходить люблю. Особенно, если с лодкой.

- Что значит «на хищника»?

- Ну, на хищную рыбу: щуку, судака, окуня... Хищник ловится на спиннинг, а не на удочку. И наживка совсем другая – блесна, воблер или силикон, зависит от вида рыбы, на которую идёшь. Например, щуку лучше ловить на блесну, долго объяснять, почему, там много чего играет роль: и то, на какой глубине находится рыба, и способ захвата ею наживки. Ну, и разнообразие блесен должно быть. На одну не клюёт – меняем на другую. Это же как охота, очень азартно. А ещё надо понимать, где рыбные места, и какой прикорм брать. Но на хищника прикорм не нужен. Ты просто движешься и бросаешь спиннинг. И конечно же, надо учитывать время года, например, когда нерест.

- Вы так много знаете о поведении разных видов рыб,

периодах нереста, подборе снастей. Могу предположить, что улов вы получали неплохой.

– Всякий был. (Смеётся)

– Скажите, Андрей, а что вы знаете о женщинах? Вы сказали, что хотите встретить девушку для длительных отношений. Обратите внимание, прежде чем идти рыбачить, вы определились с видом рыбы, потом многое выучили о поведении и предпочтениях этого вида. Выбрали место ловли, подготовили снасти и только потом поехали. При этом, подозреваю, что с первого раза не всё получалось...

Андрей меня прервал, не дослушав.

– И улов каждый раз отличался. Вы хотите сказать, что мне надо знать то же самое о девушках? Но я и так... Выходит, не знал почти ничего. И на кого ходил, толком не знал... Поэтому и знакомства случайные, и девушки неподходящие?

– Вы очень много знаете о ловле рыбы. Но мало – о человеке, которого хотели бы видеть рядом. А ведь человек реагирует намного сложнее рыб.

– Да, я понял, о чем вы... Но что мне делать?

– Давайте вернёмся к вопросу о девушках. Какие девушки вас привлекают?

...

(Из частых запросов на консультирование; образ героя собирательный; любые совпадения исключены)

Ксения УЗЛОВА
Киев

СОЛЁНЫЙ МАРТ

Я тебе пишу о суровой стычке
Соли с мартовским снегом с весом свинца
Полустроками, оставаясь верной привычке
Не доводить – доходить до конца.

Я тебе приношу новость талую
На правах и сплетницы, и гонца.
Что терять с рожденья поставленной
Под прицел созвездья Стрельца?

Я тебе пишу под капелями
Из рабочей своей кутерьмы
Сообщить, что смогли, что сумели мы
Вырвать март из морозной тюрьмы.

Но не смыть ни капелью, ни оттепелью,
Ни ложкою меда, почившею в молоке,
Осознание, что зимнею солью
Я скриплю на твоём языке.

И запечённым яблоком катился вечер скомканный,
Но в зал входила женщина,
Из чьих-то жизней сотканным
Казалось платье смятое. А пальцы века трещины
Скрывали под заплатами
Из кожи, лака. Маскировали отчетливыми линиями
Колец.

А в зал входила женщина.
На запах жженой шерсти
Слетевшиеся шершни
Сулили ей конец.

Как в запеченном яблоке, клубился вечер ватой,
Но в зал входила женщина,
Походкой виноватую
Поразбредались в стороны
Вслед шершням бесноватым линияющие вороны.

А в зал входила женщина,
Окурков тонких жжение
Крылом прикрывший шею
Не ощутил стервец.

На запеченном яблоке лоснились воска локоны,
А в зал струилась женщина,
Меж спин недоцелованных.

А в зал входила женщина
И, чуя завершение,
Губой от унижения
Спасала леденец.

На запеченном яблоке тем раскаленным вечером
Под струн гитарных месиво
Скрестились жизни трещины,
Но в зал входила женщина,
И замолкал певец.

И вечер множил градусы.
И пальцы в кольцах складывались
В венец.

Не пережив духовку, запретный плод скукожился,
И в дверь стремилась женщина,
А под сгоревшей кожей
Пульсировал твой, не её конец.

София ФРУНЗЕ
Киев

На тропинках продрогшие листья.
В парке дождик идет без зонта.
Аккуратно и нежно, по-лисьи,
Облизали дороги ветра.

Я не забуду. Нет, не нужно...
Слова пусты. Давай молчать...
Растаял лёд. Остались лужи
Переполняя жизни чат.
Я промолчу и, может, вскоре
Улыбкой тихой, без причин,
Сниму уставшие от горя,
Морщины с юных лиц мужчин.

Ненаписанных строчек ошибки...
и по линиям жизни в горсти,
Сколько ямочек грустной улыбки,
Оставлял ты другим по пути.
Я забыла тетрадку и кисти...
Ты, похоже, в кого-то влюблён...
Но, теряешь меня, словно листья
у дороги, стареющий клен.

В ночь уходит последний автобус,
Опустевший и еле живой,
Сбросив груз, сбросив шум, сбросив скорость,
Он как будто бредёт мостовой.
Словно против течения и шерсти,
Одиночеством движим одним.
И, как призраки жизни и смерти,
Тени ночи толпятся за ним.

От них ни пользы, ни вреда,
Они всего лишь – провода.
По ним несвязные слова,
Бегут туда, бегут сюда.

Глухая жизнь, в уме, в душе застой,
И только эхо курса сопромата.
Дверь сквозняковая стучится в мир пустой,
Как в створку сердца первого примата.

Закрасив в чёрное красноречивость слов
Корректором исправишь книгу веры.
Ты вырос из шекспировских обнов,
И примеряешь шляпу Гулливера.

Осиротевшим вмиг ребенком,
Сквозь душу зыркнули слова,
И под чернилом влажно-тонким
Прогнулась твердая строфа.

Бумага стерпит говорили,
Бумага – тоже женский пол!
И за ночь выцвели чернила –
Забытый с Богом разговор.

Однажды наступает момент разочарования в друзьях,
Сравнительно смотришь на их жизни и на свою, на них и на себя.
Думаешь:
– И на кого я трачу свою молодость?
Забыв про все, что вам пришлось пережить вместе.
Они больше не бегут к тебе на помощь, даже не звонят.
У каждого свои проблемы,
Каждый имеет друга ближе тебя.
Из 365 дней не находится свободного часа для встречи,
Ты считаешь себя забытым и обижаешься.
Проходит время.

Каждый вычеркивает из жизни тех, без кого жизни
не представлял,
Зачеркнув прошлое, стирает краски будущего.
Проходят года.

Ты понимаешь, что твое отношение к ним было скорее плохим,
чем хорошим.
Начинаешь всех искать.
На поиски уходят годы, ведь нам уже не по 15 лет.
В процессе поиска узнаешь, что кто-то уже умер...
Находятся единицы.
Проходят года.

Кто-то начинает искать тебя,
Но тебя уже нет...

Какое же странное существо – девушка,
Такое глупое, смешное и наивное,
Так любит играть чувствами, мило улыбаясь,
Ничего не зная, хочет казаться самой умной.
В её сумочку вмещается целый мир,
Пока она собирается, проходит целый век,
Когда пишет короткое сообщение, получается поэма,
Элементарные вещи объясняет так, что ничего не понятно.
Сломанный ноготь для нее кажется катастрофой,
Реальная опасность – ерундой,
Когда ей плохо она включает грустную музыку,
Когда хорошо – тоже.

Виденье гущей дыма сплелось вокруг нелепого сознания,
И сумрак странных дней кладёт на плечи руки-ветви,
Растекся грим, пора бы с шеи слезть и
прекратить ненужное катанье,
Когда до смерти шаг по кромке льда, спасает даже теплый ветер.
Из-под земли, не торопясь, на веки оседают мягко тучи,
И боль, и соль, движение воздуха по венам прорезает,
И взгляд над городом моим живет бескрылый и летучий,
И от него ни я, никто, ничто, не ускользает.
Осколки совести вопьются, выпьют жалость сердца,
Агония любви переведет на итальянский душу,
Как ты переводил через дорогу старенькое скерцо,
И просто говорил, просил меня, послушай...

Нерешенный взгляд. Молчанье.
За спиной крадется ночь,
Переулком мятным, чайным
Я хочу куда-то прочь.
На ноге проходит стрелка,
На руке стоят часы.
Словно ночь забила стрелку
В толщу чёрной полосы.

Сырой туман ночного, призрачного неба.
Июльский дождь – ослепший образ пустоты.
Пыль солнца за окном, – и была и небыль,
И звук дождя – в тоннеле немоты.

Иногда так бывает –
Случайные строчки стиха
Закрываются в памяти на замок.
И живут там годами.

В глазах всех прохожих
Я вижу тебя.
Так хочется их всех обнять...

Я всегда любила то,
через что приходилось переступить.
Мои желания вызывали чувство страха,
я боялась их.
Невинные записки были сожжены,
а потом восстановлены,
с указанием подробностей.
Все, что я делала,
казалось нелогичным.
Пол сантиметра от линии жизни.
Я иду дорогами,
лежащими вдоль магазинов.
Мне очень хорошо.
Я хочу обратно.

Где омут больше не молчит,
Где звёзды лезут к небесам,
На клей приклеится магнит,
Из магазина «Сделай сам».

Где мышеловкой ловят сыр,
Где грабли ходят за людьми,
Бежит за крышей целый мир,
А остаёмся только мы.

Яков КЕЙХАУЗ

Под клеёнчатым фартуком синим
Пустовал полосатый матрас.
И коляска наполнилась сыном,
Непонятно и странно для нас.
Хорошо мы живём или худо,
Не отучимся мы никогда
Удивляться пришедшим оттуда,
И бояться ушедших туда.

Константин СИМОНОВ

Над чёрным носом нашей субмарины *
Взошла Венера – странная звезда.
От женских ласк отвыкшие мужчины,
Как женщину, мы ждем ее сюда.

Она, как ты, восходит все позднее,
И, нарушая ход небесных тел,
Другие звезды всходят рядом с нею,
Гораздо ближе, чем бы я хотел.

Они горят трусливо и бесстыже.
Я никогда не буду в их числе,
Пускай они к тебе на небе ближе,
Чем я, тобой забытый на земле.

Я не прощусь с опасностью земною,
Чтоб в мирном небе мерзнуть, как они,
Стань лучше ты падучею звездою,
Ко мне на землю руки протяни.

На небе любят женщину от скуки
И отпускают с миром, не скорбя...
Ты упадешь ко мне в земные руки,
Я не звезда. Я удержу тебя.

Роман ТЯГУНОВ

В библиотеке имени меня
Несовершенство прогибает доски.
Кариатиды города Свердловска
Свободным членом делают наброски
На злобу дня: по улицам Свердловска
Гомер ведёт Троянского Коня
В библиотеку имени меня.

В библиотеку имени меня
Записывают только сумасшедших.
Они горды своим несовершенством:
Читая снизу-вверх и против шерсти,
Жгут мои книги, греясь у огня
Библиотеки имени меня.

Библиотека имени меня
Стоит внутри моей библиотеки.
Здесь выступают правильные греки:
Круги, квадраты, алефы, омеги
Внутри себя вычерчивают греки
И за руки ведут своих ребят
В библиотеку имени меня...
Внутри коня гонят библиотеки.

Эмиль ЯНВАРЁВ

На всё, как кисея, наброшен май,
Бежит тропа вокруг пруда ночного...
Она и он. А о любви – ни слова.
Перегорело.
Ангел мой, прощай!
Читаешь Бредбери?
Фантастику читай:
Тургенева, к примеру, Гончарова.

Вадим ШЕФНЕР

Екатерине Григорьевой

Отлетим на года, на века, –
Может быть, вот сейчас, вот сейчас
Дымно–огненные облака
Проплывут под ногами у нас.

И вернемся, вернемся опять
Хоть на час, хоть на десять минут.
Ничего на Земле не узнать,
В нашем доме другие живут.

В мире нашем другие живут,
В море нашем – не те корабли.
Нас не видят, и не узнают,
И не помнят, где нас погребли.

Не встречают нас в прежнем жилье
Ни цветами, ни градом камней, –
И не знает никто на Земле,
Что мы счастливы были на ней.

1967

Курительная комната

Владимир ПУЧКОВ
Николаев

ЖЕЛЕЗНЫЙ ПОРТ

Один на ветру, с травинкой во рту,
мой ангел, ты с неба сбит.
В Железном Порту закат на спирту
в янтарной бутылки спит.
Закатан впрок медовый цукат –
и воды под ним желты...
Пыльцой полыни, цикутой цикад
отравлен, мой ангел, ты!

Ржавеют буквы твои, поэт, –
пустая собачья цепь:
здесь нет ни железа, ни порта нет –
одно лишь море и степь,
и тянет на выдохе ветер-певун
напев кучевых племён,
и каждый курган, и каждый кавун –
таврийским тавром клеймён.

Черкнув спросонок по кнопке «сброс»,
планшет исчерпав до дна,
чумацкой ватаге кинешь вопрос:
«Какая тут, брат, страна?» –
но свесится с воза рябой камуфляж,
зубами скрипнет «калаш»:
– А ну, документы вынь и покажь!
Ты наш? Чи, может, не наш?..

Бежим, мой ангел, смяв в кулачке
чинарика сладкий жар,
отсюда, где вздулись в смертной тоске
воловы жилы чинар, –
туда, где смыт и в пески затёрт
кротовый ход субмарин,
где лайнер в огнях, как турецкий торт,
запудренный в сахарин!

Не будем печалиться над судьбой,
мой ангел, взмыв поутру,
ведь не к чему чалиться нам с тобой
в пустом Железном Порту,
где ниже чаек и выше ворон,
на палке одной струны
бренчит беспилотник по кличке «дрон»,
и воды под ним черны.

Наконец я расслышал, как что-то
перещёлкнулось в небе. Пора
оцифровывать старые фото
и лежалые пробы пера.
За столом в ожидании снулом
наблюдать, как в режиме нон-стоп
катит сканер с рентгеновским гулом
перемётного света сугроб.
Мы уходим. Меняются шифры,
и пароли, и явки, и явь...
В океане расплавленной цифры
нам отныне барахтаться вплавь.
И глядеть, как по белому снегу -
от саней на высокий порог -
юный Пушкин взлетает с разбегу,
оцифрованный Господом впрок!

На неторной тропе, на безлюдной опушке грибной –
 камуфляжная осень стоит у меня за спиной.
 Чует бритый затылок прицельного ока сверло,
 от которого речь в травматический узел свело.
 Непутевая родина, что ж это стало с тобой!..
 Битой пиксельной рябью взорвет небеса листвою,
 сыпанет по глазам, что и так от печали мокры, –
 то ли горсть снегирей, то ли жменю махновской махры!

ВЫШИВАНКА

Ты иголкой крестила рубахи,
 пряча нитей исподних концы:
 всё цветочки да райские птахи,
 а в изнанке – узлы и рубцы.
 Запасала румяна и блески,
 начинала по-новому жить,
 но на черт-те каком перекрестке
 стала чёрной червоная нить.
 Ты такого не знала соблазна:
 захлебнувшись надеждой хмельной,
 что ж ты, ненька, кивнула согласно,
 будто я у тебя – неродной?
 Перед сватями печь колупая,
 тупишь взор, чтобы стыд превозмочь,
 золотая моя, голубая,
 ненаглядная сукина дочь!
 И молчу, побелев от позора,
 за оградой обиду тая,
 рядовой интернатского хора –
 в вошебойке остриженный я.
 Не сули вышиванок-гостинцев!
 По стерне, по колено в снегу,
 все равно, из любых сиротинцев,
 я к тебе – чуешь, мамка? – сбегу!

Маков цвет по щекам гладью вышит,
но заветный секрет – в узелке.
Обними! – пусть никто не услышит,
на каком мы молчим языке.

РЕКА МЕРТВОВОД

Крытый замшей гранит и чумацкого утра рассол.
Край ущелья кренит валуна ледниковый мосол.
И разлуку таит не толящая жажду вода.
По веревке – в аид... Я тебя не найду никогда.

Веет ветер высокий, и слабое сердце болит,
зуммерит над осокой опухший от спячки нуклид,
а из каменных сот неотрывно глядят за тобой
то обглоданный глот, то убойный цветок зверобой.

По равнине, в рванине – влекло эти воды весло,
чтобы в тесной стремнине их корчью в падучей свело.
Что мне хлеб на меду, родника искряная слюда! –
в преисподнем саду я тебя не найду никогда.

На откосе крутом в тощем русле шуршат будяки.
Перевиты жгутом сухожилия мёртвой реки.
Но клоочет поток, рваный норов по норам тая,
как плетёный батог, как змеиноного тела струя!

На железную клямку ущелье замкнёт вертолёт.
Как аптечную склянку – храню в рукаве Мертвовод.
И шиповника след – поцелуя отравленный грош –
рдеет эхом в ответ: ты меня никогда не найдёшь...

РАКУШКА

Я тебя выбрал из тысяч, и тысяч, и тысяч -
там, где моряна, солеными космами тычась,
будто старёвщица, вялым круженьем руки
перебирает пустые свои черепки.

Щурясь под солнцем, искрит перламутровой крошкой
хрусткий мысок за дощатой артельной сторожкой,
и, желтоват, как янтарный налив кураги,
катится к западу край курая и куги.

Я тебя выбрал из тысяч и тысяч ракушек -
томных ледышек и розовогорлых простушек,
смуглых ладошек, сложенных играть в перстенок...
В сонмище томных красавиц – тебя подстерег.

В солнечной пустоши, где, воспаленные солью,
крепко взялись в хоровод ставниковые колья,
я тебя выбрал из тысяч, и тысяч, и ты
взвихренным кружевом окаменелого танца
кажешь бесстыдный испод розоватого глянца...
Кануло лето. Пусты твои недра. Пусты.

Сергей ГЛАВАЦКИЙ
Одесса

ПОПЫТКА СВЯЗИ

В утопической комнате, через века,
Где невидимо – смутной тревоги озона,
Где остыл жёлтый плед и озяб кардиган,
Будут две телефонные трубки – бессонны...

Они будут висеть на своих проводах,
Кем-то сняты и брошены, и позабыты,
И бессмысленно будет само «никогда»,
Когда призраки станут шептаться открыто

В эти трубки, и будут слышны – голоса
Их – знакомых – из разных вселенных и капсул,
Их, погибших давно, как и все чудеса,
Их, ушедших в подполье от армий коллапсов.

И – возможно – что случай сыграет ва-банк,
И – сойдутся мгновенья в испарине грусти,
Два тоскующих призрака, раб и раба,
Обнаружат, что есть между трубками – устье,

И дождавшись звонка, через век или два,
И услышав друг друга, узнав по дыханью,
Наконец-то отыщут такие слова,
Что на время – изменится суть Мироздания...

Плоскость моря – экран телевизора лишь.
Сингулярность де-юре – стоять над обрывом.
В астеническом небе петляет камыш,
Словно древнего Ящера Времени – грива.

Подвенечные радиоволны в одно
Нас сольют, словно воду из всех водопоев,
И тогда я поверю, что счастье – дано,
Что тобой станет в тысячный раз – всё живое,

И, при жизни поправ, будто вечность – собой,
Равновесие астмы и воздуха – вьюгой,
Эти призраки бледные, словно прибой,
Наконец-то – быть может – полюбят друг друга.

Х, Y, Z, Т (нулевые координаты)

Что знаешь ты, зеленоглазая моя,
о том, как любят привиденья после смерти,
каков озноб от мнимой боли у предсердий,
как страшно быть амфибией, когда маяк
ревёт в тумане по тебе и прочим бранным,
быть в мире мёртвых и живых – одновременно?..

Где капитаны немые, будто циферблат,
бесплодна Мельпомена, будто саквояж пуст,
где призраки ведут любовь свою, как тяжбу,
и, отлетает в небыль тот, кто стал крылат,
и суженую, даже если и не жил с ней,
он любит в сотни раз сильнее, чем при жизни...

И понимает призрак в этот миг,
что в каждой прошлой жизни суженой, любимой –
не важно, вставшей рядом ли, прошедшей мимо –
была одна и та же девушка (ремикс
лишь!), в каждой жизни только ею был овеван,
и после каждой смерти – думал лишь о ней он...

Что скажешь ты, когда все чувства жизнью всех
в одну любовь я соберу, как птицелов, и
беззвучно буду ждать – тебя – у изголовья,
на Рубиконе том, на должной полосе,
где чувства все за ночь одну тебе приснятся,
где все они в одну любовь объединятся?..

КСИ, ПСИ, ФИТА, ИЖИЦА...

Мы увидим, бросая параличный взгляд,
Обитаемый мир – под плитой надгробной.
Но какие костяшки у Бога болят,
Если жизнь во Вселенной – нежизнеспособна?

Беспокойная оледенелость, Земля,
Дом родной для случайностей, круговоротов! –
Ты считаешь до ста, но тебя – обнулят.
Нам с тобой не покажут дорогу – в обход и

Светофоры небесные испепелят
(Во спасенье дорога – бикфордова лента)...
Обречённая опламенелость, Земля,
Голограммы Вселенной кочующий центр! –

Атмосферы забрало лежит на полях,
Как сражённая тьмой допотопная падаль.
Герметичность Ковчега – не больше, чем кляп,
В корабле даже трещины дышат на ладан.

Жизнь, как крыса, бежит с твоего корабля –
В никуда, в небытие, всем пустотам за ворот.
Невесомая окаменелость, Земля,
Никому дела нет до того, что бог – Ворон,

И слетаются стаи его ангелят,
Чтоб вкушать наши осоловевшие толпы,
Что Вселенная – это божественный ляп,
Что она – холодна и пуста, будто колба,

Никому дела нет, что потом, за чертой,
После ада – в пустынной и мёртвой Вселенной –
Никого, кто нашёл бы в ней наше гнездо,
Ничего, что могло быть столь быстрым и тленным,

И на дне её нет ничего – ни от нас,
Ни от тех, кто ещё, после нас, мог родиться,
Ни чего-то того, из чего бы – со дна
Удалось новой жизни возникнуть – в темнице.

Я ЗНАЮ – МЫ ЛЕЖИМ

Я знаю день, когда Земля сойдёт с пути
И нас заткнёт за пояс чёрту,
Я знаю час, когда Пространство отлетит
И приведёт Судьбу к аборту!

Я знаю миг, когда сойдёт с орбиты – нуль,
И воздух станет – сгусток грязи,
Как домик карточный, падут в его плену
Причинно-следственные связи!

Я знаю лик миров, упавших за корму.
Там мой девиз: «Китай – для русских!»
Смешон, как китч, и непонятен никому,
Где мы – закуска для закуски.

Цветки пожарных лестниц меркнут в том дыму,
Считай сезоны сна в рассрочку –
Там сонмы мёртвых лет под локти нас возьмут,
И Третий Рим сожмётся в точку!

И что с того, что в энной эре жили мы,
Сражались с Истиной достойно? –
Янтарной комнате недолго до тюрьмы,
Где мы лежим, утопши в войнах.

Мёртвые площади палуб угрюмы.
В них отражаются коконы-тучи.
Тысячи лет не меняет костюма –
Брига безлюдного взрывчатый кучер.

Тихие заводи шепчутся льдами.
Льдины – их губы, их горла, гортани.
Мы никогда не стареем с годами.
Только с минутами, в миги свиданий...

Есть лишь мгновения в ритмике ретро...
В эти мгновенья стареем безбожно,
С точностью пешек, со скоростью ветра...
В эти мгновения мы осторожны,

Держимся за руки, за сердце словно,
И тупиками обходим проспекты.
В алых травестиях мигов церковных
Все кроме нас – лишь абстрактное Некто...

Не доверяют сердца экспертизам.
Повелевает и болью, и страстью
Иноходь пульса по крохким карнизам
Многоэтажного кратера счастья.

Точное время спешит, запинаясь
О кораблей безъязыкие свечи...
В эти мгновения мы вспоминаем
Все наши жизни и все наши встречи.

Земля ежом свернулась,
Озимая планета,
Чудес болото снулых
Растёт по экспоненте.
Ежовы рукавицы,
Похожие на склепы,
И все отроковицы
Идут водой сквозь небыль.
Не год прошёл – эпоха,
А я остался прежним –
От выдоха до вдоха –
Бесснежно-белоснежным.
И родину проведаль,
И возмужал, конечно, –
Победа за победой –
А я остался прежним.
И серебрятся пашни,
И колосится вето,
А я, как есть – вчерашний,
Как песня Чокто, спетый.
А я остался прежним –
Печальным и тернистым,
Бездонным интровертом,
Безбожным альтруистом,
Остался человеком...
Я верю – аз воздели,
Мой внутренний Лас-Вегас
Заслуженно расстрелян.

Я верю, верю, ибо
Когда б в такой печали
Оставшимся людьми бы
Скопытиться не дали,

Не скурвиться бы людям,
Не захлебнуться б скверной –
Перун, Юпитер, Вишну –
Как альфа и омега –
Пускай всех нас разбудят.

Бог весть, тогда, наверно,
У каждого бы вышло
Остаться человеком.

Давай с тобой поедem на косу.
Когда-нибудь. Хоть в прошлом, хоть в былинном.
Не может быть такого в жизни длинной,
Чтоб вечно продолжался Страшный суд,
Чтоб лес был полон стреляных косуль...
Готов молить хоть Господа, хоть джиннов,
До старости ждать времени машину,
Чтоб чёрную покинуть полосу...

За нею будет кедра хризолит,
И хризопраз полыни, прячущей седины,
Там море станет нашим паланкином,
Хранящим сны, которым чужд Эвклид,
Которые ещё не расцвели...
Готов извлечь себя из карантина,
Перекроить себя, как бомбы – паладина,
Чтоб видели дельфинов корабли...

Давай с тобой уедem на косу,
Каким бы именем тебя не звали
И сколько лет тебе в миру бы не давали,
Давай с тобой окажемся в лесу,
Где аисты давно тебя пасут,
Где зиждется берёзовая дача,
Перерастая в Сож. Я не могу иначе,
Иначе не могу, не обессудь.

Игорь КАСЬЯНЕНКО
Сумы

БЕСПОКОЮСЬ

В берлогах Сибири проснулись медведи.
В Нью-Йорке пытались клонировать совесть.
За стенкой поют и дерутся соседи.
А я беспокоюсь.

Я в жутком волнении хожу по квартире,
Смотрю в телевизор – ну, сколько же можно!
Скажите скорей, что хорошего в мире!
А в мире тревожно.

Удельного князя лишили удела,
Гагары загадили Северный полюс,
Казалось бы, вроде, какое мне дело?
А я беспокоюсь.

Жена говорит, что я псих, неврастеник!
И письма мне клеит на телеэкране.
Я нужен ей только для секса и денег,
А я многогранен.

Я тонкий ценитель кино и театра,
Я песни пишу на серьёзные темы!
И, кстати, я был у врача – психиатра,
Там те же проблемы.

А диктор кричит, что беда на пороге,
В Непале на гуру напали гурманы!
В Бомбее поссорились кобры и йоги,
А в тундре шаманы.

Опасность повсюду, но где же причина?
В каком я её должен видеть ракурсе?
В постели жены незнакомый мужчина,
Он тоже не в курсе.

Газеты толкуют о порче и сглазе,
А мне уже ясно – я падаю в бездну –
Сегодня на финском сию унитазе,
А завтра исчезну.

И нет мне иного лекарства от века,
Чем бегать в избушку к зелёному змею,
Он добрый, он может понять человека,
А я не умею.

Я вижу людей, их тревожные лица,
Жестокие споры, нелепые позы,
И думаю, Боже! Зачем я не птица,
Не ветка мимозы.

Зачем я смотрю с беспокойной тоскою,
На эту сумятицу свадеб и воен?
Вот был бы я бабочкой или рекою, –
Я был бы спокоен.

Как славно быть сразу и целым и частью!
Бушующим морем и тихим причалом,
Звеном бесконечности и в одночасье
Концом и началом.

Как просто быть крохой живого потока!
Пыльцой и полем, где травы по пояс!...
Но я – только я, мне всегда одиноко.
И я беспокоюсь.

Я БЫЛ

Смотрю на пик Сюрю-Кая.
Там, наверху, где ветры дики,
белеет облако на пике.
А раньше был на пике я.

В ту пору, не жалея сил,
я в гору лез неустомимо,
чтобы теперь, гуляя мимо,
небрежно бросить:
я там был.

Я был. И в этом смысле с облаком
мы отличаемся лишь обликом.

БЕРЁЗА

Я в парке весной подружился с берёзой
когда она, белая, плакала сладко.
А я, увлечённый житейскою прозой,
шёл мимо и сам для себя был загадкой.

И вдруг (будто молния вспыхнула ярко)
я кожей почувствовал рядом живое –
в холодной пустыне весеннего парка,
в стране одиночества встретились двое.

С тех пор стали частыми наши свиданья.
И вскоре я понял берёзины речи –
она говорила мне о мирозданье,
где всё не случайно. Тем более встречи.

Где люди, животные, птицы, растения,
их осени, вёсны, приходы, уходы,
все это – фрагменты, мгновения, звенья
играющей жизнью гирлянды природы.

Чуть позже к нам стали слетаться стрекозы
и бабочки, пёстрые сёстры фантазий.
И нам было радостно в круге берёзы,
и мир мой был полон союзов и связей.

Тем временем в городе пыльном и шумном,
в реке человечесей, как соль, растворяясь,
в жил, притворяясь успешным и умным.
И мне даже нравилось жить притворяясь.

Казаться похожим на всех, а на деле
быть рыцарем тайны – большой, беспредельной.
Мы, люди, воюем и всё что-то делим,
а в мире ничто, никогда не отдельно.

Мир полон соцветий, созвездий, созвучий.
В нём значима каждая метаморфоза.
Он создан быть сразу светилом и тучей.
Он одновременно и я, и берёза.

Он прячется радугой в солнечном свете,
и в этом великого смысла разгадка –
Он весь в каждом запахе, звуке и цвете,
и в каждом из нас целиком, без остатка.

В нём нет вообще ни распада, ни смерти –
лишь перетеканье и коловращение.
И вечная жизнь и в её круговерти
любое прощание – суть возвращенье.

Столетия спустя здесь, опять, как и прежде,
К живому живой подойдет и обнимет.
А я в шелестящей зелёной одежде
раскину уютную крону над ними.

И если заплачу, то лишь о высоком.
От счастья заплачу и от умиления.
Не капелькой грустной, а вкусным потоком,
берёзовым соком, слезой обновления...

«О да. В этом мире всему есть причина», –
подумал прохожий с тоской городской,
увидев, как в парке рыдает мужчина,
прижавшись к берёзе небритой щекою.

И тяжело вздохнул от бездарности века,
где психов тем больше, чем меньше порядка...
Ему было горько. Он был человеком.
А я был берёзой. И мне было сладко.

НАВСЕГДА

Я не просил иной судьбы,
я до конца сражался с этой,
в мои желания одетой,
горячей от моей борьбы.

И пусть я в ратном деле был
скорей подвижник, чем умелец,
но я поверг десятки мельниц
и сотни призраков побил.

И оттого к исходу лет,
как триумфатор перед строем,
я чувствую себя героем,
слегка уставшим от побед.

И допивая свой коньяк,
портвейн и прочие нектары,
я, мудрый, опытный и старый,
смотрю на жизнь примерно так:

Во-первых, время... Годы... Их
уходы мне терзали душу
и, словно выход рыб на сушу,
меняли мир мой. Во-вторых,

в том мире был избыток зла,
обид, печалей и тревоги.
А в-третьих... В-третьих, жизнь в итоге,
что обещала, то дала.

И я стою среди всего
и думаю: Зачем всё было?
Зачем ты, жизнь, меня любила?
А била? Била для чего?

Я понимаю, что ответ
не прозвучит, ни тут, ни свыше,
и я вернусь, откуда вышел,
таким же, как пришёл на свет.

И, приближаясь к рубежу
той области, где всё иное,
я на межу кладу земное,
и ухожу, и ухожу.

И, уходя, сквозь облака,
Шопена слышу... бормотанье
попа над гробом... причитанье
вдовы... удары молотка...

мотора гул... шум городской...
посуды звон в молчанье строгом...
И, наконец: «Давайте, с Богом!
Не чокаясь, за упокой!»

Потом опять... потом ещё...
ещё... и громче разговоры.
И речи веселей, и взоры,
и слёзы вытерты со щёк.

Ну, вот и кончилась беда!
И кто-то рядом со вдовою
уже твердит: «Живым – живое...
Жизнь продолжается». О, да!

Жизнь продолжается, и я,
её подхвачен фейерверком,
взмываю в небо, чтобы сверху
взглянуть на радости края.

И допарив до серебра
созвездий, я кричу оттуда:
«Здесь тоже жизнь! Ребята! Чудо!
Жизнь продолжается! Ура!»

Жизнь продолжается... Хотя
зачем? Нет. Нет, с меня довольно!
А то мне снова будет больно
и страшно у неё в когтях.

Я выпил чашу бытия
до капли, до предела тела.
Лети душа, куда хотела!
Найди там рай себе. А я...

А я сигаю в никуда,
как зайка в лодочку к Мазаю.
И, слава Богу, исчезаю,
как время, то есть навсегда.

БИТВА ЗА ВЕЧНОСТЬ

Плачьте, дожди! – ибо горе в разгаре.
Плачьте о желтом, зелёном и красном!
Краски природы сгорели в пожаре.
гибельном, диком, огромном, прекрасном.

Осень сбылась, как мечта Герострата.
Стая грачей бороздит пепелище.
День открывается темой заката.
Лес – как собрание партии нищих.

Мысли о лете свежи, но некстати.
Ель к топору, как царица готова.
Листья похожи на павшие рати,
Битва за вечность проиграна снова.

Месяц ноябрь! – в мировом распорядке,
все небесмысленны метаморфозы.
Ты мне напомнил, что дни наши кратки.
Ну, а теперь уходи. Без оглядки.
Долгие проводы – лишние слёзы.

АНГЕЛ ВЕЧЕРНИЙ

Мир был расчерчен на классики мелом,
я шёл по улочке с девочкой в белом,
в самом начале, за дальним пределом,
там, где печали и беды пробелом,
мы были счастливы с девочкой в белом.

Лето к другим унесло меня краскам.
Я вёл сраженья за женщину в красном.
Долго, бессмысленно, но не напрасно,
ибо и вправду была ты прекрасна,
умница, грешница, женщина в красном.

Ходики в сердце стучат обречено.
Вот мы и встретились, женщина в чёрном.
Локо́н серебряный, лик утончённый...
Мне лишь тобой быть навеки прощённым,
ангел вечерний мой, женщина в чёрном.

В ТЕНИ

В начале грустной части жизни,
на рубеже, когда не спета
ещё вся песня, но сюжета
уже вполне понятен ход,
я на траве лежу у речки,
гляжу на дали с облаками,
минуты путаю с веками
и с водной гладью небосвод.

Над головой струится ива.
Июль, жара, а мне прохладно
в густой тени ветвей. И ладно,
и хорошо, что я в тени,
вдали от славы мимолётной,
дурной молвы и грубой лести –
вы с этим в тень ко мне не лезьте,
прошу вас, Боже сохрани!

Я счастлив, что в горячий полдень
считать ворон добился права,
и что души моей держава
не вся у тела в кабале.
Пускай другой пленит жар-птицу,
и с неба астры звёзд хватает, –
мне трели зяблика хватает,
и василька-цветка полей.

И лишь одно слегка тревожит,
и я сквозь дре́му и истому,
с ленцой, как дверцу к золотому
в быту ненужному ключу,
ищу решение дилеммы:
я в рай попал или на землю?
И обе версии приемлю,
и выбор делать не хочу.

Владимир ГУТКОВСКИЙ
Киев

ПРОТОКА

1.

День без дождя. И то, хоть какая-то скидка.
И без того влаги в переизбытке.
Под порывами ветра
лес на том берегу расклеванной коркой
мелко дрожит. Так пульсирует жилка на горле
еле заметно.

Непритязателен вид на редкость.
Взгляду не во что упереться.
В смысле пятен, тонов, оттенков.
Как не хочется в это верить
под напознание волны на берег,
припирающей к стенке.

Где ж позолота, сиянье, глянец ?
Столько наврано про багрянец.
Без стыда, то есть без всякой меры.
Все вокруг безнадежно тускло,
как и сопутствующие чувства.
Осень ставит на серый.

Только прозелень селезня в сизой стайке
несколько повышает ставки
цвета. На выживание шансы.
Этот проблеск во всей округе
единственный. К разнообразью потуги.
Как бы нюансы.

И на этот мазок устремляется око,
благо от берега он недалеко,
хоть, по правде, не слишком яркий.
Неизбежно к тому же клонит,
производит на общем фоне
впечатленье помарки.

Но все явственней гул, завыванье, скрежет.
Ветер тучи на ломти режет,
разрывает, вбивает клинья.
Пробудив ожиданье, трепет
и, раскачивая деревья,
добивается сини.

2.

Мир ведь, в сущности, несложен
в неизменной оболочке.
В том же месте часом позже
взгляд с откоса с новой точки.

Кажется, такая малость,
но другое ощущение.
Освещение поменялось.
Изменился угол зренья.

Даль разглажена и вида
не туманит безнадежно.
Растворяется обида
и в осадке, вроде, нежность.

Лес вдали – медов и палев.
Прозревая, что сокрыто,
начинаю с буквы «алеф» -
хоть санскрит древней иврита.

Волны, продолжая тренинг,
отрешенно лижут сушу.
Сходит умиротворенье
на измученную душу.

Все на свете слава Богу -
больше докучать не станет
равнодушия изжога.
Пробудится и воспрянет

вера в старые завязки,
перепевы без утайки,
басни, бабушкины сказки,
древнегреческие байки.

Относящиеся к Року,
применимые к сюжету,
уводящие к истоку
и впадающие в Лету.

Формулирующий кредо,
кстати, делает, как ставку,
на незыблемость рельефа
неизбежную поправку.

Что откроет мир беззлобный,
откровенный нараспашку,
как хорей четырехстопный,
разгоняющий упряжку.

Острием в руках каюра
заносящий в Книгу Судеб
и де факто, и де юре
то, что в вечности пребудет.

Днем – в четыре, утром – в восемь –
под своей вуалью ясной
выглядит все так же осень.
Беззащитной и бесстрастной.

В предвкушении предела,
недоступного сознанию,
апеллирующей смело
к слуху, вкусу, осязанию.

В рубище золоторотца,
а, по сути, гордый воин –
почему-то не сдается.
Свет рассеян. Мир спокоен.

3.

Тем же уткам раскрошена булка,
и заносятся на бумагу
впечатления первопрогулки
с возвратившим уверенность шагом.

Отменяется красок кража.
И вода все так же ленива.
Помещаешь себя в центр пейзажа,
соответственно, в перспективу.

Дали, словно простертые длани,
в горизонт упираются плоско.
Старый пес привычных желаний,
прежде, чем броситься за поноской,

хорошо подумает. Лапы стерты,
столько грязь подсохшую месят.
Год подходит к концу четвертый,
до него уже было десять.

Половина на половину,
и любая из них когти сточит.
Век собачий не слишком длинен.
Человечий – еще короче.

Берег этот, он как надежда -
не бесспорен, но точка отсчета.
Воздух свеж. Синева безбрежна.
Жизнь. Весна. Протока. Суббота.

У очага

Ольга БРАГИНА
Киев

из всех вариантов равнодушия лучше выбрать умение слушать
никому не выбалтывать желток любви
разрозненные столовые приборы
для какого сервиза это клеймо
спрашиваешь ручная работа рассказывай свою жизнь
словно тогда воплотится детский сад зимой дачная вязь гербов
переплетенные корни букв сердце как заноза
один поэт сказал слово должно разбить стекло
другой поэт сказал стекла не существует камень это масло
кровь подсолнечное масло кровь после
из всех вариантов отчаяния пустых ампул
сорванных печатей разборчивая история есть как ты
говоришь что тебе пора на метро пожимаешь руку

А.К.

сегодня я сказала тебе что у тебя очень красивые руки
решилась погладить твою руку указательным пальцем
провести вдоль руки
потом начала думать как расценивать твой ответ «спасибо»
как простую вежливость или то
что тебе это не слишком неприятно
ты рассказывал как поливаешь цветок потом мы слушали стихи

ты рассказывал как правильно поливать цветок
больше похожий на дерево с красными соцветиями
наливать в блюдце и под корень вода исчезает
как не было здесь воды вода впитывается
я хочу поцеловать тебя но слушаю о правилах полива
представляю этот цветок который тебе так дорог люблю его
люблю всех этих людей на которых ты смотришь
все эти ритуалы плавления черничные глаза кофейные зерна
посмотри как земля пустует как сердце бьется через одно
сердце бьется бьется и лопнет написано

на плакате в окошке регистратуры
сердце бьется бьется вот ты стала субъектом
и не знаешь как сказать о любви как сказать о ненужном
у тебя очень красивые руки дословно так

спускаюсь по Андреевскому думаю что не могу тебе позвонить и
раньше не особо ты был рад меня слышать
редко отвечал на звонки тогда здесь еще не было колеса обозрения
пили шампанское из «Сильпо» на Контрактовой

словно счастье возможно
как пропущенные с незнакомого номера

колесо обозрения светится замирает
есть ли там кто-то на стоянке теперь «я должен быть дома

в десять теперь никак»
колесо обозрения уличные музыканты туристы у музея Булгакова
майский тополиный пух флаеры любовь как возможность смысла
ничего не оправдывает смотри по сторонам

память на лица подвергая сомнению
старые улицы сны о метро поездах смотри по сторонам спи
уличные музыканты один и тот же рок

знать свою жизнь наизусть вплоть до припева
ее и любят за радость узнавания

подкожную теплоту бессмысленность
за твой номер в списке контактов встречаемый иногда

Сережа сказал беда в том что взяли Шмидта
а не героя древности жертву мечтательности
а не героя мечты конца девяностых годов
беда тут во всём что мы пишем как письма расходуем воздух
расходуем Блока стихи беловодье странноприимных улиц
расходуем жизнь так действуют большие вещи
слепящая вспышка вех
что нам до этих отчетов относятся ли они к нам
у нас разный словарь
мы не умеем жить в социуме
у нас слишком неопределенная страна
правила меняются чуть ли не каждый день
это генетическая память предательства
м.б. осенью уеду в Татры (горы в Чехии) куда-нибудь
в самую глушь или в Карпатскую Русь или не уеду никуда
у нас слишком мало еды мало чувства сострадания
и к себе и к ближнему скудость почти что святость
чтобы кто-то подарил мне день
веревка обнимает шею дыхание запирает в горле
чтобы кто-то подарил день вот он есть а потом нет
ты напишешь мне как доехала не пересаживали ли по дороге
я бы лучше остался при этом чувстве оно как разговор с собою
такова и погода что болен тобою как тысячелистное в груди
перелистываешь что-то как назвать эту намагниченность
Женечка не Эйнштейн а другой философ
как эта логика шарниров бессонной меди
скажи мне что-то от быстрот срывающих с места отбрасывающих
на улице было темно пока я читал

O.C.

у меня не получалось любить тебя так как ты того заслуживал
больше молчать обсуждать только погоду за ужином
правильно держать на коленях твою кошку

или может быть совсем не брать ее на руки может быть ты ревновал
этот отрезок жизни который нам выпал был для выводов мал
я не знаю какие ты любишь продукты на что у тебя аллергия
о чем ты думал и то не знаю

на самом деле у меня проблемы в общении с другими
знаю только что ты читал что смотрел на какие экскурсии ездил
но ответила: «ты что, я не поеду в Крым»

когда ты предложил: «поехали вместе,
будем жить в палатке без пресной воды,
канализации, продуктовых киосков»

память наша состоит из ярких обрывков
не подлежащих восстановлению обносков
так их раскладываешь на столе думаешь не сочетаются по цвету
мы не помним друг друга даже во сне

в общем это правильно где-то
между томами Плиния просроченный билет

невозвратные поезда песочницы юга
у меня не получалось тебя любить как того хотелось бы
почему в билете фамилии нет книги падают с полки глухо

вот я шел из Тенишевского детская корь любви
зимняя скользкость слёз невозможность революции
язык скользит по небу да скользит и скользит
вот я шел усадебной прозы раб плохой гражданин

но усадебная проза спит в нашей крови
здесь никто не молодеет но это наши проблемы
вот я шел и думал Лолита как должна была

стать примерной домохозяйкой степфордской женой
крахмальная юбка пирог макияж очень яркий

мы любим всё яркое
родись она на восемь лет позже застала бы убийство Кеннеди
а я шел из Тенишевского не знал что застану убийство отца
убийство Кеннеди застану Бунина Солженицына

кузена Зинаиды Гиппиус
вот знаешь говорит подарил бы мне лучше мультиварку

эта тоска по Европе старому континенту старой жизни
но вечная молодость нам зачем-то дана
как вскрыть если никто не востребует
как ты тут лежишь теплая греешь пол
как ты тут лежишь и перебираешь звуки теплые
глухие теории поля электродинамика сплошных сред
вот знаешь говорит плохой пример любви к себе
подаем мы другим
плохой пример любви любовь это черная работа
день и ночь искать недостатки
чтобы думать нет я лучше я заслуживаю жизни
просто так а не раствориться
это гордыня нет говорит лучше бы ты растворился
в этих хостелах кэмпингах високосных вывесках судного дня
перебирай по буковке перебирай по зернышку выплюнь меня
нет знаешь я шел из Тенишевского думал
как познакомиться с Бальмонтом
думал феина дочь утонула в росинке а ты всё здесь

сравнивать с лицами в альбомах ставить крестики
на домах незнакомых крестики-нолики
раскладывать по коробкам доски Уиджа
думать к памяти ближе не стать чем мы есть память раз
теперь не избыть как они ушли и не вернулись
болота чужой империи море спокойствия
соблюдайте уверенность в завтрашнем дне
сухой паёк не открывайте никогда настоящие люди будущего
как память подводит под монастырь
шли мы этой дорогой прежде или только кажется всё знакомое
но в то же время другое
разные города очистные сооружения небо цвета оливок
никого теперь не жаль кажется но это не верно еще но это как есть
не сравнивай несравнимое не сводимое
ни к чему как родинка любовь война плохие дороги
проходили мы здесь или прошлое никому

посчитать ли площадь земли выжать до ста двадцати
 говорит отпусти
 нас останавливают на каждом посту неспроста
 карта родины стала совсем пуста
 земля из которой ничему не родиться теперь
 не вспомнить как выглядела эта синица
 на лобовом стекле говорит такое приснится
 как мы едем слушаем радиоволны чужих широт
 прощания в рифму наоборот
 если была какая-то память пусть она оживет
 потом помехи встречный ветер молчание потом снова блюз

раньше в моде был Коэльо теперь мало кто помнит
что он написал кроме «Алхимика» и Вероники решившей умереть
мы читали в читальном зале вместо книг
предусмотренных программой про эту Веронику
представляли себя на ее месте думали надо жить
если жить можно окончить университет
найти любовь всей жизни прочитать еще очень много книг
смотреть все эти сны о том что ты не хочешь ходить в школу
а скоро выпускной экзамен
гуляли в округе потом какая-то женщина с дочкой
спросила у нас где роддом
мы даже не знали что он есть в том районе
женщина зло сказала: «Вот вам понадобится»
это звучало как угроза
нашей Веронике решившейся всё же жить
прятать под подушку разноцветные таблетки
не видеть сны растворяться медленно помешивайте по часовой

Елизавета РАДВАНСКАЯ
Киев

МОЛИТВА БОГА К ЧЕЛОВЕКУ

Услышь Меня. Я Бог, я твой Господь.
Мне одиноко среди звёзд незрячих.
Мне б тело – Я бы выпил чай горячий,
Но по размеру не подходит плоть
Таким, как Я. А Я – такой один.
Услышь Меня! По-братски, по-сыновьи...
Пока Мой голос церковью не ловят,
Как рыбу на крючок, чтоб съесть, поди...
Пусть пьют всю Кровь, и Тело пусть едят,
Я не в обиде. Рад, что кто-то помнит.
Но, знаешь, в одиночестве – как в домне...
И не зовут, со Мной не говорят,
Лишь просят, верят, жаждут оскорбить...
И скоро даже рай, Мой рай! – развалят...
По ИМЕНИ – ни разу не назвали...
Услышь Меня. Посмей Меня любить
(В ответ...)

Небо тучами белыми давит,
Откликается дрожью земля.
Я оставил Тебя, я оставил,
Моя радость и горечь моя.

Ни к чему теперь плакать, но болью
Содрогается каждый мой нерв.
И свобода вокруг, и раздолье,
Но свободы не хочется мне.

Манит в поле прямая дорога.
Я, увы, не учел одного:
Оставляя Тебя – ненароком...
Я покинул себя самого.

Исчезнут дни, испепелятся мысли,
И я останусь на глубоком дне,
На дне из дней, где мысли, словно листья,
Повисли над рекой, ей имя – Днепр.

Ей имя Днепр, а как меня назвали,
Не помню, или помнить не хочу,
Мой дом – во мне, но он давно развален
Безумием бессмысленных причуд.

Исчезнут дни, мне счастье не по силам,
И я на дне, на части сердце рву,
Которое всегда с собой носила,
Как носит боль несчастную вдову.

А мысли станут листьями над речкой,
Надежду в своей боли обвинив,
Сплетя, летя, венчальные колечки,
И в воду их случайно уронив.

Я видела, как плачет атеист,
Боясь, что за порогом рай обрящет.
Он быть хотел, как тот осенний лист,
Растоптанный, забытый и пропащий.

Он не хотел все помнить и во сне,
Он так мечтал забыть слова и чувства...
Он атеист. Он снегом по весне
Хотел растаять, чтобы стало пусто
В забытой Богом раненой душе,
В уставшем сердце... И от добрых братьев
Он получил, как прозвище, клише:
Дурак. Разбойник. Изгнанный предатель.
Я видела, как плакал атеист,
Который верил в боль, не веря в Бога...
Он погибал.
Ему сказав: « Молись!»,
Святой монах прошел своей дорогой.
И умер атеист, воскрес в раю,
И помнил все: как жил, питомый страхом...
Но счастлив был, попав в любви приют,
Благодаря, что нет в раю монаха.

Владислава ИЛЬИНСКАЯ

Одесса

идиоты держат идиотов за идиотов,
планомерно, вальяжно прогуливаясь по городу...
однокашник становится самым обычным ботом,
отпустив беззаботно болтаться густую бороду...
ты читаешь ленту – приходит ленность, уходит лето
и летят над твоей головой шрифтовыми стаями
восемнадцать постов на метр и все об этом:
«марафонец достигнет первым последней стадии»
выключай поскорее комп, прогуляйся к пляжу,
наблюдать, как одна за другой, наливаясь памятью,
серебристые волны плетутся в седую пряжу,
соревнуясь за место на жаркой песочной паперти.
ассорти из приезжих вовсю поглощает свет,
заедая самсой, запивая «мицным черниговским»,
на складной табуретке у пирса сидит поэт,
предлагая приезжим свою юморную книжицу...
упиваясь последним летним соленым днем,
заруби на носу, на подкорке, на веках вырежи -
этот город зациклен настолько, что лето в нем
повторится четырежды.

ШЕЛКОВИЦА

крокодил не ловится
цапля не клюет
черная шелковица
набивает рот

шортики и маечки
в сладкой черноте
девочки и мальчики
выросли из тел
казаки-разбойники
гойи-сорванцы
вертятся покойники
мамки да отцы
вертятся и молятся
открывают счет
черная шелковица
по губам течет

паутиной маскируется свет...
Родион вот-вот доставит обед,
только нету аппетита в аду -
я отдам тебе сегодня еду

не о том ты говоришь, не о том...
вот, гляди: мы рыбу жарим с котом,
а вот тут вот доедаем её –
из костей себе построим жильё...

я устал стенать и красться, как тать,
не могу до посинения ждать,
мне не сладок костяной интерьер -
отпусти меня, мой ласковый Пьер!

ожидание, дружок Цинциннат,
справедливая, по сути, цена:
контрамарку под крыло аонид
не получишь, проглотив цианид

я не клялся и ни разу не клял,
не влекли меня ни яд, ни петля,
сквозь меня почти виднеется жизнь -
что еще мне нужно сделать, скажи?!

погоди-ка, дорогой мой, прошу -
это Шуман или в пыточной шум? -
ах! ты снова говоришь о душе?
сколько можно же, ей-богу, уже?!

отпусти меня и дело с концом!
я замолвлю слово перед творцом -
будем так же коротать вечера,
как сто лет назад и позавчера

паутиной расползается свет
Родион вот-вот доставит обед...
только нету аппетита в раю -
доставай скорее рыбу свою

золотые кудри,
голубые глазки,
золотые шлемы,
голубые каски
золотые слитки,
голубые стразы
золотые звезды -
жёлтые, заразы
разлетелись скрепки
в канцелярской лавке
время собирать их
да отсохли лапки

сигареты вымывают кальций,
воздух переварен и ворсист.
время, искривляясь, режет пальцы
о пространства акварельный лист.
не мертвы лежат они, не живы,
извиваясь в бежевом песке...
как, скажи, попробовать наживу,
чтоб не очутиться на крючке?
будет тина упиваться пеной,
будут чайки дронами пасти,
вымывают волны постепенно
фосфор из божественной кости...
но по синусоиде нисана -
даже через пару тысяч лет -
все, что убивало и спасало,
неприменно обратится в свет.

плывет по небу календарный день,
плывет на модном свитере олень,
плывет в канализации сирень,
отдаться поскорей в объятия газа...
плывет листок (на нем плывет печать),
где ясно было сказано – «молчать.
твою очеловеченную часть
на хлеб себе никто ещё не мазал»
а ты сидишь на крыше февраля
и слушаешь извечное ляля...
и не покинуть лоно корабля,
не залепить пробоины соплями...

такая уж тебе досталась днесь -
молчать, чтоб просто оставаться здесь...
молчания токсическая взвесь
повесилась над минными полями...
молчания высокий пируэт
отдай им на обет и на обед,
оставь себе лишь музыку и свет,
струящийся из-за небесной двери.
молчание – питательная блажь.
молчание – сильней, чем отченаш:
хоть ешь его, хоть пей его, хоть мажь,
хоть удавись им – каждому по вере...

такие чудеса
смущаются в тени,
такая благодать
томится у порога...
открой свои глаза
и руку протяни -
и тут же очутись
за пазухой у бога.
там пахнет очагом
шершавая зима,
щекочется и жожёт,
наваристая юшка...
там царствует лишь то,
что я тебе впотьмах
все зимы до того
нашептывал на ушко.
но восемь тридцать три!
но восемь тридцать три!
но скоро тридцать три!
орет тебе будильник.

открой свои глаза
и просто посмотри,
как полон небосклон,
как строен холодильник;
ажурно декольте,
пристегнуты ремни -
души моя душа,
шипованным ошем -
ведь, что не говори
и, как не заверни -
чем беспощадней ночь
тем утро хорошее

пока эфир расслаивала злость
на то, что где-то, что-то не срослось -
я просто прожила себя насквозь,
обратно замоталась в пуповину.
под куполом утробной темноты
я стала восстанавливать мосты,
которыми вышагиваешь ты
на светлую земную половину.
моей силлаботоники ока
прошла в ушко газетного ларька
и, наизнанку вывернув века,
заглохла под давлением курсора.
мигай же чаще истовый предел!
чтоб каждый видел, сколько он успел,
как много нам дано достойных дел
на родине, вдали от монитора.

и будет новый день и новый чат,
мы нарожаем яблочных зайчат.
нас больше никогда не разлучат -
мы станем наконец единым целым.
хор пикселей, бредущих между строк,
споёт нам новый ритм и новый ток.
спасибо, правда, господи за то,
что подарил и чёрный нам и белый

Комната смеха

Евгений МУЧНИК
Одесса

Как альпинисты к сложной высоте,
я терпеливо шёл к своей мечте.
Мне помогала в будущее вера.
Я все преграды на своём пути
преодолею, потратив жизнь почти,
и вот – сбылось: я стал пенсионером!

ПОСЛЕ ГРИППА

Лежал пластом – и вот здоров я вновь.
Уверенно течёт по жилам кровь.
И, если скрип в суставах не учитывать,
подруги могут на меня рассчитывать.

НА ОТКРЫТИЕ НОВОЙ ПАРИКМАХЕРСКОЙ

Открывается всё больше год от года
парикмахерских и там, и тут.
Значит волосы у нашего народа,
несмотря на трудности, растут.

ПЕССИМИСТУ

Вы, слишком часто говоря «увы»,
увы, всегда бываете правы.

Вишни в саду уже зацвели,
хочется к лету плодов побольше.
Только бы пчёлы не подвели –
не улетели работать в Польшу.

Я всё ещё помню борьбу с холодами,
а не за горами борьба с комарами.

Сижу у моря на досуге,
смотрю на волны в день прекрасный.
А всё-таки, в моём «самсунге»
все краски ярче и контрастней!

В июльский знойный полдень, от жары устав,
себе холодненький пломбирчик покупаю.
Им наслаждаться буду, а его состав,
после того, как съем, уж лучше прочитаю.

Учиться не мешает у природы:
закатов в ней не больше, чем восходов.
А мне никак, хотя проходят годы,
не уравнивать доходы и расходы.

ПРО ОБЛАКА

Не написал про облака
я ничего ещё пока...

Лето пулей пролетело.
Хорошо, что не задело...

Мне семьдесят уже. Я, как во сне:
не верю – неужели это мне?..

Мне семьдесят – пора экстрима.
Куда-то дамы смотрят мимо...
А те из них, что помоложе,
меня совсем уже тревожат:
в трамвае место уступают,
«дедулей» нежно называют...

Моя подруга – что за наказание! –
вторично не приходит на свидание.
Причины у неё довольно вески –
ей каждый раз оставить внуков не с кем.

ЖЁНЫ

Сначала были Маша,
Тамара и Наташа.
Потом Любовь Петровна
и Маргарита Львовна.
Сейчас пытаюсь счастье
устроить с бабой Настей...

Врачи, готовые к реанимации,
ко мне пришли одним ненастным днём.
Я, несмотря на сложность ситуации,
был рад – они ошиблись этажом.

Дали бы шанс превратиться мне в гения,
после за что-нибудь дали бы премию –
жизнь бы наладилась... Но, тем не менее,
я отказался бы от превращения –
жалко мне Мучника бросить Евгения.

Беседка

Ирина ИВАНЧЕНКО
Киев

СИНАЙ

Светает. Конвой у ворот, и рабы, и собаки.
Вот-вот над горою покажется первая просинь.
Здесь чёрные козы пасутся у мусорных баков
и гонит ораву туристов курчавый Иосиф.

Здесь камни в корзинах, а манну еще не собрали,
и козы пасутся, не зная, что скоро – на бойню,
что совесть и зависть родней, чем Иосиф и братья,
а в каждом из нас умещаются раб и конвойный.

Здесь катится по небу солнце верблюжьей колючкой,
гонимое ветром, ранимое встречным утесом.
Рабы сердобольней конвойных, а значит живучей,
и рабскую участь безропотно терпит Иосиф.

У стен монастырских чумазые дети играют
в менял и торговцев и камни сбывают приезжим.
Конвой отпирает ворота ключами от рая,
и солнце цветет, как терновник, растет, как надежда.

Здесь путников помнит щебенка дороги, за нею
гора каменеет от страха в присутствии Бога.
В начале – слова о любви. Толкованья позднее –
серебряный шелест оливы в долине пологой.

Туристов уводят в автобус. Иосиф сминает
коробку от «Camel», искрит маячок сигареты,
и красное солнце на красном подворье Синая
ночует, и холодно ветру, а камни согреты.

Александру Кабанову

Время стыдное, ей-богу.
Выстрел грянул и затих.
Смерть ворует понемногу
у чужих и у своих.

Есть ли в небе кто живой?
Я сниму ничейный угол.
Между морем и землей
пришвартован Мариуполь.

Чайки спят крыло к крылу
на продавленном причале.
Я сегодня не умру, –
говорю себе ночами.

Чайкам, спящим у воды,
снятся родовые гнезда.
Наши галочки следы
заметает хвост обозный.

То ли тесно меж людьми,
то ли мы родимся позже,
то ли маятник любви
покачнется в нашу пользу...

Смерть краснеет на юру,
жизнью поймана с поличным.
Говорю себе привычно –
я сегодня не умру.

ЗИМА

Элле Леус

Зима, зима от марта и до марта.
Ты помнишь, как мы жили до зимы?
На площади святого Дюрренматта
горят костры по случаю чумы.

Но гражданам ничто не угрожает,
когда пожарно лает каланча.
Мой муж – палач, примерный горожанин,
а я – жена простого палача.

Снегами сонный город околпачен,
но ветер стих и вечер недалек.
Сосед-молочник и сосед-башмачник
захаживают к нам на огонек.

Я промолчу, а ты меня не слушай,
когда стоим, обнявшись, у дверей.
Воронья стая облепила грушу,
за нами надзирая из ветвей.

У здешних птиц – своя игра в молчанку.
Того гляди, накаркают беду.
Палач спешит на службу спозаранку,
застегивая куртку на ходу.

Звезда в окне – как бирка на подарке –
вот-вот слетит в рождественский носок.
Палач – он тот же лекарь: от подагры
избавит быстро выстрелом в висок.

Муж с петухами, ежась от дремоты,
встает и уменьшается в плечах.
Все чаще вызывают на работу
его условным стуком по ночам.

Блестит каток у лысой водокачки,
весь в ссадинах под коркой слюдяной.
Сосед-молочник и сосед-башмачник
отводят взгляд, здороваясь со мной.

Чини белье, на ближнего не сетуй.
Неделю почтальон не кажет глаз,
но в ящике с воскресною газетой
белеет приглашение на казнь.

Бросая все – и утварь, и посуду,
молочник эмигрирует во тьму,
как будто возвращается оттуда,
откуда не вернуться никому.

Погожий полдень у зимы в заначке,
парует снег на бане водяной.
Три дня тому пропал сосед-башмачник,
а завтра кто-то явится за мной.

Зима нескоро разрешится мартом
в окрестные болота и пески.
Муж смажет дыбу кукурузным маслом,
чтоб петли не завывали от тоски.

Зима одна, як Санта вездесущий,
на всіх, хто сомневається, що жив.
День прибыває за луною растущою,
к времянке ночі путь запорошив.

Зарывшись в сон, густой и черно-бурый,
мы спим, не зная: зиму напролет
Господь очеловечивает буквы
и сходство с нами слову придает.

ЧУЖИНКА

Як сніг одійшов і черешневий цвіт одів'яв,
чужинка прийшла із давно позабутим ім'ям.
Худа і бліда, і чорнява, а скільки їй літ?
Блукає світами, відтоді як створено світ.

Як гостя незвана зайшла до оселі вона,
та жінка незнана, що зветься в народі – війна.
Залишилась на ніч, а вранці знялась – і на Схід,
і друг мій сердешний підвівся за нею услід.

Високий і статний, волосся його наче шовк.
Не кликала – він без наказу за нею пішов.
Як сотні і сотні ішли у годину лиху,
аби зупинити її на одвічному шляху.

Стотисячний стогін над містом застиглим луна.
Як іній до скла, так і я приросла до вікна...

– О, як ти, мій друже, не вгледів у тому вікні,
як сумно, як темно, як холодно було мені?
Була синьоока – тепер сивоока повік,
і коси мої золотаві біліші за сніг.

– Не плач, моя люба, радій серед квітів і трав.
Я жінку вночі наздогнав, я її обійняв,
притиснув до серця, на землю упали удвох.
І бачили це тільки зорі грудневі і Бог.

Я маю чужинку, що вкралась до мирних осель,
відвести подалі від наших страждених земель.
До самих небес без спочинку нам з нею іти,
бо там, де вона зупиняється, ставлять хрести.

Радій, моя люба, черешневий стелиться дим.
У серці твоєму живому зостанусь живим.
Не я обираю той шлях, що судилось пройти.
Щоб неба дістатись, у землю потрібно лягти.

ИОРДАН

На мутное время негоже и стыдно пенять –
ходи по воде, и пускай причисляют к блаженным.
Он в воду глядел, сочиняя тебя и меня,
дословно копируя в глине свое отраженье.

От глаз обольстителя, духу сулящих покой,
а имени – славу, укрой, обесточивай зренье.
Он реки наполнил и нас приучил испокон
прилаживать к ним беззащитные наши селенья.

Нам некогда строить, сподручней иные труды:
устои ломать да одну перемалывать сушу..
А помнишь, Он в реку добавил свяченой воды
и рыбу вложил, будто в тело Адамово – душу?

И глина – сырец, и Подол – проседающий дом,
а время подходит – из камня сложить оригами.
Река пробегает под замыслом, словом, мостом,
так остроконечно впадающим в новую гавань.

Ты помнишь, в соборной Вселенной, у талой воды,
познали друг друга и вышли из Божьей опеки.
И только река ограждает теперь от беды,
и кто оградит от людей уцелевшие реки?

И все-таки верится – общее в нас вещество
заложено – пусть безо всякого внешнего сходства.
Нам в семье сходиться и кровное помнить родство
привычной, чем биться за первенство и первородство.

Ходи по воде, и да будет тебе Иордан
в подмогу, уловом – Десна и укором – Почайна.
Как дети в семью, по весне прибывает вода,
плодится пескарик и щука в реке не мельчает.

АМАДЕЙ

И только музыка одна
ещё имеет власть над нами.
Виктор Глущенко. Музыка

В метро играет Амадей.
Пусть протекает стратосфера,
а наверху полно людей,
одетых пасмурно и серо, –
в метро играет Амадей.

Он снова втиснулся в проход
меж суетой и преисподней.
Горит подземный небосвод
нарядней елки новогодней.

Как будто радости сполна
отмеряно большим и детям.
И только музыка одна
о нас печалится на свете.

Сигналит поезд заводной.
Судьба ломается на части.
И только музыке одной
есть дело до твоих несчастий.

Жетоны автомат жуёт,
как будто в нём живет пиранья.
Играет Моцарт мирозданию,
взамен не требуя щедрот,
а только толику вниманья.

Бегут косынки и пальто,
бегут домой зонты и боты.
И только музыку никто
не ждет, уставшую, с работы.

Играет Амадей в метро.

КАЛЛИГРАФИЯ

Памяти художницы Саши Праховой

Не подгадаешь: заходит тихо,
ночью, пока домочадцы спят,
и вдруг выдыхает такое стихо-
тихо-творенье как зимний сад.

Гладит, жалеет, подует в ранку,
ломкую ветку макая в тушь.
И вдруг нарисует такое танка
мелом поверх маслянистых луж.

Мир не очерчен и не ограничен
стопкой бумаги, по-зимнему чист,
но восхитительно каллиграфичен
сад, проступивший сквозь рисовый лист.

Чёркает, правит, ещё рисует
что-то из Врубеля на стекле.
Глянет – и тёплое время суток
тянется, словно снега – к земле.

Будет, всё будет: заботы и шалости,
дай черновик довести до ума.
Снежная баба с воздушным шариком,
Прахова, Саша, зима, зима...

ТОЧКА, ТОЧКА, ЗАПЯТАЯ

Первый снег, как мех овечий,
укрывает шар земной.
Где-то плачет человечек
за холодной стеной.

То ли рожицей не вышел,
то ли вышел, да не весь.
И зачем взболтал Всевышний
эту атомную смесь?

Труд поденный до упаду
и бессонница ничком.
Человеку много ль надо –
человечка под бочком.

Тонкокожи огуречки,
буря кроет, воет мгла.
Много ль надо человечкам?
Хлеба, неба и тепла.

Где-то мастер дел увечных
бьет копытцем по щекам,
приставляя человечков
к ружьям, как вчера – к станкам.

Он шагает с нами в ногу,
но не далее двора.
Не пора ли нам в дорогу,
не пора ли, не пора...

Нет ответа из эфира,
только грады бьют вдали.
Человечек просит мира
на своём клочке земли,

где двоим не разминуться.
Человек умолк, стыдясь,
что в такую-то минуту
просит что-то для себя.

И никто ему не скажет,
неповинному в крови,
что моление о чаше –
тоже просьба о любви.

Воришка, душа, побирушка,
над самой твоей головой
кормушка, она же ловушка,
для падких на хлеб дармовой.

Цикуту глотай за цикутой,
богачка, церковная мышь,
воруя у счастья минуты,
не ведая, что натворишь.

Не месяц – ухмылка слащавая
блестит, освещая дома.
Глядишь, как темнеет, сгущается,
и вдруг замечаешь: зима.

Деревья, по Брейгелю черные,
стоят по колено в снегу.
Смотри, как поземку проворную
сугроб стопорит на бегу,
как в чашке, прихваченной инеем,
к утру цепенеет вода...
Все минет, как сумерки длинные
в голодных, бесплодных годах.

За то, что в полсилы горела,
едва ль оправдаешься ты,
раз не было слов для согрева,
участия и доброты.
Ни корма не нужно, ни зрелища,
но стой, как стоишь, на своем
за всех в эту зиму болеющих
и всех, переживших её.

Затем ли глядящие в оба
из горних, блистательных сфер
спускают на землю хворобы,
чтоб ты посмотрела наверх.
Ни корма не нужно, ни зрелища,
но будь милосерден сейчас
ко всем, ни о чем не жалеющим,
и к прочим, жалеющим нас.

ТАРАНЬ

Алексею Зараховичу

А как же иначе – кувшинки, мальки, мотыльки.
Мир густо заселен и зелен – а как же иначе...
Играет худая тарань с рыбаком в поддавки.
Прозрачна вода, как весенние очи незрячих.

И жизнь, что выходит из впадин, зазоров, пазов,
близка и желанна, как скорая наша победа.
Чего же ещё, если рыба идет на Азов,
заштопаны сети? О чем еще стоит поведать?

Слова что плотва – им бы в стайки сбиваться, мерцать,
из донного царства приглядывать за рыбаками,
что ходят на берег – бессмертье ловить на живца,
на тонкие книги, на вечную позднюю память.

Людмила ШАРГА
Одесса

Из цикла стихотворений «На краю»

Побудь со мной,
поговори со мной,
постой тихонько за моей спиной,
за окнами осенний дождь стеной,
в который раз без нас отчалил Ной.
В который раз кочующий ковчег
уплыл искать надежду и ночлег
туда, где осиянны свет и твердь,
масличная обещанная ветвь –
свидетельство, что где-то есть земля
для жизни лучшей и счастливой, для...
А в нашем доме – печь
и жар в золе,
и рукопись на маленьком столе,
и нам опять судьбу перешивать,
донашивать свой век и доживать,
не ведая, что нас давно уж нет...
Есть бабочки, летящие на свет,
есть сумеречный законный след,
в печи огонь и на стене портрет:
твой профиль,
солнце и
проём дверной...
Теперь здесь только мгла и дождь стеной.
Слились земля и небо,
мир иной,
предел небесный и предел земной.
Я у окна,
ты за моей спиной.
В который раз без нас отчалил Ной.

Никто не знает, сколько зим и лет
нам коротать вдвоём,
пока нас нет.
Есть бабочки, летящие на свет,
есть серебристый сумеречный след,
и дождь осенний за окном – стеной,
и трепет тонких крыльев за спиной...
Ни паруса у дома – ни руля,
на сотни вёрст – плавучая земля.

Уехать к морю и забыть о доме,
где ангелы качали на ладонях
от счастья невесомые тела;
где речка полноводная текла,
и бусинки обычного стекла
хранились – как сокровища – в шкатулке.
Где девочка бежит по переулку –
«провулок» говорили в том краю –
не знает счастье ни конца – ни края:
там солнце на Купалин день играет,
и я его встречать не устаю.
Уехать к морю – это ли не благо,
дышать прохладой и марать бумагу
то прозой, то стихами...
То молчать,
вытягивая бытность на плечах,
и, коротая ночи при свечах,
писать самой себе десятки писем,
в них правда, в них обрывки вечных истин,
а суть одна – так хочется домой,
где свет живой и где вода живая,
и тихий голос песню напевает
о том, что будет лето за зимой.

Уехать к морю.
К берегу иному,
к неверному прибою кружевному,
и снова очутиться на краю,
в любимой колыбельной, что поют
всем маленьким, и права не дают
ходить по краю и ложиться с краю...

Там волны снами детскими играют,
там старики из вод забвенья пьют.

Уехать к морю и дойти до края,
и просто жить – судеб не выбирая,
бродить, как бедный серенький волчок,
закрыв беглянку-память на крючок,
чтобы с пути в который раз не сбиться;
и не вспугнуть волчка – он сам боится
ходить по краю.
Но о том... молчок.

Сумерки прохладой прирастают,
но ещё сулят тепло рассветы,
дворники сметают, не читая,
письма из утраченного лета
в зябкие костры за гаражами,
что чадят осенними ночами,
вписывая в горные скрижали
радости земные и печали.
Дворники – сурки и нелюдимы,
не сильны в эпистолярном жанре,
в струйках дыма видят струйки дыма,
что им до каких-то там скрижалей,

до летеиских тяжких вод забвенья
с чёрными от серы берегами...
Несколько небрежных мановений –
и сокрыта память под штрихами.
Выйдут – как обычно – на рассвете,
в час, когда ночные тени тают,
помянут недобрым словом ветер,
мётлами листву перелистают.
Со страниц проспектов и бульваров
в тёплых брызгах солнечного света,
с мостовых, мостов и тротуаров
дворники сметають лето в Лету.
Мне бы слушать мётел их камлание,
им бы – поскорей убрать весь город.
Где-то там – в кострах – мои послания
из тепла перетекають в холод,
из весны перелетають в осень,
растворяясь в поднебесной выси.
Дворники их не заметят вовсе –
утром город полон новых писем.

Одуванчики – такая игра.
Перелётный ветер вздохнёт: пора –
обрываются, не прощаясь
и вернуться не обещая,
и летят, не ведая, кто предаст,
и не ведая о преданиях,
пролетают... господи, – в сотый раз –
Привокзальную с поездами,
где клубятся дымные вечера,
суетливые рдеют будни.
Одуванчики – такая игра,
победителей в ней не будет.

Будет лето.
Будет неблизким путь.
Будет день и ночь
что есть силы дуть
перелётный ветер – обманщик.
Где твой дом, скажи, одуванчик?
Серебрится след вечерней росы,
и заря – от края до края,
подрастают солнечные часы
и судьбу по солнцу сверяют,
и лишь только ветер вздохнёт: лети..., –
распрощаются с колыбелью
и взлетят, чтоб где-то на полпути
одуванчиковой метелью
промелькнуть и кануть в небытие.
Это просто игра такая.
Там – в далёком солнечном забытье –
золотые стрелки стекают.
Там, где месяц май,
там, где месяц юн,
там, где дремлет ветер-обманщик,
босоногой девочкой я стою,
поднеся к губам одуванчик.
Осторожно выдохну: нам пора,
отпущу миллионы судеб.
Одуванчики – такая игра,
проигравшего в ней... не судят.

День отражается в окне...
Летит, сюжет опережая,
стихотворение, во мне
и дни, и ночи отражая.

И кто-то в сутолоке дня
вдруг скажет: стоп; не так уж плохи
дела,

и тем спасёт меня
от суеты и суматохи,
и от зеркал, что всё двоят
и множат сонмы отражений...
О, вечнодействующий яд
ветхозаветных искушений:
вкусить от яблок Гесперид,
замедлить времени скольжение,
но кто-то мудрый говорит,
что наша жизнь и есть движение:
и цвет, и колос, и плоды,
и листопады, и метели,
прощальный вздох и плеск воды,
и ангелы у колыбели.
Смятение, господи, во гнев
пускай не будет – виновата...
День отражается в огне
неповторимого заката,
в вечерней зыбкой тишине
и в мнимом призрачном покое,
день отражается во мне,
и я машу, машу рукою,
и там – на дальних берегах –
мне машет женщина чужая...
и отражается в стихах,
моё молчанье отражая.

И хочется кричать.
Но я молчу.
Не слышно вопиющего в пустыне.
Безумен мир,
безжалостен и чужд,
но боль – она своя, она остынет.
О, мне и боль была бы по плечу,
когда бы я кричала.
Но молчу.
Лихие дни огнём обожжены,
тысячелетьем стало лихолетье,
и пишется четвёртый год войны,
хлеща наотмашь ненавистью-плетью.
Куда бежать, к священнику,
к врачу?
Мне хочется кричать,
но я молчу.
Летит, летит над миром вороньё,
добычу рвёт кровавыми кусками,
и, может быть, молчание моё
со мной умрёт и превратится в камень:
я столько на душе их волочу,
что впору закричать.
Но я молчу.
Не сдвинуть камень и не обойти –
стоит себе в невидимом остроге,
свернёшь направо – не найдёшь пути,
свернёшь налево – не найдёшь дороги,
и только прямо – только по прямой –
лежит неблизкий долгий путь домой.
Но это после.

А пока ничуть
не легче ни от левых – ни от правых,
лежит за камнем в белых росах Чудь,
дремучие леса
и в пояс травы.
Тот камень станет плахой палачу.
Мне хочется кричать.
Молчу.
Молчу...

...тетрадь со стихами бросив
в какой-нибудь долгий ящик
я стану простым бариста
в ближайшей автокофейне
я буду варить вам кофе
на площади – у Собора
кому-то американо
кому-то двойной эспresso
как будто не замечая
ползущую серую плесень
как будто не замечая
что сумерки правят миром
когда же совсем стемнеет
и фонари зажгутся
случайный прохожий скажет:
постойте-ка я вас знаю
вы жили в доме напротив
и вроде стихи писали
о городе
о грифонах
о море и о погоде
я этим стихам поверил
я думал – живут же люди
как в сказке – не замечая
что сумерки правят миром

но вы возьми да умолкни
прочтите же мне скорее
о море и о грифонах...
молчание – гавань бедствий

о нет
я сварю вам кофе
и сами вы убедитесь
его я гораздо лучше
варю чем стихи читаю
и несомненно – лучше
чем их сочинять пытаюсь
я столько слов заучила
но все они бесполезны
важнее всего не слово
а действие – чувство – дело;

я вам заплачу возьмите
за чашку американо
за чёрный двойной – с корицей
без сахара – с кардамоном
но пить я его не стану
мне кофе противопоказан
врачи говорят что сердце
не выдержит даже чашки;

и я растерянно стала
читать ему о погоде
о том что стихи – как беды
всегда приходят неожиданно
и столь же неожиданно счастье
и столь же неожиданна радость
он молча стоял и слушал
парил остывая кофе
и я поняла что смысла
немного в моём молчании
и выдвинув долгий ящик
тетрадь наугад открыла...

...смешались стихи и кофе
с корицей и кардамоном
и сумерки правят миром
и рыщет серая плесень

Елена ЧЕРНЕНКО
Сумы

Я долго молчала. Молчали миры.
Слова были твёрже дубовой коры.
Я видела храбрость листа и полёт,
Когда, отрываясь, он знал, что умрёт.
А может, не страшно ему умирать,
Ведь понял листок, что родится опять!
И тайна проста, только нам невдомёк.
Любой человек от разгадки далёк!
Но вижу я вновь, как листва хороша,
Как будто вселяется в тело душа!
Изящность и мужество в каждом ростке.
Течёт отражение мира в реке...
И сказано слово, и дышит вода,
И смерть невозможна уже никогда...

Нас тянет не туда. На дне всегда прохладно.
Под тяжестью воды ты глуп и неглубок,
Но время глубоко и не течёт обратно,
И рыбий хвост тебе в подарок вместо ног.
Ты плавать не спеши. Смотри, какие волны
Разбили свет звезды, и бликами полна
Вода вокруг тебя... И торжествует воля,
И бесится от счастья фатальная волна.
Какой подводный бог хватает наши стопы?
Куда он прячет мир, когда лежишь на дне,
А над тобой идут года и гороскопы?
И рыбий бог всегда так голоден и нем.

В созвездии воды отчаянный купальщик,
Измучен жаждой был, глотнул солёный звук.
Теперь тебе легко, плыви как можно дальше,
Теперь ты – океан, такой, как всё вокруг.

Вязок уют. Память отчего дома...
Сели на кухне – и всем хорошо.
Вещи из детства теплы и знакомы,
Будто обратно дорогу нашёл...
Звякнула чашка восторженной нотой,
Цвета луны этот нежный фарфор.
— Я не печалюсь, нисколько! Что ты?!
Все эти слёзы – ребячество, вздор!
Наговоримся-наплачемся вдоволь,
Будто излечим сердечный недуг.
Пусть мне приснится, что буду я дома,
Боже, дай веры, что я не уйду!

Можно и так: спокойствием огорошить,
В сумерках мутных отчаянье утопив...
Буду безгрешно дышать, буду мыслить проще,
Слушать, как волны выводят речной мотив.
Где-то за городом, там, где никто не видит,
Может быть, встанут они вертикально дну,
Прикосновением облако спящее взвинтят,
К небу дотронутся, телом тяжёлым прильнут.
Утром проснусь я от ритма, движения, грома!
Что-то случилось! Как будто стучатся в окно!
Облако крупное, плотное прямо над домом,
Будто беременно чистой водою оно...

Всё будет хорошо. Но почему же
На взводе март и плавятся снега?
Придут дожди, которых и не нужно,
Однако же, придут, наверняка...
Но ты не жди навеки опоздавших,
Пусть ищут встречи, пишут и звонят!
Они придут, как дождь, уже уставший,
И встретят твой – всегда горящий – взгляд.
Не жди и тех, кто с чем-то поспешили,
У них сады ни к сроку отцвели...
И эти оправдания большие,
Как гром, который слышится вдали.
Своей весной ты счастлив и оправдан,
Чужой весны победный час прошёл.
Сквозные и пронзительные раны
Затянуты. Всё будет хорошо.

Если спать на траве, то отсутствие потолка
Приближает на шаг нашу Землю к Юпитеру.
И Галактика, состоящая из молока,
Смотрит на меня глазами из зала зрительного.

Это прыгают звёзды в чернеющем молоке,
Просто мячики из неведомой нам материи.
Значит, это фантастика – запуск больших ракет.
Нам всё это приснилось – прощания и потери.

Никогда не случалось такого, чтоб люди вдруг
Покидали любимых в пределах земной орбиты.
Только смерть их похожа масштабами на дыру
Сверхмассивную, но туда нам пути закрыты.

Потому мы останемся здесь отставать от них.
Будем спать на холодной земле, обжигая спины.
Ночь вмещает в себя не более, чем двоих,
А иными словами – лишь женщину и мужчину.

Это птичий язык. Это комната ветра.
Так пронзительны крики, когда ты молчишь.
Пусть стучатся в окно криворукие ветви,
Всё равно не нарушить протяжную тишь.
Я боюсь говорить, потому что неясно,
Что ты примешь и что ты ударишь рукой...
Только в птичьих словах просыпаются гласные,
Только так и рождается вечный покой...
Улыбайся во сне! Там до боли сплетаются
Все простые слова, что сказать не смогли.
Прикасайся ко мне в этой комнате пальцами.
Это место для птиц, что гортани сожгли...

Ты знаешь ответ, осталось в него поверить,
Ведь дышащий ровно не ведает всей глубины.
Любая планета узнала бы свой перигелий
По жару внутри и волнениям, что не видны.

Ты близок к нему, к небесам пригвождённому солнцу,
Ушедший на взлёт, а как будто ушедший на дно.
Ведь снизу все звёзды равны, и крупными соли
Всем кажется то, что увидеть вблизи не дано.

Ты будешь мечтать, что впервые почуяв пространство,
Растает земная тоска и любовь в том числе.
И будет похожим на смерть твой космический танец,
Твой лучший полёт, бесконечно рождающий свет...

Видишь, как потемнело?
Свет фонаря не спас.
С неба на Землю смело
Смотрит медвежий глаз.

Кружатся астронавты,
Крутятся...
Всё – вверх дном.
Жутко мелькают даты.
Быстро стареет дом.

Будто сожрало небо
Худенький ваш корабль.
Видишь ли, это нервы...
Звёзды – сплошная рябь...

Там не скрипят морозы,
Звук не доступен им.
Минусы как занозы.
Больно, а мы стоим.

В космосе, как в болоте, –
Тянет сплошной магнит.
Как же вы там живёте?
Что там у вас болит?

...Звёзды качнутся страшно,
Всхлипнут и промолчат.
Космос меня не спрашивает.
Космос – моя мечта.

Ночь, исцели меня тёмным лучом,
В небе зажги свой извечный прожектор.
Голос внутри, говори ни о чём!
Голос извне, помолчи о прошедшем!

Будет, как озеро, сон мой глубок.
Рыбы проглотят всё то, что прибудет.
Где ты летал, мой ночной голубок?
Я переполнилась, видишь, как будто...

Страшно теперь не узнать ничего,
Что изначально мне Богом давалось...
Тихая птишка, садись на плечо!
Наше молчанье – блаженная малость.

День не увидит всего, что сбылось,
Что происходит с душою ночами.
Я закипаю – но это не злость.
Я испаряюсь – и это начало

...И будто исчезает дым разлуки.
Твой образ там и здесь. Куда бежать?
Ты молод, но к тебе приходят внуки,
Я старше, но как девочка, нежна.

И дерево так рано пожелтело,
Едва ли приподнявшись над землёй.
Душа твоя, похожая на тело,
Тяжёлым шагом следует за мной.

Я так боюсь ходить с тобою рядом
И в памяти лицо твоё беречь.
И лишь тому, наверное, я рада,
Что нас объединяет только речь.

Она, как равнодушие, осталась,
Вместившее и боль, и красоту...
Ты молод, но к тебе приходит старость.
Я старая, но всё ещё расту.

Елена КАСЬЯН
Львов

Я ЕСМЬ ПИСЬМО

1

Свитки бы исписал, а с небес ни строчки –
кончились имена у предметов.
Видимое – не полотно, а всего лишь точка,
искра света.

Так и живём, пока узнавание длится,
выйти за скобки жизни – не сложно,
а вот раздвинуть на ширину страницы –
как можно?

Буду глядеть с небес, подбирать оправу –
чьими руками с тобой обняться.
А до поры мы живы и, значит, вправе
не расставаться.

Буду тебе посланием отовсюду,
все времена о нас, назови любое,
голубем в небе, небом лазурным, буду
тебе тобою.

2

Когда луны обмылок плыл над нами,
Когда меня твой город не вмещал,
И пустоты воображаемый овал
Не размыкался утренними снами,

Мы упразднили время. Толку нет
В его пустом вращении по кругу,
Когда напрасным обещанием друг другу
Остался мнимой яви мнимый свет.

Кем приходилась я тебе, какой
Останусь тут, припомнится едва ли,
Была ли памятью, была ли сном, была ли...
Всё, что роднит объятия с тоской,

Держать у сердца глупо зачастую –
Молчать на выдох, отпускать на вдох –
Такой порядок ни хорош, ни плох,
А только он один и существует.

Иди ко мне, мой лучезарный бог,
Усни в меня, чтобы насквозь проснуться,
А утром чай в пиале, яблоко на блюде...
Иди ко мне, ты сделал всё, что мог.

3

Из той тишины – из продольной, прохладной на срезе –
Представляется мне, ничего уже больше не вынуть.
Раздувай этот шар, этот купол, пока он не треснет,
И тогда станет легче хотя бы наполовину.

Наша ладная жизнь перекроена косо и криво,
Горизонт непременно завален – что лёжа, что сидя.
Только кто же там, господи, ходит над этим обрывом
И обрыва не видит, стоит, а обрыва не видит.

Это я там хожу – и ношу тебя всюду с собою,
Как чудной амулет, как куриный божок и награду.
Если вкратце, то мир повернулся лицом и спокоен,
Потому что теперь всё идёт, наконец-то, как надо.

Оставлены пожитки,
Всего-то пара строк,
На старенькой открытке
Затёрся адресок.
На завтрашнем причале,
Где ты – одно из двух,
Меня не различает
Потусторонний слух.
Как жили мы с тобою,
Где невозможно жить,
Как были несудьбою,
Попробуй Расскажи.
Душа моя сурдинка –
Ни лика, ни лица.
И крутится пластинка,
И нету ей конца.

Я бросаю слово, будто тонкий невод,
Кто его достанет, сам заговорит.
Не ходи направо, не ходи налево,
«Буква убивает, а дух животворит».

Под мою молитву хорошо ли спится?
Кто очеловечен, лучшего не ждёт.
Каждый обратится в то, чего боится,
Каждый обитает там, куда идёт.

Где город носит сон на коромысле,
Мой почтальон который день не спит.
Я есмь письмо тебе, и в этом смысле,
Идущий – это просто часть пути.

Неважно, что во мне ты прочитаешь –
Свою любовь, закат своей любви, –
Ты только то, чего не означаешь,
Сей час замри, сим часом оживи.

Укореняться в будущем не трудно,
Как оставаться в прошлом насовсем...
Мы спим и спим, нам снится Будда,
Который потешается над всем.

7

В прошлое нынче невелики вложенья,
К вечеру сиротеем, к утру – тем паче.
Вызубрить, как таблицу неумноженья,
Список твоих игрушек: свистулька, мячик...

Я ль тебя обниму, я ли здесь утешу:
Это не Кали-юга, не Кали-юга...
Выхватит нас из сумрака луч нездешний,
Будем ещё нежнее отпускать друг друга.

Не удержать в руке, в голове, меж чресел,
Сущее бестелесно – и в этом чудо.
Тот, кто семь раз отмерил, один отрезал,
Знает, откуда смерть или жизнь докуда.

Мячик, свистулька – надо ли всё итожить,
Нам далеко ещё до второго круга.
Боже мой, сколько нежности, боже-боже...
Это не Кали-юга, не Кали-юга.

8

Вот так, скрипя о петли бытия,
Раскачивает ветер колыбель,
Где нас Творец попарно изваял:
Совместный быт, совместная постель,
И только вечность каждому своя.

А время всё прозрачней на просвет,
И проступает контур декупажа,
Где я снимаю платье, как конверт,
Где мы – пейзаж, вернее, часть пейзажа,
И смерти нет, и утоленья нет.

И мы никто, и мы уже нигде,
Лишь колыбель качается со скрипом,
И рябь идёт по небу и воде,
Где ты меня читаешь, как постскриптум –
И там, и здесь, и далее везде...

9

– Бери, – говорит, – я ли тебе не янтарь,
солёный ветер, густая крона, резная кость,
белое облако, тонкое зеркало, киноварь,
я ли тебе не праздник и не тропарь,
не желанный гость?

– Мой свет, – говорю, – пока мы в руках Его,
Седьмое небо переливается через край,
не говори ничего, не спрашивай ничего.
Где моё сердце касается твоего,
там и рай.

Галерея

Александра ШАЛИНА
Киев

Никогда не знаешь, чем обернется дело.
Чья возьмет.
Восемь зим была со мной птица, и птица пела.
Не поет.

помоги мне, я не умею договориться
с этой нелепой птицей.
как мне быть?
я больше не нахожу себя человеком,
способным тебя любить.

Тишина замешана на словах.
Просто ночью воздух настолько густ,
что любая речь, отголосок, хруст
увязает, не отойдя от уст.
А любая правда – любовь ли страх,
вдруг о двух становится головах
и дает на себя взглянуть.
Если хватит смелости, то смотри,
что у тебя внутри.

Это сладкое чувство, бьющее по уму:
засыпая, приближаешь себя к тому,
что случится. Будто, если погасишь свет,
мир расщёлкнется – то, чего еще толком нет
состоится.

.....и получится ощутить,
как возможное начинает происходить.

Как щадит калека больную ногу,
отдавая тяжесть другой,
как дитя увечное дольше ласкает мать,
так и ты, повинувшись слепому долгу,
нянчишься со мной,
хотя давно бы должен меня прогнать.

ОБ ИССЯКАЮЩИХ РАЗГОВОРАХ

вода пересыхает... мы молчим.
пустыня необъятна. караван
все тянется, едва ли различим –
везут твои слова к моим словам
верблюды между двух своих горбов...

Если зима придет, а она придет,
что-нибудь неизбежно произойдет.
Я не берусь предсказывать, но декабрь –
очень лукавый месяц.

... Я родилась, когда замело столбы,
воротники, как лошади, на дыбы
вскинулись, и гармонию играли лбы
по приближенью лестниц.

Мать моя, не терпящая суеты,
видя в ребенке декабрьские черты,
только смеялась и шурилась: «Ничего,
может, пойдёшь в отца».

Мы никогда об этом не говорим,
но в декабре я пересекаю Крым,
чтобы сравнить отражение своего
и твоего лица.

будто в мой рот вложили чужой язык.
что не скажу – все кость, междометье, рык.
дикие перевернутые слова –
тело собачье, заячья голова.

как мне их выправить, выловчить, извести.
имя твое спокойно произнести.

Если к тебе прибьется моя зима,
жди ее с теплым хлебом и молоком...

дети, ростки дающие от ума,
держатся от сердечных особняком.

я не имею ножниц, но садовод
очень умел – комар не подточит нос.
дайся макушку срезать – и в рост пойдет
корень сердечный. известь и купорос
вместо манжетов белых по рукавам.
будешь теперь смеяться и горевать.

можешь, конечно, не верить моим словам
я тебе не любовница и не мать.

Мария ЛУЦЕНКО
Киев

Мы — Боги, но со смертью на хвосте.
Мы — беглые рабы дурных привычек.
Ни дня не продержаться нам без спичек
в грядущей, страшной, вечной мерзлоте

миров, где встречный встречному — Чужой.
Мы нашим одиночеством ранимы.
Над головами — царственные нимбы,
но Никого, как в детстве, над душой...

Мы — боги лишь до той поры, пока
война не постучится в наши двери,
швыряя плоть на острие клыка!
Тогда мы — в душу раненые звери.

В нас дремлет ярость неземных царей,
как дремлет волк под шкурою овечьей.
Одна Любовь нас делает добрей
и человечней.

О ЛЮБВИ

Ощущая в грядущем разлуку
не на день, не на год, — на века,
ты сильнее сжимаешь мне руку,
смотришь взглядом больного зверька.

Но разлуки бояться не стоит,
если души бессмертны, то в срок
всем любимым свиданье устроит
непрерывно всевидящий Бог.

Он закажет нам столик у входа
и заварит густой шоколад,
и расскажет, как много народа
и к нему попадает, и в ад.

Если ты — его первый подкидыш,
за подругу замолви словцо,
и меня непременно увидишь,
и грехи мои, все налицо...

Даже если тебя потеряла,
растворившись посмертно, как дым,
в пустоте временного провала,
помни: тот, кто любим — невредим!

Помни: ждется и верится мне там,
в безызвестном бескрайнем краю:
ты отыщешь по тайным приметам
бестелесую душу мою.

БЛИЖНЕМУ

*«Возлюби Господа Бога твоего
всем сердцем твоим,
и всею душою твоею,
и всею крепостию твоею,
и всем разумением твоим,
и ближнего твоего,
как самого себя.»*

(Лк. 10:27)

Мир наш - поезд, ползущий в ад.
Мой вагончик битком набит.
Здесь никто никому не рад.
Каждый, выживший, зверь на вид.
Зачерстевшим от злых обид,
как остаться и быть людьми?
Клык саднит, а душа знобит:
«Обними меня, обними!»

Вот, толкаются у метро,
пышет злобой рабочий люд,
локоть создан, чтоб дать в ребро,
здесь иначе и не живут,
Если ты не подлец, не плут,
знаешь сам - этот свет не мил!
Будь мне названным братом, Брут,
Обними меня, обними.

Сколько было дурных затей -
мир стремились улучшить мы.
Закипали в котлах идей
гениальнейшие умы,
нынче руки мои плетьюми -
вот и рушится Дом на слом.
Обними меня, обними
в этой жуткой войне со злом!

Мрут мальчишки в полях немых,
наступая на бляшки мин.
Безразличие бьёт под дых:
каждый - чей-то отец и сын!
Возвращают остывший труп,
ни за что полегли костями!
Хватит лгать, что жесток и груб,
обними меня, обними!

Если даже слаба твоя
вера в ближних, и страх, как страж,
призовёт на отстрел зверья -
в лапы страху меня отдашь:
как раба, в кандалы забей,
на руках завяжи ремни,
и, навесив своих цепей,
обними меня, обними!

Знаю, мучит один вопрос
и сомнение душу ест:
Был Иудой обнят Христос
перед тем, как взойти на крест,
быть распятым в расцвете лет
и от боли другим сиять!
В чаше неба - слепящий свет...
Да минует меня сия!

Неустанно летят с небес,
предвещая приход зимы,
тучи с ливнем наперевес.
Обними меня, обними!
По объятьям твоим, слова
в полынье тишины топя,
я пойму, что ещё жива
и способна любить тебя.

МАЛЕНЬКАЯ ПЕСЕНКА О БОЛЬШОЙ ЛЮБВИ

Веришь ли в любовь на расстоянии?
В ту, что прожигала тьму насквозь.
Мы друг друга выбрали заранее,
зная друг о друге, жили врозь.
Ты стремился к северу, я - к западу,
параллелью двигалась иной.
Как нашли юдоль свою? По запаху
жизни неразгаданной, земной.

Не мольбой молитвенной, не ладаном
приманили - этим не возьмёшь!
Медовик расцвёл на поле латанном,
вспыхнул василёк, ныряя в рожь,
захотелось ливнем с неба падать, и
снегом выстилаться над листвой...
Вот и выбрал ты меня по памяти,
по её прожилке вековой.

Как тебя узнала я? По трепету,
тихому волнению на дне.
Горевал о недоступном небе ты,
да забыл о нём, уснув на мне.
Сделались одним прозрачным коконом,
без дверей и окон - хрупкий шар,
было в нём растить не одиноко нам
щупленькую душу малыша.

Но внутри у каждого - по гордости!
И обиды рядом, на сносях.
Не хватило у меня покорности,
твой родник терпения иссяк,
По несчастью, разлетелись в скорости:
у любви разлука далека,
унесли в горсти по горстке горести -
хватит, чтобы помнить на века.

ОЖИДАНИЕ

Догорая горестным огнём,
жизнь моя стояла под окном,
приминая колкие кусты,
и молила: «Пожалей,пусти!»

Безответным твой казался дом.
В лунном свете, стылом, и седом,
жизнь стояла и ждала, как вор,
вдруг поманишь пальцем из-за штор.

Коготки скребли о лёд стекла,
еле брезжил островок стола,
еле виден был обрыв тахты
в угольных отрепьях темноты.

- Где ты был, я так тебя ждала!
Замышлял великие дела?
Пил с подругой, и открыть не мог,
или просто спал без задних ног?

Отвечал ты грустно и светло:
«разминулись, как не повезло...
Тесен душный кокон одеял,
я всю ночь под окнами стоял,

приминая колкие кусты,
но вдали, за тридцать три версты!
Тёмной и запруженной рекой
жизнь текла под окнами другой.»

ПЕПЕЛ И СНЕГ

Светлой памяти Катерины Ивчук

Полюбуйся на время, где всех нас нет.
Видишь: пепел, мерцая, летит на снег?
Умолкает мой голос, который пел...
Пепел сизый, а снег первозданно бел.

Пепел сизый, как пёрышко из груди
дикой горлицы, поутру разбуди
поцелуем, и мой поцелуй храни:
до вселенской разлуки остались дни!

Потому-то и губы так горячи,
что когда-то остынут, как калачи,
из печи не глаголят, молчат, черны!
Наши ночи бессонные сочтены.

Мир был словом рождён, а быть может, крик
испустил от усталости Бог и сник,
и рассыпался, пеплом осыпав твердь,
больше некому брошенный мир вертеть.

Слышишь скрип? Это космос, иже еси,
по инерции вертится на оси
будто ржавое чёртово колесо,
а как только устанет, так смолкнет всё.

Есть немножечко времени. Тишину
нарушать нам грешно, не вменяй в вину,
что болтаю без умолку. Имярек,
видишь время, где пепел летит на снег?

Говоришь: многословна с тобой, да-да...
Эта речь, словно горлом не кровь - вода,
станет морем январским, и ломкий лёд
отмолчится на тысячи лет вперёд.

Потому заговаривая зарю
говорю по словечку, по словарю
создавая Тебя, запрещаю смерть!
И не смей прерывать, я должна успеть...

От последней войны - ни Медин, ни Мекк.
Ощущаешь смертельную тяжесть век?
Это - пепел, мой пепел летит на снег.
Это - пепел, твой пепел летит на снег,

засыпая всю землю, по кромки крыш.
Заплывает в зенит, замерзая, чиж.
Солнце гаснет. И время ползёт к нулю...
Потому говорю: «я-те-бя-лю-блю».

09 августа, 2017 год

ОТВЫКАЮ

Отвыкаю от тебя, отвыкаю...
Чем ни попадя себя отвлекаю:
то стряпня, то постирушка, то штопка,
да стишков старинных пыльная стопка.
Распластались облака, как лекала
на холсте, за край земли увлекая.
Жить так больно, от любви отвыкая,
и за что живущим кара такая?

Истоскуешься, припомнишь, как пела
и вернёшься, как ни в чём не бывало,
будто ночь всего, не жизнь, пролетела,
на двоих - одной любви покрывало!
И ревнивым взглядом быт озирая,
тихо спросишь, от обиды зверея:
- для кого горела, дом озаряя,
признавайся, говори же, скорее!

Что поддывала в жизни, пока я,
злой смертью был гоним, словно Каин,
по земле в тоске бродил, неприкаян.
- Что я делала? Жила, отвыкая...
Как умела, по тебе тосковала,
горевала, сколько горе носило,
сердце пепельное мало-помалу
остужала, остудила насилу.

Лаврским звоном боль земная отпела,
в чаще брошенной волчицей отвыла,
злой болезнью по тебе отболела,
Отвыкать оставил? Так и отвыкла...
Вот, стишок тебе, прощальный, в конверте,
Что нахмурился? Бери и не кисни,
и не лги, что ты любил пуще смерти,
и что нынче я нужна больше жизни.

ЛЮБОВЬ

*дедушке Дориану, хирургу,
и бабушке, Наталье, военной медсестре,
посвящается.*

Не знала я до той поры любви,
пока однажды вдруг не увидала,
как бабка деду ноги бинтовала
и гладила рукой рубцы и швы.

Струился пот и в таз летел со лба,
по кракелюрам кожи кровь струилась.
Силён был дед, и долго мука длилась,
а бабка хрупкотела и слаба.

И, над больным безропотно склонясь,
как Магдалина, дряхлая, седая,
казалось, нет, не бабка, но святая
кровавое тряпье швыряла в таз.

От слабости, от боли, и вины
сутулилась горой спина атлета.
Есть много сцен любви людской, но эта...
Её подмостки до сих пор видны!

Дед говорил: «Иди кормить детей,
пока ты здесь, у них остынет каша,
вставай с колен, оставь меня, Наташа!»
И плакал, разбинтованный, над ней.

Ходить, как прежде, он уже не мог,
и вера в чудо постепенно гасла,
но бабка день и ночь втирала масло
в кровавые колоды мёртвых ног.

С тех пор, моя любовь совсем не та,
на лавочке сидящая пацанка,
не гордая, худая самозванка
с надменно-тонкой складочкой у рта,

она - как бабка из минувших лет,
мочой и кровью пахнет, боль бинтуя.
И верить не заставили б в иную
ни Бог, ни дьявол, ни большой поэт.

11 марта, 2018 год

П.О.

Бывает, мир в глазах рябит,
и застит свет слепая злоба,
и от мучительных обид
ощерясь, мы страдаем оба.

Свечу надежды не глуши,
азы терпения освоив.
Не бойся, если нет души,
то сердце есть... Оно - живое.

Стучится, как случайный гость
на Покрова в закрытый терем,
как за жалость не чехвость,
всё учит сострадать потерям,

как сердобольному не ври,
что ты его считаешь лишним,
Прощая, корчится внутри,
напоминая о Всевышнем.

Всё-всё, в чем нас винят враги,
чем демон мщения страшает,
всё попускает Всеблагий
и Всепрощающий прощает

любимым, тем, что вопреки
великой центробежной силе
слезинки песней, злой тоски
в платок единый, общий лили,

и, сами - не разлей вода -
тоской единокровной стали.
А если Бога нет? Тогда
чужие нам простят едва ли...

Что ж, если всё же Бога нет,
и мы одни, на всю округу,
на весь бескрайний, вдовый свет -
мы сами всё простим друг другу.

Мария КИТАЕВА
Киев

раздосадована
разбросана
раздражена
это так необъятно, что сводит меня с ума
а уж будучи сумасшедшей снова терять свою голову – ни к чему
так что лучше, пожалуй, оставить меня одну

наедине с собой мне хорошо, легко,
мысли текут, как сгущенное молоко –
плавно и вязко,
сладко и глубоко
наедине с собой я могу им взглянуть в лицо
наедине с тобой я скомкана, но проста
и ко всему открыта – нет белее листа,
чем я, сидящая напротив тебя, порой
с тобой хорошо, но я лучше пойду домой

я лучше пойду, потому что ужасно боюсь,
что снова закончится все, в бесконечную грусть
выльется окончание для меня
так лучше оставить как есть, ничего не менять

я очень страшусь – мое сердце дрожит
дребезжит
ох, боже ты мой, как я боюсь потонуть во лжи
как же мне страшно опять налететь на риф,
и собирать себя по частям в отголосках рифм

и снова себя склеивать и сшивать
пусть лучше всегда моя будет пуста кровать,
чем после себя снова найти одну – разбитую,
воюющую на луну

от этой гнетущей и вяжущей пустоты
пока ты один – у тебя всегда есть лишь ты,
пока ты один – ты собран, цел и силён,
ты знаешь – вот я, и я себе – дом

я себе крепость, я себе ров и защитный вал,
да, он не велик, а порой – предательски мал
но может держать оборону из года в год
и защищать то, что внутри живет

от всех неурядиц, боли и пустоты
твоё сердце цело, пока у тебя – только ты

а открывать свои двери – страшно и тяжело
вдруг снова все рухнет и ты упадёшь на дно
вдруг все рассыплется, как треснувшее стекло
и снова наступит мрак, станет черным черно

и снова порезы сшивать, заживлять, лечить,
и снова менять замки, переплавлять ключи
и снова себя учит на ногах стоять
все это так сложно, что просто хочется взять

и убежать, сломя голову, в темный дремучий лес
и повторять, как мантру:

«я у себя есть,
мне больше никто не нужен, пока я здесь,
все остальное – блажь и ересь, гремучая смесь,
я буду с собой – сама,
я буду сама – собой»

так что ты скажешь, мне уходить домой?

я щенком большеглазым к тебе пришёл,
сел у ног и смотрел.
верил.

подставлял безбоязненно голову под твои руки.
зверем преданным молча смотрел в глаза.
верил словам, откликался на все данные мне имена.

ты меня позвала сама,
сама обратила в веру в себя.
теперь открестилась.

теперь откатилась назад волна бездонного океана и
накрыла меня с головой -
так велика эта боль, что ты мне оставила.

подошла так близко,
как только возможно,
в упор.
так честно смотрела в глаза,
улыбалась.

лучше бы ты умерла,
лучше бы я никогда не рождался на свет,
лучше бы взял обет молчания и искусственной слепоты.

а так – одна ты
видишься мне в толпе.
и кроме тебя – все не те,
и так туго, как на петле,
я на коротком твоём поводке,
с ошейником строгим.

и все дороги к тебе приводят,
и все эти строки,
что льются прямо из моей дырявой груди –
о тебе одной.

и приходя домой я чувствую,
как мой мир захлопывается, остаётся снаружи,
а дальше – лишь чёрный вакуум.

если мог – я бы заплакал
и затопил своими слезами все города и села,
сделал бы полноводными реки,
осушенные озера вернул бы к жизни.

прошу, исчезай из снов моих -
они хуже любого кошмара,
хуже занозы – ноют,
кружатся перед глазами, пропадая в кромешной тьме.

и каждую ночь,
когда лунный свет прорезает штору острым серпом,
засыпая,
я призываю всех твоих демонов дать тебе сны обо мне.

поцелуй меня
развернись спиной
и уйди в темноту расцветшей сирени
не отбросив тени
не оставив следа

память моя – вода,
утекает сквозь пальцы
все скитальцы мира в неё умещаются,
прячутся там от дождей

в ней я храню людей
врезавшихся, впечатавшихся
накрепко, наглухо
слишком сильно,
чтобы забыть

а уходить волен каждый
вопрос лишь в том
что останется после тебя

важный вопрос
а никто не берет его во
внимание

так расстояние появляется,
раскрывается, расширяется,
расталкивает по сторонам

и если не нам исправить этот разорванный круг
этот сломанный цикл
то кому?

смотришь в чёрную воду, не видишь дна.
вглядываешься, наклоняешься все ниже,
чтобы рассмотреть отражение,
себя рассмотреть,
смотрящего из темноты в упор.
те же черты, или кажется?
течение жизни искажает гладкое зеркало рек,
рассмотреть все сложнее.

вытягиваешь шею, приближаешься к потоку, ниже, ниже,
сантиметр за сантиметром,
мимо проносятся недели, месяцы, годы, ты клонишься ниже,
ниже, пока губы не коснутся отражения.
а когда коснутся – берег будет пуст.
вокруг будет тихо – ни скрипа, ни птичьего щебета.
оглушительная тишина.
стиксовы воды прожорливы, как и твоё отражение,
вспомни об этом, перед тем как смотреть.

писать о себе сложнее, чем быть собой.
холодные волны рождают живой прибой,
холодные сердцем увлечены борьбой
с миром теней, где живым не бывает места.

я ударяю себя по лицу рукой–
я на секунду себе показалась пустой,
я не сказала себе вовремя стой,
так почему бы не продолжать падение.

ноги скорее сами меня несут,
вы не поймете меня, но ведь в этом суть.
я заблудилась в собственном темном лесу,
так пускай домом мне станет густая чаща.

даже сухая ветвь может дать росток –
юный побег, завязавшийся только цветом.
древесная кровь шальна, горяча, юна –
вверх рвется потоком, сводящим меня с ума.

даже родник пересохший может ожить,
если прорвет запретные рубежи
дикий поток заждавшихся бега вод,
томящихся без движенья который год.

но что делать с солнцем, гаснущим день ото дня?
кто сможет спасти его и спасти меня?
я верю, что все-таки встретится на пути
тот, кто хотя бы солнце сумеет спасти.

Елена ШЕЛКОВА
Киев

Красота с одиночеством бродят.
Крепко спаяны эти пути.
Кто кота, кто совёнка заводит,
Ты меня,
Ты меня заведи.

В Третьяковке и Лувре мне грустно.
Что холсты, кринолины, парча?
Пить с ладоней твоих – вот искусство,
Что потомки должны изучать!

О любви и о птицах не спорят,
Страшно, что не страшны поводки.
Заведи меня!
В лес или море,
Заведи,
Только не доводи

До того,
Чтобы я заводила
Не тебя,
Не того и не там.

Птица может лететь легкокрыло
Только к верным своим адресам.

...будут падать солдаты, снежинки,
Таять вновь у Земли на груди.
Бог заводит всё ту же пластинку...
Заведи же меня,
Заведи.

поговори со мной язык
как говорил вчера
хор голосов, хор старых книг
мир пухом. ни пера.

прошедших – будущих времён
колокола по ком?
большие люди в сто погон
следят за языком.

несётся с плахи голова
и разбивает нос.
и вот доносятся слова
и падают в донос.

и А. сидит, и Б. сидит.
где рамы наши, мам?
как прокурорский злой вердикт
язык покажет нам...

Планету назови мою Печалье.
А на планете этой, как цветы,
Растут голубоглазые молчанья,
И пляшут, пляшут лунные коты.

Меня учила нежность быть спокойней
И провожать моё и не моё.
Счастливых поездов тебе, перонье,
Желает разбитное воронье.

Езжайте, поезда, не очень шибко.
Кондукторша, не будь в пути лиха.
Ты совершила грубую ошибку,
Богатого оставив жениха.

Пусть не заманят к морю крики чаек,
Не завлечёт прогулкой свет Венер.
Но если, вправду, золото – молчанье,
То я давно уже миллионер.

Мы с тобой ходили в сновидения,
Я ловил сачком снега зимой.
И не знал, что ты – стихотворение,
Всё ещё не созданное мной.

Уносил снега под солнце, в рощицу,
Чтобы снег не подхватил бронхит.
Ты смеялась:
Если вдруг не сложится,
Сложатся прекрасные стихи!

Как я злился!
Хочешь – будь неверною,
Можешь чашки и меня побить.
Но просил я до стихотворения
Никогда меня не доводить!

Довела.

И вот однажды в мир немой
Цвета снега стих упал в тетрадь.
Просто стать строкой незабываемой:
Нужно научиться забывать.

Поделись талантами забвения.
Как сбежать,
Найти другую грусть,
Если ты – моё стихотворение,
А стихи я помню наизусть?!!

*Куда идём мы с Пятачком?
Винни Пух*

Ты подарил мне пяточок
На память, просто так.
Я был когда-то дурачок,
Теперь – большой дурак.

Пятак, зажатый кулачком
Живёт в моём дому.
Куда идём мы с пяточком,
Не скажем никому.

На свете много есть примет,
Но верю я лишь ей:
Забросишь горсточку монет -
Вернёшься поскорей.

Летят монеты вглубь реки,
В колодец и фонтан.
А я кидаю пятаки
За твой большой диван.

Вид с балкона

Конкурс молодёжной поэзии памяти Леонида Киселёва

Стихи лауреатов и финалистов конкурса

НОМИНАЦИЯ «ГОСТИ ИЗ БУДУЩЕГО»

Мария ЧЕРНЫШЁВА

17 лет

Дружкова-Киев

1 место (рус.)

ВРЕМЯ СТИХОВ...

Сыпать дождём – зимы современной почерк.
На льду поскользнулся луны молодой образ,
Прервал запятой монотонность дождливых строчек,
В зеркале льда превратился в спасительный компас.
Время тревог и чужих беспощадных мыслей.
Время итогов: чего мы за день достигли.
Время пить чай со вкусом лимоннокислым.
Время стихов и запаха новой книги.

А осень – быstroногая хозяйка –
Вильнёт своим оранжевым хвостом,
И, подметая улицы и парки,
Играет с хитрым солнечным котом!

С БОДРЫМ УТРОМ

В окнах тусклых вдруг свет появится.
И наступит утро туманное.
На деревьях ветвистых уляжется
Чуть продрогшее, бодрое, манное.
Сон развеет и листья осенние.
В аромате кофе пленящего
Перемелет зёрна кофейные
Возле чайника бурнокипящего...
И, зевая, собраться нехотя,
Не туда, где дела с задачами,
А туда, где лучами первыми
Отразятся от солнца зайчики.

*

Настоящим становится «завтра»,
А «сегодня» прошедшим становится.
На часах 23.15 –
Время сонных дождей невесомости.
Разлетаются капли стеклянные,
А последствия столкновения –
На асфальте, покрытом изъёмами
От «осколочного ранения»...
Сколько света, и сколько радости,
Несмотря на любые трудности.
Как заплатки на старом платице,
С перешедшей от бабушки мудростью.

Витрины помнят к осени побег Зашелестевших листьев между стёкол. Их ветер подгонял, ронял на снег, И каждый, заворачиваясь в локон, Летел по улицам, к товарным поездкам... Сквозняк гудел со всех щелей и окон... Когда весь город погружается в туман, Дома с теплом окутывает кокон. Так было раньше. Будет и теперь. Но

посмотри! Старается погода! С трудом безвыходности открывает
дверь, Границы устрания мимоходом...

Повис на небе месяц молодой.
Ему, наверное, холодно и скучно.
Весь день смотрел на шар, на наш Земной,
И кутался в сиреневые тучи.
А с высоты спускались холода,
И ветер северный ломал деревья. Сутки
Песком и пылью засыпало города,
Но очищало временно рассудки.

В переулках сыреют дома,
А по улицам бродит солнце.
Ветер сводит людей с ума
И рисует на лужах кольца.
На расплёсканных в дождь зеркалах
Отражение находят тучи.
В ароматных, прогретых стогах
Прятать лето их осень учит.

Бумажные города. Бумажные птицы.
Многоэтажные дома. Неизвестные лица.
Октябрьское безлуние, полное света,
Полночные сны исчезают бесследно
С безликими звездами: прохладными, свежими.
С мохнатыми розами, ветром обнеженными.
На белой бумаге – неловкий взмах кисти...
Осень – это всегда запах жёёных листьев,
Чуть горький, чуть терпкий, чуть кислый.

Я поймаю в ладонь кусочек прохладного солнца. Я открою все окна для вольных, степных сквозняков. И ко мне настроение утренних улиц ворвётся, Где с шуршанием город очнётся от сонных оков. А подъездная дверь, со скрипом цветного металла, Открывает мне новый, ничем не испорченный день. Крыша старого дома опять от дождя укрывала Неуклюжую стаю продрогших за ночь голубей.

Бездомные поезда. Слышатся, как всегда, обрывки фраз. Рельсы и провода. Свет одного фонаря. Свобода? Состав движется на восток. Тысячный раз. Всё по накатанной. Ему всё равно, какая погода... Сотни дорог, а подсказкой – лишь голос диспетчера. Выбрать не мог – неисправные есть семафоры. Он будет плыть и утром, и днём, и вечером. Слушая сказки и нелепые разговоры... Над словами, что, казалось, изо льда. Городских трамваев вереница Час назад уехала в депо. Этот город ещё долго будет сниться, И мерещиться все жители его. Тридцать первое. И августовский вечер. И предчувствие чего-то в облаках. Обвивает дрожью воздух плечи. Лето прячется в лимонных фонарях...

Вокруг тебя летают перья, слухи.
Ты слышишь возмущения и вздохи.
Среди немого хаоса, разрухи,
Руины нынешней и будущей эпохи.
Витает в воздухе и душит запах гари.
Перегорают лампочки и звёзды.
Ты выбираешь, словно на базаре,
Своё призвание, отечество, возможность...

Анастасія ДЯЧУК

16 лет

Кривой Рог

1 место (укр.)

Не бути дорослим. Не бути великим
Поетом, Співцем і Митцем,
Але не черпати ідеї безликі
Зі слів, які ллються дощем.

Не прагнути швидше, сильніше і вище,
Не чути важливих промов.
Не визнати, врешті, ні галас, ні тишу,
Ні списки безглузвих умов.

Та вірити в щастя і бачити зорі,
І знати: це світло – для нас.
Думки на папері сплітати прозорі
Без слів несвоїх, без прикрас.

Не стати Поэтом, Вождем і Пророком,
Складати не думи про сенс,
А слово до слова в думках ненароком.
Лиш бути собою. І все.

...І поки кризь біль у мені проростають слова,
Ти звично смієшся до того, хто поряд з тобою.
Зі слів вродять рими – то будуть багаті жнива.
Зі слів вродить правда, напоєна слізьми й журбою.

Слова забувають, пробуджені першим дощем,
Душа завесніє, оплетена хмелем любові,
Проб'ється відвертість несміло крізь холод і щем
І вродять рядки, ще нечувані, терпко-медові.

Та поки в мені розквітають весняні сади,
Вкриваючи цвітом усі несказанні зізнання,
До когось близького так ясно всміхаєшся ти,
А я пишу вірші про тебе. Щоразу – востаннє.

Ніжні шістнадцять. Юність твоя безкрая.
Вітер в думках – той самий, що у волоссі.
Дружиш «не з тими». Зайвих імен не знаєш.
П'єш лиш за те, щоб зрештою все збулося.

Потай від мами палиш галімі сіги,
Потай від себе мрієш про щось далеке,
Скаржися взимку, що забагато снігу,
Ниєш улітку, бо нестерпима спека.

Джинси і кроси – пофіг, що там морози.
Вперта відвертість, хоч і не сприйме згряя.
Ніжні шістнадцять. Пофіг на всі загрози.
Юність – безкрая. Як не дуркуй, не згаєш.

Ми не вернемось більш додому:
Того дому давно немає.
Час лишає тотальну втому,
Світлі спомини поглинає.

Час стирає сліди прозорі
На ґрунтових дорогах літа,
Де були ми бажанням хворі
І окремі від всього світу.

Де гуляли веселі й босі,
По садках чужих їли вишні,
В травах ранком збирали роси,
Час лишає нам пустку й тишу.

Час лишає усе позаду,
Лущить фарбу на стінах дому
І дерева старого саду
Тихо знищує по одному.

Шансів час не лиша нікому.
Тільки небо все те ж, безкрає.
Дім стоїть. Ми йдемо додому.
Тільки дому того немає.

Твій флот паперовий втопився у надто глибокій калюжі,
Ляльки мої сплять у куточку, не ковдрою вкриті, а пилом.
Не можна їх взяти з собою, хай навіть нам хочеться дуже.
Нести за плечима минуле ні в кого не вистачить сили.

Покірно лягають під ноги бруківка, асфальти і галька.
Ми будем співати про весни, ми будем підкорювать зими.
Хай тоне «Титанік» з паперу і солодко спить моя лялька,
Аж поки вже наша малеча не схоче побавитись ними.

Життя – лабіринти химерної форми.
У них не дієві прості алгоритми,
Тож часом руйнуєш встановлені норми,
Безжально збиваєш свої біоритми.
Вважаєш, для цього і слід бути юним.
Складаєш в кишені невистиглі мрії,
Підкорюєш гори, а то – лише дюни,
Що їх потім вітер південний розвіє.

Смакуєш кохання і першу розлуку.
Йдучи десь на пошуки сенсу і рими,
Береш тільки щастя і страх свій за руку,
Бо як не було б, а тобі – завжди з ними.

А влітку гайнемо до моря,
Покинувши пил цього міста,
Туди, де слова півпрозорі
І небо невтомно-барвисте.

Минемо кордони і брами,
Свій подив сховаєм у хвилі,
Губами, руками, думками
Сплетемося вкрай осмілілі.

Співатиме вітер заклично,
І ніжність плестиметься в коси,
Вода віддзеркалить у вічність
Ту мить, у якій все збулося.

Це буде наш акт непокори,
Зізнання в любові до світу.
Давай-но гайнемо до моря!
/Давай доживемо до літа/

Никита РЫЖИХ

16 лет

Херсон

2 место (рус.)

Рубает вереск при свече, вишь,
Двуглазый раб слепых господ,
А ты, как старенький Малевич,
Рисуешь тьмы сплошной оплот
Над полрой родиной ранимой
Словами, мыслями, пером,
И тризны ждёшь, святой, родимой,
Простонародной, с батогом...

Не пепел, а огонь, от прошлого оставив,
Я впопыхах живу, и мёрзну каждый день

В неистовом котле жестоких зимних правил,
Тихонечко кладу в костёр апрель...

Не пепел, а огонь, от прошлого оставив,
Встречаю новый день в искусственном тепле...

Быть может, солнца луч напрасен и коварен,
И я напрасен также на земле...

Не пепел, а огонь... Не рифмы – ассонансы...
Не мудрость – слепота... Не жизнь – извечный бег...

Весна идёт давно. Она уйдёт однажды...

Однажды я уйду...
А, может, нет?..

В пространстве циркуляция потока
пугает и влечёт, лишая сна.
Я слышу странный шум, зеницей ока
случайно замечаю облик дна.

Нет, он не страшен, он прозрачно – чётко.
Лицо Творца – быть может, дна лицо?
В тела границ слои сырых решёток
вплетаются под крики праотцов.

Но крики не слышны. Живых мир отделяет
от мира мёртвых некая стена.
Деды кричат и призраком сияют
в пространстве, где искрится облик дна...

Но что на дне? – Бездонность, неизбежность,
и много прочих «без», и много прочих «не»,
наверное, во тьме играют в вечность,
бессмертием пылая в тишине...

Пока лечилась покалечилась
Считать мгновенья нужно с вечера
Ведь утром всё такое гадкое
И кони плавают с догадками
И скачут рыбы с хоботищами
И ищут дол планеты нищие

Пока лечилась заикарилась
Жена советская у барина

Мария ПАНОВА

17 лет

Київ

2 место (укр.)

МІСТИЧНЕ ТРАКТУВАННЯ ЛІТЕРАТУРИ

Каштан обіймає самотній ліхтар,
Що теплим промінням зворушує стежку,
Повітря вечірнє, неначе нектар
Вбирається швидко в зіркові сережки.
Хоч місто, живе тут велика сова,
З очицями, повними смутку й металу,
Вмирають красиві й доречні слова,
Складаючи кров'ю смарагди-кристали.
Нема тут ні відьом, ні чорних котів,
Лише таємнича цупка атмосфера...
Усе, що письменник сказати хотів,
Летить у ядро до безмежної сфери.
Немає матерії, усе – лиш умовність,
Змальована віршами вражень віків.
Сова і каштан – то найбільша коштовність,
Ліхтар – провідник до світів авторів.
Існує тут все, варто тільки збудити
Сміливістю думки й очима з вогню,
Збиваючи руки, творити й творити,
І, може, почує хтось пісню твою.
Сова стрепенеться і враз защебече,
Каштан ворухитиме листячком в такт,
Прокинеться злякано зоряний вечір
І піде з поетом новим на контакт...

ШПАЛЕРИ

Щодня о восьмій ти все ремонтуєш,
Складаючи шпалери біля стінки.
Неначе реостат старий шунтуєш,
Не маючи до фізики інстинкту.

Шпалери часто-часто проkliнаєш,
Бо люблять розповзатися від клею.
Зізнайся, друже, досвіду не маєш,
Не віриш у досягнення трофею.
Стіна не тільки має хитрі вуха,
Вона ще вміє часто насміхатись!
От тільки ти не завжди її слухай,
Бо ще й, боронь Господь, почнеш боятись.
Тож їдь до «Епіцентру» по шпалери!
І не забудь проглянути інструкцію,
Хоча нудними є такі папери,
Потрібно ж подолати цю деструкцію.
Ремонт, звичайно, поетичний символ,
І стіни означають нам життя...
Хай моє слово подарує тобі силу
Довести стан шпалерів до пуття!

ГІТАРИЗМ

Подряпані руки, відсутня чутливість,
Роздерті тканини, багряна розтяжка,
Остання струна, споконвічна сміливість,
Чекає сапфірів футлярева пряжка.
Акорди на пальцях, природна тональність,
Розкидані ноти складаються в сни,
Сформована вчасно музична ментальність,
В сюжеті балади – мрії і ти.
Діагноз – це музика. Парадоксально.
Симптоми ліричні. Ліків нема.
Мелодія – чесно. І часом скандально.
Мелодія – всесвіт. І трішечки я.

ПАПЕРОВА КВІТКА

За вікном божеволіє світ,
Скоро лусне реальності нитка.
А в квартирі весняний привіт
Струменить з паперової квітки.

В найлютіший ментальний мороз
Цей маленький шматочок паперу,
Теплий мій чарівник-віртуоз
Зачиняє поганому двері.
Звідки ж в мене така дивина?
Це – дарунок малої дитини.
Вмить з душі полетіла зима,
Як торкнулась маленької сили.
Звісно, квітка – маленька деталь,
Лиш краплинка в безмежному морі,
Хоч тендітна, неначе кришталь,
Здатна вітром розносити гори!

МІНІМУМ ДЕСЯТЬ ПРИЧИН

Перша причина творити
Ледь не збила мене з ніг в коридорі.
Друга причина творити
Щось читає по той бік монітору.
Третя причина творити
Воює за правду на фронті.
Четверта причина творити
З сонцем жив в горизонті.
П'ята причина творити
Щебече в бузку фіолетовім.
Шоста причина творити
З головою пливе в хеві-металі.
Сьома причина творити
Думки в голові переплутала.
Восьма причина творити
Хмаринками спогадів вкутала.
Дев'ята причина творити –
Найнестерпніший світ байдужості.
Десята причина творити –
Залізні тенета дружності.

Галина ЗОЛОТУХИНА

17 лет

Донецкая обл., Константиновка

2 место (билингва)

ПРОСТО О СЛОЖНОМ

На глянцево́м небе́ разверзлась дождливая пропасть,
Фонари замигали от ветра мятно-осеннего,
И какая-то дама вновь сморозила глупость,
Ни к чему процитировав модные строки Есенина.
И горели в камине шершавые письма бумажные,
И горели там книги, что пахли старинной эпохой.
Красовались в шкафу позолоченном шубы валяжные,
На страницах горящих писатели плакали вздохами.
И допив весь коньяк, осквернив все вселенские сущности,
Люди в храм собрались, только Бога забыли нечаянно,
И набрав с собой свечек, побольше платочков и ушлости,
Люди в церковь стучатся и рвутся к иконам отчаянно.
А потом и в пещеры вернутся все с чистою совестью,
Потолкаться пришлось у икон, ну а что – мода требует;
Ухмыльнувшись лукаво, ведущий придумал всем новости,
Слишком много лапши в его супе, да пусть: вместо хлеба нам.
Снова серое тело толпы носит Prada на улицах,
Но в душе, уж уввы, секонд-хенд здесь у каждого пятого.
Среди массы людей, что в витрины собою любят,ся,
Единицы взглянут обречённо: им жалко Распятого.
За кого все мученья? Вон мода – пастух замечательный.
Стадо слушает, чтит и пасётся под дудку фальшивую.
Может быть, среди них дурачок затерялся мечтательный,
Но столетие быстро задушит в нём душу крикливую.
И однажды в толпе кто-то пламя зажжёт человечности,
В нём, возможно, кому-то свобода и искренность грезятся.
Среди взглядов пустых горожан затерялась часть вечности,
Это был человек, что горел, но светил ярче месяца.

ОЛЕКСА ТИХИЙ

Там, де кінчається небо і починається Всесвіт,
Там, де немає суничного присмаку Франції,
Жив цей простий чарівник, який звався Олексою,
Серед людей, що ховались від бою у шанці.
Там, де він жив, і не пахло багатством і розкішшю,
Вся ця країна була, мов зруйнована мрія.
По неосяжних степах чужий вітер блукав – та це поки що.
Поки в тонких пелюшках прокидалась надія,
Поки в іскристих очах, що сльозами налилися,
Вся Україна жила й небеса поміщалися,
А замість мультиків добрих всі діти дивилися
Дядечок, сірих, екранних, що вміло знущалися.
Дивно, по-справжньому дивно, яка ж бо ми нація...
Навіть один чоловік не здається, а бореться!
Хай невідома нам пишність, врочистість і грація,
Хоч вона є у очах тої жінки, що молиться.
Смерть – це не боляче, боляче жити небіжчиком,
Тихо ковтати свій хліб, заховавшись від поглядів,
Пісеньку рідну згадать й почуватися грішником,
Мовчки вбивати думки калинові імперським світоглядом.
Страшно, що є оболонка, та пусто всередині,
Звідти давно солов'ї улетіли налякані,
Там, у душі, де були ще колись храми зведені,
Мальви криваві покрилися темною мрякою.
Тихий з життям, що гриміло кайданами й ґратами,
Просто людина? Та ні, він хтось більший поривами.
Мабуть, це дух, що породжений міццю та зрадами,
Той, що спустився на землю з зимовими зливами.
Та хіба мальви не квітнуть на ґрунті вугільному?
Квітнуть – повір, й соловейко в гілках десь ховається.
Тихий, що гучно боровся й лишився невірником.
Той, перед ким не одна ще людина покається.

Вірші сходять з порогів, оббитих думками гарячими,
Сходять майже нечутно, а потім кричать надриваючись,
Очі віршів такі, що боялись завжди і незрячі їх,
Пригадають рядки в самоті собі, подумки каючись.
Отак глянеш на вулицю: дощ – і зачиниш квартирки всі,
А в сусіднім будинку хтось з крапель натхненням впивається,
Ну, погодься, чарує натхнення, що близьке до дикості.
Саме в наш сухий вік слово сенсом інакшим вмивається.
Певно, можеш ти бути хоч «тищу разів незавісним»,
І сміятись з глибоких рядків, що прозвав ти плаксивими,
У наш час, модно-бридкий, лиш ті пишуть справжнє белісімо,
Що послухались Ліну – і стали «взаємно красивими».
Зараз «рвати кайдани» не дуже у тренді, набридло це,
Все рвемо та рвемо: таке хобі дістали від пращурів.
Замість напою з меду й води, що всі радять натщесерце,
Погортай запашні сторінки – і миттєво покращає.
І якщо на морозі вдихнеш ти повітря легеньми,
І відчуєш себе дивовижно новим, як у березні,
То тоді, певно, зможеш прочути всім болем й мігреньми,
Ті рядки, що творяться від сліз, проте роблять щасливими.
Можна безліч разів об заклад з усім Всесвітом битися,
І убити всі зорі в очах, і всі вірші покряти,
Проте доки в судинах не кров, а душа буде литися,
Буде жити у вас щось велике, а що – самі знаєте.

КРАЇНА ЖИВЕ В НАС

Пульсує кров; в руках – шматочок України:
Чи мальви то, чи соняшник, чи колос,
Пиріг бабусин, чи гілля калини,
Чи то співучий солов'їний голос?

Це не важливо. Головне: я чую запах,
Я знаю те, як пахне Україна,
Бо навіть від травинки в звіра лапах
Усе одно щось рідне таке лине.

Я знаю те, як пахне Україна.
Чи хлібом, чи полями, чи ріллею,
Чи косами й квітками конюшини
А чи твердою, вбитою землею?

Я чую скрізь на дотик Україну.
В руках затвердлх, в листі, що опало,
В старечій і напівпустій корзині,
В дорогах, на яких країна впала.

Я бачу скрізь, у всьому Україну.
В жалобі жінки і жорстоких зрадах,
В усьому, що до болю жовто-синє,
У божевільних вигуках громади.

Не бачу тільки в людях України:
Ні в тих, хто гордо патріотом зветься,
Ні в тих, хто топче з відчаю калину,
Ні в тих, хто комусь іншому клянеться.

Я бачу тільки тінь від України,
Тих днів, коли кричали всі: «Пишаюсь!»
Деся загубили душу у руїнах,
Ті люди, що забули слово «каюсь».

Пульсує кров; у тілі Україна
І тихо б'ється серце у землі.
...Пиріг бабусин і гілля калини
Несуть роки на зламанім крилі.

Натовп волає чорними фразами,
Я йду по хмарах, бо чоботи викрали,
На N-ому поверсі жінка образами
Упилась мужчинці у шию, як іклами.
Політик свій смокінг маскує під хакі
І чорну краватку надів для трагічності.
А я йду туди, де зимують всі раки,
Щоб хоч би мізинцем торкнутися вічності.
І сонце кудряве із кислою міною
Окинуло натовп обуреним поглядом.
Сказало: «Та хай вони йдуть всі... долиною!
Із власними примхами й псевдосвітоглядом!»
Й скотилося сонце у рідну Японію,
І місяць тепер став як лампа настільна.
Старий мій котяра стрибає в агонії,
Мені трохи краще: я став божевільним.
На N-ому поверсі тітка все лається.
Купив я еклерів, бо хліб – якось дорого.
В очиськах пустих отой натовп ввижається.
Що вкрав моє сонце. І став моїм ворогом.

Анастасия ДЕНИСЕНКО
16 лет
Донецкая обл. г. Волноваха

Лауреат (бilingва)

птахи в мені розлетілись на схід і захід.
на шкірі з'явилися дотики твого неба.
не хочеш зіграти зі мною в життєві шахи?
я точно знаю всі переможні схеми.

журба вдягнула свій найчорніший колір.
в моєму серці знову не кров, а хаос.
мені потрібно ремонтувати сходи,
що приведуть до моря твоєї правди.

сьогодні вітер в мені не такий, як вчора.
він розриває, шматує душевне листя.
не вистачає сил підніматись вгору,
вбираючи в себе поламаність злого міста.

птахи в мені вертаються знов додому.
журба вдягнула прозорість нічного неба.
і не важливо скільки мине потому,
коли невдовзі я доторкнусь до тебе.

я три года бегу от ветра,
сквозь перроны и километры,
оставляя столичный центр.
за спиной зашумел трамвай.

стёрты в кровь и мозоли ноги,
по рукам пробежали токи,
в одиночестве и тревоге,
я сжигаю свою печаль.

я бегу, оставляя цели,
находясь под стальным прицелом,
поглощаю себя всецело,
оставляя вдали причал.

ветер мне задувает в спину,
и под ноги бросает мины,
заражает меня ангиной,
в душу резко воткнув кинжал.

мне бежать не хватает силы,
я, себя оставляя миру,
вдруг запнусь и вздохну уныло,
возвращая ветрам долги.

я на паузу жму тревоги,
превращаюсь тихонько в море,
в тёплый дождь окуная ноги,
с них смываю свои шаги.

моё бегство осталось в прошлом,
и, наверное, чёрной кошкой
побежало по той дорожке,
где когда-то бежала я.

я не верю, что я свободна,
я крылом рассекаю волны,
каждый вечер ныряю в воду,
оставляя ей всю печаль.

иногда мне всё также снится,
как бегу, превращаясь в птицу,
как из ног достаю я спицы,
что подбросил мне ветер вдруг.

я бегу, убегаю, гибну,
капли пота и кровь, ангина,
под ногами стальная мина
и пронзительный ветра звук.

я под утро проснусь, услышав,
как мой мир полной грудью дышит,
и как в ветреном бегстве выжив,
он вдруг счастья услышит стук.

я жива, я вдыхаю воздух,
я спокойно смотрю на звёзды,
никуда не бегу и просто
оживаю от мира рук.

весна, я люблю,
ты же знаешь, навеки.
весна, я с тобой,
я с тобой навсегда.

и даже когда опускаются веки,
и даже когда не стучат поезда.

весна, я, наверно,
не в силах покинуть,
не в силах оставить
тебя в пустоте.

и даже когда нож врезается в спину,
и даже когда не бывать теплоте.

весна, я не жажду,
не жажду ответа.
весна, я не верю,
что ты будешь здесь.

я просто хочу с тобой видеть рассветы,
я просто хочу с тобой верить и петь.

весна, ты меня
не захочешь увидеть.
весна, я с тобой,
я с тобой под крылом.

но если меня пожелаешь услышать,
неистово крикни: «ну где ты, тепло?»

начать не сложно – сложно ступить назад,
когда вокруг все только твердят «провалишь»,
когда единственный, самый последний раз
нужно уйти, развернуться и двинуть дальше.

молчать не сложно – сложно сказать «я здесь»,
даже когда нет сил прикоснуться словом,
даже когда желаний твоих не счесть,
или когда нет сил обратиться к Богу.

выйти не сложно – сложно прийти туда,
где по-наивному верят и вечно ждут,
где так захочется снова закрыть глаза,
где каждый встречный будто кричит «я тут».

верить не сложно – сложно опять лечить
всё, что годами щиплет и кровоточит.
ведь иногда так нужно уметь забыть...
просто забыть и поставить курсивом точку.

я хочу автостопом по Европе.
я хочу в Люксембург и Ниццу,
и чтоб вечером по дороге
мы с тобой покупали пиццу.

я хочу проезжать заправки
и из термоса пить маккофе,
чтоб на сердце опять заплатка,
а в душе – только мысль о море.

я хочу перекраситься в рыжий
и хочу наплевать на планы,
чтоб себя из себя не выжить,
чтоб заклеить дорогой раны.

я хочу пошагать по миру
и хочу погулять по странам.
чтоб кроссовки порвались в Риме,
а затем заблудиться в Каннах.

я хочу, чтоб мой дом – дорога
и любимые люди рядом.
чтоб стихов рифмовалось много,
на машине объехав Запад.

я хочу просто брать и ехать,
просто брать и срывать дальше.
чтоб вся жизнь наполнялась смехом
и как можно поменьше фальши.

я хочу автостопом по миру,
чтоб уехать и там остаться.
а потом написать свою книгу
и с дорогой в одно срастаться.

я хочу всё увидеть, о Боже,
я хочу доезжать до края.
чтоб мурашки по тонкой коже
и дорога... уже родная.

я пишу тебе, моя милая, милая Полли.
я пишу обо всем, что хотелось бы рассказать.
не буду скрывать – с каждым днём всё сильнее боли
и порой не хватает сил застелить кровать.

я всё также встаю очень рано, почти в четыре.
(скорее, от боли в спине, что не даст заснуть)
знаешь, милая Полли, я хотел показаться сильным,
но, наверное, я не увижу твою весну.

доктор вновь говорит, что пути уже нет обратно,
с каждым разом становиться хуже и всё страшней.
Полли, милая, здесь без шуток – я будто ватный
и внутри вместо сердца горстка больных камней.

и во сне я порою вижу тебя с цветами.
я вижу, как мы встречаемся и живём.
просто жаль, что я не смогу прилететь с ветрами.
просто жаль, что мы не останемся здесь вдвоём.

Полли, милая, боль подступила к горлу.
ручка в руке дрожит, размывает слог.
я умоляю, отправь мне частичку дома.
я совсем позабыл, как выглядит наш порог.

вероятно, на этом всё, моя милая, милая Полли.
в твоей жизни всё будет так, каким быть должно.
я расправляю крылья (уже без боли).
ты, пожалуйста, жди – я с утра постучусь в окно.

скоро придётся снова идти домой.
скоро придётся снова носить плащи.
я никогда не смогу обрести покой,
если внутри меня будут лить дожди.

скоро придётся снова менять замок.
скоро придётся вновь уходить в себя.
если однажды ты прокричишь «я смог!»,
то, вероятно, ты отпустил меня.

скоро придётся вспомнить, как дальше жить.
скоро придётся в тысячный раз писать,
что якобы больше нет смысла быть,
и будто бы нет больше силы ждать.

скоро придётся дать тебе ключ от звёзд.
скоро придётся вновь отходить назад.
северный ветер на крыльях тебя принёс,
чтоб ты увидел, как я лечу в закат.

НОМИНАЦИЯ «КРЫЛЬЯ ГАНИМЕДА»

Евфросиния КАПУСТИНА

21 год

Санкт-Петербург

1 место (рус.)

КОСТОЧКИ

Мальчик глотает косточки, слопал их полгорсти:
«Яблоньки, сливы, вишенки будут во мне расти».
Щедро запил водицею – будет фруктовый сад,
Коник – сухая палочка скачет за палисад.

Мальчик в рубашке новенькой чинно заходит в класс,
Учит уроки затемно. Холодно. Свет погас.
Сад прорастает медленно. Только бы не простыл –
Чаще молчащий, Ванечка кажется всем простым.

Спят по тетрадам веточки будущих птичьих гнёзд.
Маме тревожно: «Сынушка, это же не всерьёз?»
Ваня смущённо супится, прячет в карман эскиз.
Папа всё шутит: «Полноте! Было б... Чего закис?»

Мальчик глотает озеро – хочет вместить весь мир.
Время шуршит колёсами. Сел, как влитой, мундир.
Плачут в дому родители, ждут за письмом письма.
Пенною брагой вишенья льётся в окно весна.

Где-то в степной окраине вырос фруктовый сад.
Дома молчат – мальчишечка тот не пришёл назад.
Сад по весне невестится, осенью жжёт костры –
Мальчик, глотавший косточки, не был таким простым.

Я ЗВУЧУ

Я звучу. Тишиной и песнями,
Ветром солнечным меж колосьев,
Но в границах листа мне тесно и
По дорожному двухполосью

Я бреду. Иван-чая семенем
До сгоревших по лету сосен –
Оживлять. Замерев во времени
Голубой акварелью вёсен,

Я звучу. Полевыми ливнями
Моем небо рожок пастуший,
Прячет вечер закат под ивами.
Я – звучу. Приходи, послушай.

Я с сумашединкой чуть, ты прав.
Мне дом – ковыли да степь.
Венок из жёлтых резных купав
Спешу поносить успеть.

Штрихует дождь полотно дорог,
Ведущих в небесный скит.
Я – скоморох, пилигрим, игрок,
Калитки окольной скрип.

Веснеет небо, шумит гроза –
Я странник твоих путей.
Засохшим мятликом – к образам:
«Укрой, защити, согрей».

Уходит в осень звезда полей,
Рвёт ветер шифонный снег.
Льёт год в лампаду меня елей –
Гореть – не сгореть вовек.

Я стану в ступе закат толочь –
Всю горечь его нутра.
И выйду вновь в огневую ночь
Без права ждать до утра.

День прорастает. Вишней цветёт восток.
Нам на двоих – рассвет. Погуляем садом.
Город врастает в небо, снеся осаду.
Солнце бежит по лесенкам окон-строк.

День прорастает. С новым, своим лицом.
Нам – два угла обзора на общей карте.
Птицы расселись в ноты – и вновь, как в марте,
Новых мелодий можно событь творцом.

День прорастает. Медленно, как и всё.
Город сползает бусиной в нити мира.
Свиток Пути надорван, дождями стиран –
Мы поднимаем бережно и несём.

День прорастает. Мир – поднебесный храм.
Сад плодоносит. Соком алеют вишни.
Ночь уползает – чем-то чужим и лишним.
Молча молиться... Солнце – навстречу нам.

ВЕСЕННЕЕ

*«Я знаю, зачем иду по земле.
Мне будет легко улетать»
А. Башлачёв*

Бродяга-апрель читает стихи,
листает блокноты лиц.
Впрядаются в ткань – светлы и тихи –
стихиры Страстных седмиц.

Весне будешь люб – печатью в ладонь
тотчас прилетит капель.
Чернеет земля, светлеет фелонь
и небо тебе – купель.

А солнце-дитя, забившись в карниз,
глядит в глубину двора.
Ты тоже глядишь и падаешь вниз,
услышав от птиц: «Пора!»

Но смертию смерть поправшая, жизнь
пробьёт стебельком бетон.
Нас небо зовёт. Взлетаем, держись.
Ножом по глазам фотон.

Звенит синевой остаточный снег,
Скрывая от всех цветы.
Апрельская звень. Стартует забег –
В команде лишь свет и ты.

ИВАНЫ

Бредут по степным дорогам,
Вдоль рек – за верстой версту.
Пройдохи? Пророки? С Богом,
Идут к своему кресту.

И имя им всем едино,
Простое, как их глаза –
Иваны проходят мимо,
Туда, где шумит гроза.

Дождями кафтан застиран,
Залатан засохшим льном.
Иваны идут по миру,
Шатаясь порой хмельно.

Молясь придорожным соснам,
Склоняясь к лесным ручьям,
С Иванами ходят вёсны
И солнце – сумой к плечам.

Кушак, да лохматый ватник
И крест: «Сохрани, спаси»...
Иваны, Ванятки, Вани
Идут по Святой Руси.

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

Путь долог – к Вифлеему от звезды
Спешат верблюды по камням пустыни.
Костёр погас, истлел и воздух стынет,
А кони ждут, не требуя узды.

Спит Палестина. Веря вязи книг,
Несут волхвы дары: ливан и смирну,
И золото. А в поле, к травам сникнув,
Простой пастух зрит светлый чистый Лик.

Но здесь январь. И кружится метель,
Укутав ель, примолкнувшую сиро.
На ветках иней замирает сиво,
Мороз в висках, на окнах – канитель.

Хрустят шаги. И сосенки везут.
Седые мужики – ну, право – дети!
В рождественном восторге междометий
Мальчонка на окошке ждёт звезду.

Ольга СТАСЮК

20 лет

Львов

1 место (укр.)

ЧОТИРИСТА КІЛОМЕТРІВ

Коли вечір вдягає місто у темні светри,
Коли місяць пливе по зірках, як крилатий човен,
І між нами стоїть чотириста кілометрів,
Чорні тіні із стін огортають мене, як повинь.

Хай ця повинь затопить мене і зупинить врешті,
Щоби я все забула – принаймні нестерпну втому, –
Щоб порвала блокноти на білі – тобі! – депеші,
Раптом дивом якимсь опинилась у себе вдома.

А вже там, поміж яблунь і жовтих зірок на злеті,
Там, де ліс постає мені зашморгом сіро-звивистим,
Що найбільше між нами стоятиме п'ять кілометрів,
Які, жаль, відчуватимуться
На чотириста.

МІЛЕДІ

Лапатий сніг кудойвиться
На залізничній станції,
На залізничній станції
Заплутує сліди.
Гасконцю, я – Міледі, тож
Шукай свою Констанцію,
Шукай свою Констанцію,
І хоч її – люби.
Над нами шпилі храмові стають німими щоглами,
Від вітру нашорошені, очікують вітрил...
Міледі так прощаються –

З очима ледь вологими,
Із посмішкою гордою,
З плащем на місці крил.
Миледі так прощаються –
На залізничних станціях,
Легкий цілунок-насмішку
Пускають із руки.
Гасконцю, світ непевний, тож
Шукай свою Констанцію,
Шукай свою Констанцію,
І хоч її – люби.

ЗИМА НА ЛИМАНІ

Далекий мій,
Колись найближчий, друже!
Надворі дощ. Півсутінки. Зима.
Приходжу від людей чимраз недужа,
Чимраз байдужа і чимраз сама.
Вітри свистять, як древні ятагани.
Скрегоче льодом в берегах лиман.
О ти, котрого хоч тули до рани, –
Якби ти знав, як зчерствіла від ран!
Одна в хатині – холодно і пусто,
Пишу листи – хіба пошлють вітри.
Зайці стрибали.
Винесла капусти.
Не лиш мені так тоскно від зими.

ВАР'ЯТКА-ОСІНЬ

Поля вагітні важкими зернами,
Штормів лякаються дикі пристані.
Кохання люди здають екстернами,
Давно закохуються на відстані.

Вже люди спрагли цієї осені,
Вже клени золотом закосичені,
І ліс крилатий у небо просить ся,
Навік з Ведмедицею повінчаний.

А люди, стомлені над прогресами,
Здавалось, зовсім без снів і голосу,
Ще ходять ввечері десь над плесами
І обіцяють зірки із космосу.

Із гороскопів беруть пропорції,
Зізнання сиплять тремкі, сполохані,
А осінь зводить на пік емоції,
Вар'ятка-осінь усіх захоує.

СІРООКИЙ ВІКІНГ

Де злилися ріки,
Де не сяде птах,
Бродить юний вікінг
З моїх древніх саг.
Де гранітні злами
Огортає мла,
Доторкнув вустами
До його чола.
У тумані гори –
Наче в молоді.
Скрамасакс від крові
Змию у ріці.
Хижий птах із висі
З вітром лине вниз.
Чи життів напився
Дерев'яний спис?..
Ген на луці – ліки,
Щоб здолати жар.
Спи, мій юний вікінг,
Під склепінням хмар.

Як цілющий трунок
Дасть у тіло міць,
Відпушу цілунком
До морських границь.
Повертайсь, як тільки
Скучиш в тих морях –
Сіроокий вікінг,
Волелюбний птах.

ЛЮДИНА-КАМІНЬ

Колись Людина підкорила камінь.
Тепер каміння стримує її.
Вокзал.
Перон.
Квітнева ніч остання
Зникає у густій міській імлі.
Квітневій ночі, може, і байдуже.
Піде собі під синяву Карпат,
А замкнені, здерев'янілі душі
В тумані міста мучаться й мовчать.
Їм ці міста так само остогидли,
Але чомусь бояться утекти.
Знов на ніч вимикають штучне світло,
Лягають й каменіють на віки...

Софья ВАХНИНА
Москва
22 года

2 место (рус.)

На семи ветрах опять
Стоять –
Холодно!
Зубы заговаривать
Самой себе, раны залечивать,
Вновь не ко двору – делать нечего,
Да и не сделаешь ничего!
Солнцу не век светить, быть и вечеру..
А тебе – что? За пояс заткнул и – пошёл!
А потом снова всё хорошо?
Э, нет, милый, днём с огнём не сыщешь!
«Ах, гордая ты? Ну, и ходи нищей!»
Узнают всё. На чужой роток
Не накинешь платок,
Хоть разбейся в лепешку!
Вот она – дорожка,
Кривая, прямая...
Но никто не знает,
Что не гордая я, просто вышел срок,
А нами опять не усвоен урок:
Будь ты хоть семи пядей во лбу,
А судить не имеешь права!
А тебе судить – забава!
А мне – зарубить себе на носу,
Какого бы ни был нрава,
А чуть что не по нраву –
Так говорить, не жалеючи,
Что бы там в жизни ни было!

Человеком быть –
Не волком выть,
Сложно! А жалеть нельзя.
Жалость людей убивает.

Отмерены счастливые часы,
Когда ты всё вокруг благословляешь:
Звучание разбитых старых клавиш,
Стаккато ног по комнате босых.

Когда идёшь в толпу, где недосып,
Где каждый взгляд и хмур и отравляющ,
Но за любую мелочь прославляешь
Творца: за шум берёз, за то, что сыт!

Такое чувство озаряет редко.
Но вдруг придёт – и радостно и просто
Мне станет жить, весь мир вокруг любя!

Ещё давно открыли наши предки,
Что благодарность – самый верный способ
Смотреть на жизнь и на самих себя.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВЕСНЫ

Чуть Рождество успели отгулять,
Ещё январь морозит напоследок,
А вот уже лежать под снежным пледом
Не хочется проснувшимся полям.

И птицы малой терцией «до – ля»
Защебетали в нынешнюю среду,
Предчувствуя весеннюю победу
И зиму о прощении моля

За то, что рады люди променять
На грязь и слякоть зимнее веселье.
И я люблю ждать признаков весенних!
«Весной я болен» – то не про меня.

Здесь всё о ней: и смех ручьёв лесных,
Заплаканные, талые сугробы...
Февральский дождь ещё пуглив и робок,
Но воздух полон близостью весны!

И разлилось томление в груди,
Напомнив то, что было позабыто.
О, как люблю я этот чувств избыток,
Когда весна мерцает впереди.

ПОСЛЕ ЭКЗАМЕНОВ

Ленивый полуденный воздух,
На улицах нет ни души.
Неужто вы это серьёзно?
Мне некуда больше спешить?

Могу я секунды потратить,
Минуты и даже часы,
Чтоб нежиться в лёгоньком платье
Под солнечным ливнем косым.

А можно в тени на скамейке
Блаженствовать с книгой в руках.
Меня вы тревожить не смейте!
Я слышу, как сумрачный страх,

Бессонные ночи, заботы
Уносит берёзовый шум.
Сегодня настала суббота.
И я никуда не спешу.

В ХРАМЕ

Закрылась дверь за мной неслышно.
И тут же ласково окутал
Незримый воздух службы пышной,
Такой знакомый и родной.
Пусть в этом храме я впервые,
Но всё узнала за минуту,
Всё те же образы живые
И наслажденье тишиной.

Мне вспомнилась другая церковь –
Я – девочка, в платочке белом,
Ждала рождественских концертов,
Где знала всех, и все – меня.
Я далеко теперь от дома.
И в храм чужой вошла несмело,
Но удивилась, как знакомо
Старушка, резво семеня,

С подсвечников снимает копоть.
И свет в пылице летит потоком
На солею, на круглый локоть
Марии Девы с Царских врат...
Я успокаиваюсь, помня,
Что нахожусь под Божьим оком –
Мысль, что сознание заполнит
Собой от утра до утра.

Как хорошо с Тобою, Боже!
Благодаренье, что сподобил
Мне чудо знать. А то кого же
Я ощущала бы всегда:
И в гулком звоне колоколен,
И там, где путь мой неудобен,
Мне дух смятенный дерзок, волен...
И здесь, где истина седа.

Вдохновение в отпуске с декабря.
Невозможно век ему не стихать.
Звёзды снег нетронутый серебрят –
Но об этом не было ни стиха.

А ведь мне так нравится зимний лес:
На холодном солнце играет снег.
Как же ослепителен этот блеск –
Ни конца, ни края нет белизне!

У зимы в погожий морозный день
Есть совсем особая тишина:
Аж звенит в замёрзшей за ночь воде,
Словно шлёт послание свыше нам.

Мне хотелось всё это описать
И зиме портрет её принести.
Но теплом повеяло в небесах
И холодный ветер меняет стиль.

Под окном чирикает воробей
Непреклонно мысли летят вперёд.
Ледяные образы всё слабей –
Я верну их, верь же мне, через год!

А теперь прости, зима... Тает снег.
Я надену скоро пальто и снуд.
С каждым днём звучит во мне всё ясней
Новый стих, но он уже про весну.

Летом пасмурным научены
Солнцем редким дорожить.
Обложилось небо тучами
И дождями ворожит.

Лето, где твоё пристанище?
Возвратись к нам, пожалей!
Я забыла, как дурманяще
Пахнет клевер на жаре.

Весь июнь с утра до полночи
Ливень бился о стекло.
А в июле стало солнечно
И как будто бы тепло!

Спутан солнечными нитями,
Клевер к ландышу приник.
Я так остро и волнительно
Проживаю каждый миг.

В первый раз как будто вижу я
Утомлённый солнцем луг
И большую, чёрно-рыжую,
Бархатистую пчелу...

ЕСТЬ ТОЛЬКО МИГ

По жизни многотомной
Идёт одна сквозная –
Я прошлого не помню,
О будущем не знаю.

Сегодня осень правит –
Нет ничего милее,
Чем в золотой оправе
Холодные аллеи.

Как служба приказная –
Что кроме листьев томных
Я ничего не знаю
И ничего не помню.

Так захотел наш Автор,
Так по руке Господней,
Что не бывает завтра,
Есть в жизни лишь сегодня.

А в этот миг сквозная
Полна осенней вестью.
Одно наверно знаю:
Там хорошо, где есть я.

Звезды с неба не падают просто так,
Чудеса не случаются просто вдруг.
Ты для них или трудишься, как батрак
Или это аванс за грядущий труд.

Потому что не можем мы дорожить
Тем, что было получено без труда.
Чтобы что-то забрать, прежде положи.
Это было, и будет, и есть – всегда.

Ты не злишь, не завидуй и не смотри –
За удачу свою я плачу с лихвой.
Ты не знаешь, как плакала до зари,
Как не слышала голос усталый свой.

Не смотри, не завидуй, не замеряй,
Сколько, что, для кого, кто, когда и где.
Помнишь, Бог и разбойника принял в рай?
Почему? Но решать это не тебе.

Правда в том, что на тысячи человек
У Него нет единой шкалы заслуг.
Мера каждому есть. И пребудет в век.
Чудеса не случаются просто вдруг.

Марина БЕЛЯВЦЕВА

22 года

Николаев

2 место (рус.)

СУМАСШЕДШИЙ

Ещё рывок – и мой будильник замер,
И я, спросонок, выгнулся в дугу,
Заходит доктор, с птичьими глазами,
Которого я видеть не могу.
Ощупал пульс, как толстый гриф гитары,
За маской пряча искривлённый рот
«Есть жалобы?»
– «На взрывы, на пожары.
Особенно на те, что в Новый Год.
Опять вздохнёт, который раз в неделю,
Пропишет мелким почерком в тетрадь
«Не болен я! Не вымучен, а верю,
Что люди не умеют умирать»
Ему казалось – это просто шутка
Опять болтает, Бог невесть зачем
«Да вы, милоч, подвинулись рассудком,
От мыслей в солиптическом ключе»
И дочь моя – святая недотрога,
Меж «Где бы денег взять?» и «Что надеть?»
Спросила как-то, мол: «Ты веришь в Бога?»
Я отмолчался. Я не верю в смерть
Я вижу корень. Цепкими руками
Протянется до самой глубины
Я точно знаю, смерти не бывает,
Как сна и третьей мировой войны
Меня кормили вражеской микстурой,
Мне опротивел вражеский настой
Не отрекусь, я верю всей натурой,
Как Бруно, как Коперник, как герой,

Вот на моей кровати, под подушкой
Святая книга, многолетний труд
Что говорит, что все людские души
Однажды и навеки оживут.
А я не болен, я не обессилен
Я буду жить. И верить. День за днём
Что смерть – не неизбежность, а насилье
Уже приговорённое судом
Придёт свобода от смертей и фобий,
Они пройдут, как полная луна,
И с миллионов каменных надгробий
Изглядятся родные имена.
И всякий раз, проламывая память
Я вслушиваюсь в эту тишину,
Вообразив, что так вот, вместе с вами,
Я вижу вновь покойную жену
И я себя от этого виденья
Не осеню, испуганно, крестом...»
Тут доктор, отказавшись от лечения,
Сказал, без маски, искривлённым ртом:
«Вас нужно изолировать. На время.
Самой идеи нет тому вины,
А только, если каждый будет верить,
То доктора им будут не нужны»

НАД ЕРШАЛАИМОМ ДОЖДЬ

Над Ершалаимом дождь
Дороги, как в ночь, пусты
Во сне иудейский вождь
Сжимает свои персты.

И кажется: он один
Пред теми, кто был убит,
Безжалостный господин
Теряет свой меч и щит.

Его норовят схватить,
Желанная ждет их мзда...
Испуганный всадник спит
И громко зовёт Христа

«Ты можешь меня спасти,
Твой склеп оказался пуст
И ни от одной кости
Не слышан излома хруст.

Кровавые пары глаз,
Израненные тела...
Защиту давала власть,
Сегодня она мертва».

И видит перед собой,
В картине глубокого сна:
Величественный, живой,
В одежде из лучшего льна

Подходит к нему Христос.
В гортани застыл комок,
Пилат задаёт вопрос:
«Так ты иудейский бог?»

В ответ он услышал «Нет.
Бог мне, как и всем глава».
И громом, несущим свет
Казались его слова.

«У каждой живой души
Имеется счёт и вес,
От пса до царя. На жизнь
Есть право у всех существ

Ты в страхе, что грянет месть
Ты хочешь спастись от ран,
В назначенный час Отец
Расставит всё по местам».

И всадник открыл глаза.
И вытер холодный пот
Ладони его дрожат,
А тело его встаёт.

Над Ершалаимом дождь,
Дорога, как в ночь, пуста
И гладит безумный вождь
Любимого мёртвого пса.

А ты не будешь петь, но громко разревёшься
В глазах твоих серпы незримо косят рожь.
Натянута струна. Натянута не рвётся,
Мой раненый боец, не бойся, не умрёшь.

И голос зазвенит, и рожь заколосится,
И снова будут есть на тризне хлеб да соль,
А раненый боец, очнувшись, согласится,
Что не был он в раю, но ад уже прошёл.

А кто его враги? Юнцы и христиане,
Рабочие, отцы – не боль и не порок.
Мой раненый боец от удивленья замер,
До боли сжал кулак, но выстрелить не смог.

И пусть твердят, что суть в отваге и Отчизне,
В готовности бежать, пока возможен бег,
Весомее, что ты имеешь сотню жизней,
Пока ты не боец, а просто Человек.

Когда же доброта твоя дойдёт до Бога,
То будет во сто крат тебе возвращена,
И люди на земле вздохнуть спокойно смогут,
Пока не съеден хлеб, пока звенит струна.

КРАСАВИЦА И ЧУДОВИЩЕ

Растёшь?

– Расту

Мой аленький цветочек

Мой кровавой шипастый шелкоплюй

Я б сорвала тебя про между прочим

Как рвал Лауру Жан-Батист Гренуй

В твоей природе женственного мало

В твоей природе – как в моей душе

Растёшь?

– Расту

А я б тебя сорвала иль сорвала

Как лучше для ушей?

Хозяин твой в меня вселяет ужас

Необъяснимым мучает, тоска

Вот ты растёшь в траве –

А я – по лужам и по земле со скоростью броска.

Цветочек, ведь завянешь, листья гладки

– Я отцветаю, чтобы снова жить

А я в плену стакана и упадка

И мне упадок этот не скостить

К чему вся дикость красоты в округе?

Ты – часть природы. Я – её венец

И, ожидая отыскать друг в друге,

Найдём убожество

– Красавица

И льстец.

– Живая кровь

Цветочек. Как убого!

И для кого взмываться и расти?

– Ну, я обычен, я расту для Бога,

А ты растёшь от яств после шести.

И кто-то красоту твою срывает

И ты однажды тоже отцветёшь

Цветочек глуп, да малость понимает:

С шипами стебель сказочно хорош.

А у меня с шипами только берцы.
Доверие – не слабость
– Роскошь!
Да.
И сколько не клади ладошку к сердцу
Доверчивое сердце – борозда
Протопчут и засудят и засадят
навозом обкидают: пусть растёт
Цветочек, как любить его, не глядя
На то, что он, боюсь, меня сожрёт?
И как смириться, не искать виновных
В вине и мясе, звёздах в голове,
Когда я все до мелкой дряни помню
Когда хочу на дне лежать в Неве?
Растёшь?
– Расту
А хочется на волю?
Эмоции, экстрим, и грипп и мор
– Эх, женщина, да вырви меня с корнем
Но прекрати свой глупый разговор

Мы лежали в огне
С головой
В неминуемой гари,
Истощённые, голые,
С детским худым лицом.
У меня были жизни – шесть,
Как у всякой болотной твари,
Только, кажется, я не тварь,
Родилась в девяносто пятом
(Почему-то не в омуте и не с хвостом)

И почему-то теперь я наверно верю,
Что телами горят
И тонут
Рождённых – тут,
Что зола (от тебя и меня)
Отживёт неделю,
А после её кощунственно разгребут

2

На тебе был пиджак
И мне снилось, что он лиловый
В паутине волос,
В ДНК этот странный вид
Я купила тебя. Ты рождённый,
А значит новый
«Годен до...»
Мне до этого года
Наверное не дожить.
Ты улыбаешься, шутишь,
Дерёшь шиповник,
Хочешь казаться лживым
Почти для всех
Сходят с конвейера каждый четверг и вторник
Люди.
Во вторник – умные,
Я – в четверг.

3

Этот сон прошлой ночью
Во мне повторялся дважды.
Стояла, ломая руки, на –
Пятой смерти – самом краю,
Но не донесла
Исписанных ряд бумажек,

Что, как оригами,
Сложился на том, что я тебя
Не люблю.
И я упаду (да только пока не смею)
Очнусь уже смертной,
Застигнутая в бреду.
В чёрном огне, с тобой,
Проживу неделю
И обратно
Вовеки
С конвейера
Не сойду

Иван БЕРЕЖНОЙ

19 лет

Киев

2 место (укр.)

Бувають в тебе приступи клаустрофобії
Коли ти вибудовуєш навколо себе стіни?
Чи повзають мурахи паніки по тобі і
Чи ти боїшся навіть рідних тіней?

Чи бігаєш ночами від щурів в жахіттях?
І потім, прокидаючись черговим ранком
Чи ти знаходиш їх у себе в купі сміття,
Або у душі чи в душі перед сніданком?

Чи ти боїшся ніжних рухів та чешуї змій?
Що повзають й витягують кинджальні язики,
Лоскочучи тебе майстерніше за будь-яких повій,
Чи ти боїшся годувати їх з руки?

Чи будеш заворожений вогнем,
Коли підпалиш за собою всі мости?
В кінці залишаться лиш страх та тисячі закритих тем.
В кінці залишишся лиш ти.

кожного разу коли вона торкалася мого тіла
та фаланги її пальців утворювали перетини
я відчував як кров у розпечених гумових жилах
починає кипіти і гріти мене зсередини

кожного разу коли її гострі хребці
впивались немов прuti в мою шкіру
мій стогін доносився аж до мерців
що теж так стогнали в блаженстві та вірі

кожного разу коли її зміїні вуста
розїдали отрутою мої сонні артерії
для мене зникали обличчя зникали міста
зникали ліси океани та прерії

лишався ламкий та безликий її силует
на обдертих шпалерах з холодними стінами
лишався густий та дешевий дим сигарет
лишалися пляшки з недопитими винами

лишалися нитчасті подихи розширені чорні зіниці
прискорений пульс десь сто сорок в хвилину
лишалось світло від вулиць окраїн столиці
столиці, яку я навряд чи покину

а коли її шепіт виманював мене зі сновидінь
в яких теж відчувався ніжний смак її піднебіння
мене знов чарувала її ламка тінь
і знову я падав на збиті коліна

ПІЛІГРИМ

Іди і молися. Покинь отчий дім.
Засмикни фіранки, прикрий тихо двері.
Назад не дивися, бо сенсу у тім?
Покинь все цим ранком. Не вернись до вечері.

Покинь і батьків, і дружину, й дітей
І пса, і роботу, і сонну коханку.
Іди крізь віки. Іди від людей.
Іди і молися. Покинь все цим ранком.

Іди через тундру, тайгу, за Байкал,
За Альпи, Сибір, за саму Антарктиду.
Крізь води Венеції на карнавал,
В Іспанію на скотобійну кориду.

Іди крізь гріховність церковних дзвіниць,
Співаючих мертвим, живим, коматозним.
Іди крізь титанові ґрати в'язниць,
Крізь вбивства й насилля в бетоні проросле.

Кістками загблих свій шлях проклади.
Пройди крізь війну та святі геноциди.
Крізь цвинтарі, запліснявілі хрести,
Крізь хати трухляві, розбиті корита.

Іди і молися. Вже скоро кінець.
Впади, відпочинь біля райських порогів,
А потім здіймайся і йди навропростець
Крізь ангелів, демонів, Чорта та Бога.

А після Диявола й Бога – у дім.
Відчиняють тобою зачинені двері.
Це замкнуте коло. Полон п'яти стін.
І знов до сім'ї, до дітей, до вечері.

ДВОЄ

Двоє сиділи в під'їзді на сходинках –
Він і вона. Швидкий пульс, рівні подихи.
Точили ножі, палили цигарки,
Читали вірші: Шекспіра, Петрарку.

Двоє сиділи, дивились на стіни,
Дивились на злиті з цеглинами тіні.
Шептали секрети, тримались за руки.
Смішні силуети та боязкі рухи.

Двоє сиділи та мріяли разом
Серед міської чуми та прокази.
Її не кохав ніхто з всього світу.
Якби ж він це знав, що міг би зробити?

Двоє сиділи, немов в божевільні.
Дивились з вікна на безликі створіння.
Його не кохали навіть знедолені.
Якби ж вона знала про серце просмолене.

Напевне і зараз вони вдвох сидять.
Напевне сказали все. Просто мовчать.
Напевне цілують, напевне кохають,
Напевне, напевне... Цього вже не знаю.

моя душа колючий дріт
що оточує обдерті стіни Дахау
який ночами лоскочуть обідрані пальці в'язнів
вдень вони курять працюють вмирають п'ють каву
вночі знов лоскочуть. лоскочуть дрти непролазні

моє серце має такі ж темні камери
як ті в яких мріяли про свободу рабини комуністи
та інші цікаві персони
з кров'ю на стінах маючи наміри
викачати її всю відправити зсушений труп до вагонів

мій мозок складається з речовин
та рідин мабуть токсичних
складається з ядер мабуть гарматних
з дофамінів та ендорфінів що стали звичними
звичними але їх все одно недостатньо

і сам я складаюсь з мільярдів кліток
чи клітин та тканин чи сам я у клітці
у клітці із органів шкіри й кісток
з тюремним клеймом на потилиці
як же вибратися?

МЕРІ

в цьому самотньому місті в самотньому світі
існувала самотня дівчина – Мері
милувалась з вікна на алеї побиті
та вірші писала на облитому чаєм папері
її шафа була переповнена сукнями
всіх кольорів та найбільше червоного
її життя було переповнене суками
від рідних людей до сліпого бездомного

Мері вміла полотна писати
олійними фарбами. ніхто їх не бачив
Мері вміла безмежно кохати
і кожен це бачив. не кожен пробачив.
в неї просто було забагато кохання
ні, наша Мері не стала повією
вона просто кохала усіх задарма як остання
як остання сестра милосердя, пишуча власне
Євангеліє

під сонцем вона роздивлялась малюнки
розставлені в ряд на старому балконі
під місяцем Мері несла поцілунки
і клала їх в кожную роздрту долоню
і зупиняла собою тяжкі кровотечі
гоїла колоті рубані різані рани
і не тікала хоч мала нагоди для втечі
й не мала причин щоб лишатись до ранку.

в цьому самотньому місті в самотньому світі
самотньо блукав та кури́в чоловік
милувався тілами що саваном вкриті
милувався й кури́в. мабу́ть він уже звик.
в ньому просто було замало любові
замало надії та щастя в кишенях
і найбільшою радістю в дні нездорові
було просто курити щось смердюче й деше́ве

у мріях він бачив пові́й сигарети та Бога
та Господ у мріях не бачив цього чоловіка
і що залишилось йому? лише різні дороги.
залишилося бігти по тій, що веде до кохання та втіхи.
саме так вони вперше зустрілися
він гучно гримів кулаком в її двері
саме так вони вперше молилися
й молитва його лунала єдиним лиш словом – «Мері»

і він говорив: я все ще некоханий, Мері
я мрію про біль та твій здавлений крик
я звір неприборканий, Мері
чи справжній я чоловік?
загублений в цих лабіринтах з бетону
лиш тінь що просковзує поміж людей
лиш ненависть хтивість безумство. лиш втома.
загублений серед овець agnus dei

і Мері ридала, і Мері кричала
і він ловив кожну сльозинку та подих
і Мері сміялась, і Мері кохала
й лишала сліди від кожного дотику
він був не десятий чи навіть двадцятий
коханець в її монотонному ліжку
але лиш від нього її давні стигмати
знову кровили крізь прозору маніжку

так було довго, ніхто не повірить
так було солодко – справді якась бутафорія
і лиш сліди крові на серці та шкірі
будуть доказом цієї історії

ДІАЛОГ

- Мамо, чому я не маю руки?
– Тобі її відрубали, сину.
Відрубану руку склювали круки.
– Мамо, за що мені відрубали руку?
– За те, що тягнув її вище за всіх.
Треба було як усі.
Без жодного зайвого звуку.
- Мамо, чому я не маю ноги?
– Тобі її відрубали, сину.
Рубали, сміялись, кричали: «Ги-ги!»
– Мамо, за що мені відрубали ногу?
– За те, що крокував далі за всіх.
Треба було як усі.
Йти біля краю дороги.
- Мамо, чому я не маю очей?
– Тобі їх вичавили, сину.
Чавили, волали: «Тече! Е-ге-гей!»
– Мамо, за що мені вичавили очі?
– За те, що бачив більше за всіх.
Треба було як усі.
Дивитись удень, а спати щонаочі.

Всім нам рубають довгі руки,
З очей жмуть кров, як з яблук – сік.
Для всіх єдина доля, мука...
Рубають ноги, щоб не втік.

Екатерина ЭЙХМАН
Запорожье
22 года

Лауреат (рус.)

на кухне разбитой в хрущевке
ты делаешь чай и молчишь.
из динамиков льётся бессмертный «Чиж».
а после ты ловко
срезаешь с шеи моей верёвку.
всё так же рипит колонка
«она не вышла замуж».
воздух терпкий, немного спёртый.
у тебя под протектором горизонты,
а мне уж, куда уж.
ты носишь за пазухой Будду.
коньяк не мешаешь с колой.
не читаешь стихов Полозковой.
рассуждаешь трезво и мудро.
ты заточен, как шило. ты – рацио.
ты уже видишь конечную станцию.
ты точно знаешь, что богово – богу.
ты к себе неизменно строг. и
ты, разумеется, прав.
все драмы нужно оставить театру.
нужно читать Кастанеду и Сартра.
и делать зарядку, только с постели встав.
а этот мой бог,
что на балкон прилетает синицей,
вяжет на шее мне новый шнурок –
развлечение незрелой девицы –
все эти пакетики растворимого кофе,
текила, которую хлещешь прямо с горсти.
ты мне говоришь «подрости»,
и бьёшь ведь не в бровь.
ты не скала, конечно, но всё же – карбид.
и ты, разумеется, прав, да вот только убит.

Знаешь, тут ночи холодны и длинные,
Говорю я в глаза, словно вылепленные из глины.
Я ношу твою футболку – футболку моего мужчины,
И мы засыпаем, подставив друг другу спины.

Ты пророс во мне и окреп.
Уцепился в нутро костями своими.
Знаешь, можно делить постель, кров и хлеб,
Но становиться чужими.

Я тебя выберю/выболю/выблую.
Да, я тебя выблую ночью в сортире.
Хотел под крылышком вернуть милую?
А получай дезертира.

Целишься мне в затылок потёртым обрезом
На утеху сбежавшей толпе зевак.
Разве враг я тебе, чтоб меня да калёным железом?
Я ведь тебе не враг.

Стреляй, чего засмущался! Ну же!
Послушай, пульс ещё бьётся. Послушай,
Кричу, я устала с тобой воевать!
Выстрел. Меня ловит пустая кровать.

И падаю в сна открытую пасть я.
Вот ты стоишь, насмешливо вздёрнув бровь.
И если это и есть любовь,
Упаси меня бог от такого счастья.

Я теряю внутренний кремень, теряю жёсткость.
И вместо пустоты в груди образуется лёгкость.
И с чистой кристально совестью
Я влетаю в ад на бешеной скорости,
Где нежить велит мне не жить.
Говорят, чтобы счастье пришло, нужно его заслужить.
Скажите, где служить? В каких войсках?
Я пойду добровольцем.
Понесу вещмешок на хилых плечах.
Поснимаю все кольца.
Обую берцы.
Научусь стрелять без промаха прямо в сердце.
В искусстве плести удавки стану первым умельцем.
Научусь воскрешать бездыханное тельце.
А вместо кремня вставлю железную спицу.
Ты же
Останешься только страницей
В обшарпанной книжке.
Я из неё по ошибке скручу косяк
И выкурю под твоей дверью.

И если я только ветер далёких прерий,
То ты – дурак.

На пепле разрушенных нами империй
Вместо ромашек будет цвести сорняк.
И если не в омут без суеверий,
То я не хочу никак.
И с этими словами
Я подниму транспарант.
А ты беги, жизнь отправив
«До востребования» на ближайший почтамт.
Не знаю, в какое из измерений,
Не знаю, в чьей просыпаться будешь постели.

Пусть самое важное из решений
Примет лежащий в кармане пятак.

И если я только ветер далёких прерий,
То ты – дурак.

Усі безпритульні собаки потрапляють до раю,
Їх добивають напівдоторки із окликом «синку, облиш».
Та якщо в одній із них ти мене не впізнаєш,
Мені дорога туди ж.
Поблукаю провулками Відня, Оттави чи Сочі,
Схудну так, щоб світилися аж кістки.
Заглядатиму перехожим у очі –
Не за кольором упізнаю тебе – за блиском.
Випрошу у сирійців в лотку трохи якогось харчу.
Наймолодший із них сяде поруч, візьме розбиту гітару.
Руки його пахнуть марихуаною і затаром.
Він награватиме щось сумне, та собаки ж не плачуть.
Він юний ще зовсім, ще жодного разу, здається,
не голив бороди.
І я б залишилась з ним, проводжала його на роботу,
Та мало років у мене, щоб тебе віднайти.
І я йду, закарбувавши його на стінках аорти.
Іноді в натовпі я ледь чутно ловлю твій запах,
Я їду за ним, ледве тримаючись навіть на лапах.
Та його переб'є підробка парфумів «Шанель»,
Запах шин, цигарки, акварелі,
Що у школярки випали з сумки.
Зупиняюсь посеред вулиці, наче баржа.
Хтось мене вдарить із криком «безродна сука!».
Не подумай, не скаржусь.
У мене хвіст і нерви зі сталі.
Мене підгодовують в районному рагсі,
Ночую з котами на теплотрасі.
Тільки, знаєш, блохи дістали.

І кожне тепло здається належить твоїй руці,
Та не гріє, а тільки лишає рубці.
Так, усі собаки, безперечно, потрапляють у рай.
Ночі стають холодніші, тож, благаю, впізнай.

Небо дождями приносить мне море.
Море скучает. На море неделю штиль.
Море уже не плачет, не воет.
Море уснуло на тысячу лет и на сотни миль.
Ждёт, когда я, задёрнув синие шторы,
Приеду. И на пляже станцюю кадрили.

Выпрямлю спину. Дыхну на него перегаром,
А оно мне бризом в ответку по роже прямо.
По моей рыжей наглой опухшей роже.
Поскорее бы, боже мой, боже.
Пальцы скрещу на удачу, может, поможет.

Море кричит мне, мол, нужно тебя залатать,
Я оторву от себя куски, только дыши.
Хочешь, я реки свои все пушу вспять,
Чтоб ими себя в тебя попрочнее вшить?

Просто сядь в поезд. Тут звезды чуть ближе,
Только дотронься. Тут под гитару всегда звучит Летов.
Тут зарыта в песке библиотека тобою любимых книжек. –
Море, прости, не продают мне к тебе билетов.

Меня разобрали талантливо: за камушком камушек,
Едва ли к крещенским морозам встану.
Но всё же шепчу морю я ласково в ракушку:
«Жди, я скоро приеду, залечишь мне раны».

Ирина ПАНАСЮК
18 лет
Черкассы

Лауреат (рус.)

Время сквозь небес ладони.
Не минуем, так утонем.
В каждом дне и в каждой ночи
светлый образ на руках,
точно щит:
«Молись и кайся».
Не забудешь, не старайся,
коли сердце выгорает,
и душа почти пьяна,
выйди в полнолуние в поле.
Пустота – твои иконы.
Звезды – милые сестрицы.
Радуй глаз, прощай врагов.
Только сколько б не просила
чёрных туч лихие силы
сохранить иголку мира,
и как ниточку покой,
чтобы сшить на праздник белый
царский плащ и алой лентой
тонкой запустить каймою
свои чувства,
как залог
его счастья,
его силы,
пусть тебе – невыносимо,
пусть он будет свято верить
добродетели иной!

С неба капает водица.
Вот она – его царица.
Расплети тугую косу
и шутлом пускайся в пляс...

В мире все неумолимо.
Знаешь,
ты – большая сила.
Храбрость – отпускать любимых,
к тем,
кто ими был любим...

2.

Ведь ты знаешь, что эти милости всех волнуют!
Как он треплет её по загривку и в нос целует.
Каждый вечер упрямо моет худые лапы,
чтобы дальних дорог не искала
и не смогла бы
тёмной ночью созвать себе войско из звёзд мерцаний.
Он ей дарит кромешную тьму:
– Загадай желание...

Только сколько не умоляй, не проси иного:
чтоб рукам он позволил ломаться и слёзы трогать,
чтобы долго ждала у двери и скулила тихо,
никогда бы не понял бездну сего мотива.

Где-то ходит иной.
Его кровь и седа, и бела.
Она пела бы ему песни, в глаза смотрела.

Серебристой луне рассказала, потом решила...
И ушла к тому, кого близко не подпустила бы...

3.

Я без тебя, как реки без воды,
как морю чайки стали бы чужды,
как по зиме не расцветёт весна.
Я без тебя – без смысла письма...

Мне без тебя – забыть тепло души,
в кончиках пальцев холод и ножи,
в глазах иголки, шпильки и труха.
Мне без тебя: грабеж, разбой, орда...

Я без тебя не смею говорить,
опять воровка режет эту нить.
Болтаются на спицах кружева,
я без тебя – формальна, нежива.

Не вяжется уместное и такт,
не рвётся там, где разносили в прах.
Не плачется в подушки и кресты.
Мне без тебя – в пустыне без воды.

Им не со мглой созвучная душа,
на выбор предлагает два ножа:
один – вино, луна и Лиссабон,
второй – уснуть.
Я выбираю...
сон.

4.

Если дашь мне сил умереть сейчас,
встанет на дыбы вся мирская страсть.
И в чаду садов преклонив чело
я уйду в него всем чертям назло.

Только погоди! Ты ещё не пой!
Позволь взвыть самой, аки дочь сирен.
Прорости у ног, как дурман-сирень,
взъерошить твой мир сим нагим дождем.

Если дашь мне сил надышаться всласть
высотой небес и под ним упасть.
И в бреду ночей ворошить года,
где Мария-мать ещё молода.

Буду так верна! Буду так щедра!
И раздам всем вещей беды сполна!
Это не цветы! Это так – репей!
Не люби меня, но до дна испей.

Я кричу опять и опять смеюсь.
Мне так стыдно вновь признавать
но да...
я когда-то всё-таки разобьюсь
и сойду с ума...

5.

Каждый день я смотрю, как идут палачи.
Ты пойми меня, друг, ты верни мне ключи.
Я приму этот рок, отмыкая замки,
не пугаясь касаний холодной руки.

Этот холод немой, пусть и мой до конца,
Ты забудь, точно сон, труд свой в поте лица,
Беспощадный завет, бессердечно немых:
Будь открыта ему, пока он не затих.

Ты пойми, ты прости, соизволь мне отдать
свой спасительный дар поворачивать вспять.
Может, вымолю я у никчемной толпы,
хоть кусочек огня, хоть глоток синевы.

А пока, уповая на доблесть и честь,
я прошу тебя выбрать мне паперть и саван.
Мы когда-то увидимся, только не здесь,
Но пока пыль дорог нас до дрожи не ранит,

Огради меня, друг, от сумы, от тюрьмы,
зарекайся со мной и клянись моей кровью!
Мы когда-то с тобою станем жутко стары,
кружевами морщин увенчает надбровья.

И затмение луны станет нашим вовек,
и печальная трель так небрежно прольётся.
Мы с тобою, мой друг, для войны рождены,
мы с тобою, мой друг, будто отроки солнца.

Беззаконно молчу, уповая на страх,
пусть последний пророк, потерпевший здесь крах,
пусть последний урок будет в зове ночи.
Ты спаси меня, друг, ты меня сбереги.

От того ль, еженощно, при свете свечи,
окунаю перо я в святую водицу.
Мы когда-то немножко устанем любить,
мы когда-то в бездонное канем, как птицы.

Может, буду молить, в том последнем бреду,
уже после костров, погребений и тостов.
Берегите в себе чуть наивных юнцов,
и тогда что-то важное снова проснется.

Пусть слова те чужды, карта, что не прочесть.
Пусть заветы стары, чуть глупее, чем правда.
Береги себя друг. И меня сбереги.
Своим другом, врагом и братом.

6.

Вот – чистый лист, он ждёт бессмертных слов.
вот мои мысли, сплошь конишка чалый.
А вот мой мир, как будто одичалый,
что ни жарой, ни снегом не возьмёшь.

А вот рука, что чьей-то ждёт руки,
а вот плечо, что снова жаждет ласки.
Не предаваясь очеркам огласки,
не забывая, про свои кресты.

Все снова там, за сотни тысяч миль,
гектары леса умножай на свежесть,
и твои горы затхлость неба режут,
как зубы мыши прогрызают быть.

Вот – блеклый свет, а вот и мой уют,
в сырой подсобке из прогнившим сердцем,
я засыпаю раны солью с перцем,
дабы себе смешной устроить пир.

А вот – душа, что плачет по ночам,
кричит звезде, как волк клянется лунам!
Запечатлев, как две большие руны,
мечты и книги, точно серафим.

И я стою – босая сирота.
В строю стою иль посреди, как верный тополь?
И знаю что потопят, ой потопят,
незнания нездешние мои...

Вот светлый сон, а вот десяток дум,
давай сыграем в правду/очевидность?
И ставлю я на кон – зной зимних вьюг,
дабы хоть как-то оправдать ранимость...

Мирослава САХВОН
19 лет
Київ

Лауреат (укр.)

ХАНАХАКІ

Коли ти мене знайдеш
Серед кг плоті й слів
Ти здивуєшся, у мені
Не має ниць, киць.
Жахи збудуться наяву.
Тоуб Хупер – тепер мій друг.
Я прийду до тебе зі смертю.
У нас буде один парфум.
Все, у що ти віриш – гріх.
На кожен день новий.
Мене бачив Люцифер,
Передав тобі привіт.
Цей олдскул, неначе спазм,
Коли він до вуха ближче.
Ти поглинаєш перегар
І згадуєш своє дитинство.
Виміняв правду на шмот,
Щоби сховати її кістки.
І як лipo-андердог,
Забув коли покличуть їсти.
Тут не буде сну і лаврів,
І прекрасних перевтілень.
Поки ми не долітаєм,
Поки Гера не богиня.
Після смерті марафону
Все ж лишаюсь до світанку.
Ти відхаркуєш червоним,
Але це не Ханахакі.
Тобі Геката робила партак,
Я подавала голку.

Можеш бігти Гермес –
Я дарую тобі свободу.
Люди тонуть, гаснуть зорі,
Забуваються події.
На кожную дію є протидія.
А я граю в улюблену
Вірю і не вірю.
Коли скриня Пандори стала
Моею ціллю?
Тебе накриває – і ти мреш без бою.
Мене нелюб укриває ковдрою цупкою.
Покрий мене Аурум – і зась вниз.
Нас навчили падати,
Але не приземлятись.

КІЩУНЕ

З неділі і до понеділка
Я кіщуне, що зжере серце своє достоту.
Це тіло – це лиш оболонка,
Для тої, що буде страждати.
Мені мало. Тепла твого мало.
Я зведу тебе з розуму, самко.
Я знаю такі заборонені чари,
Які ти будеш кохати.
Лиш повіки зімкни –
І ти дерево.
Ти настільки висока,
Що на рейві махаєш диск-жокею.
Ще раз зімкни – і ти другий Місяць у небі.
Торкнися Стрільця і спитай:
Скільки душ він згубить до ранку.
Мила, нам відомі такі чари,
Від яких він буде страждати.
Цей простір і час – пляшка шампанського.
Тої, що завжди приходить.
Наша зваба – це змова.

Наша натура – жорстока гра проти Хадзоку.
Для чого катани? Якщо у нас є 9 хвостів,
Про які їм невідомо.
Наша зоряна куля поза межами болю
І ми винятки з правил.
З неділі і до понеділка
Я срібляста лисиця,
Що краде твоє золото.
Ти такий гордий
Ти такий жадібний
Тебе поглинає морок.
Але я захищу юних у цій інкарнації,
Я ж бо та, що завжди приходить вчасно
Але зникає уранці.
Моя сутність відкриється,
Щойно біля мене пройде собака.
Я заховуюсь. Це ж бо очевидна слабкість.
Лисиця не дружить із тими, кого зневажає
Навіть під великим коханням.
Лисиця щезне на прохання свого самурая.
Хоч як би не було тяжко.
Лисиця любить свого самурая.
Це все блаженний щем той
Із нетрів до неба.
Лисиця любить свого самурая,
Хоч лисиця і демон.

АСТРА

Тебе зростила матка всесвіту.
Ти тату на білку ока галактики.
Обводила трупи голубів рожевою крейдою.
Аби нагадати їм, що таке плакати.
Астра, що тобі ясно?
Думки відскакують від скла.
І у грудині гаснуть.
Тут холодні шинелі і ярі гасла.

Як ти там, Астро?
Усіх слів сплетіння – судоми.
Черепахи, трьох слонів
І бабці із цигарками.
А я виторгувала у лукавого свободу,
Аби повільно себе вбивати.
Астра, розкажи про прекрасне.
Нас не дивують ці пастки.
Астро, забудеться.
Склякне з часом.
Моя мила Астро.
Ти – моє плацебо пікової масті.
Каїнова печать на голих плечах.
Світ цей і за чужий аршин не здався.
Але кому обводити трупи, як не нам?
Астро, що тобі ясно?
Тихе не наше щастя –
Первісний страх.
Астро, що нам прекрасне?
Коли рожева крейда в руках?

Я давно не говорила словами.
Не термінами й глянцевиими зносками.
А своїми – живими словами.
У мене ніби забрали запас
І залишили систему.
Видачі певної кількості слів
На день.
Борони Боже, перевищити
Норму.
Чи сказати щось своє.
Борони Боже, заплести розмову
Про те, що тебе хвилює.
Мене нічого не хвилює.
Крім того, як не перевищити
Норму.

Чи сказати їм щось своє.
Борони Боже, заплести розмову.
І я йду мегаполісом із торбою,
У якій задекларована кількість слів.
Думаю: як-то мені пережити молодість
З ними.
І борони Боже, не заплести розмову
Про те, що хвилює.
Мене багато що хвилює.
Але запас надто цінний,
Аби кидати їх.
Свої-живі слова.

Вплітається, наче шрами у плоть.
Старий-новий день.
Це ж так просто: посміхатись,
Коли шрами вплітаються.
Це ж так просто: радіти,
Коли старий-новий день
Потребує реабілітації
Після видалення пухлини,
Що зветься іменем,
Якого я вже не згадаю.
Захер-Мазох
У Содомі і Гоморі були найкращі вписки.
Ми читаємо Святе Письмо і вчимося жити.
Хоча у твоїх губах немає істини.
Без них моя душа не вивезе.
Ми робимо висновок, що все вже написано.
Викидаємо не зіпсовані пера на вулицю.
І нищимо, нищимо, нищимо, нищимо.
А потім тулимось, тулимось, тулимось.
Бо якщо найбільша свобода в інстинктах,
Який зиск із убогої ніжності?
Від чистої чаші не будеш сита.

Цей чорний бутон ти носиш в собі.
Наш загнаний Луцій насправді демон,
Перед яким зачинили святі дверцята.
А ми поділили на двох мороку геном.
І стоп-словом зробили правду.
Ми напишемо на тілах не одну поему.
З нами вірним тригером ця осінь.
Нищимо, тулимось, терпнем.
Я тону в твоїм волоссі.
Боже.

Александра КУСКОВЕЦ
18 лет
Киев

Лауреат (билингва)

ПОДБОРКА №6

Мені твій апельсиновий сік з осиною отрутою і сидром
Вже в горло не лізе.
Мені твої синці, збиті коліна і в'язниця власна в квартирі
Аж двояться.
Рояться істерики, вітер в волоссі,
А на морозі телефон, на морозі ключі від дому...
(І чорт з ним)
Чорт з ним, чорт із домом!
Бог не почує мої молитви, а тому краще вдарити,
Тому краще бритвою, щоб пекло.
(Щоб як в пеклі)
Знаю, в твоїй кімнаті порожнеча, з нею ти куриш ввечері.
Не будь стервом,пусти мене!
(Пусти кров, пусти на мене собак)
Я заберу речі.

НЕПРАВДОПОДОБНО

Крик как культ
Как цель
В моих глазах щели, в моих венах вода
В моих легких звенящая тишина
Глаза промываю бензином и дымом
Порезать бы тонко
На полоски твои ребра
Как скрижали
Чтобы не прижали до пола
Понять бы что у тебя на уме
Чтобы не визжать как мокрые плитки в ванной
Как в диване пружины

Как шины об шипы
Чтобы не издавать крика
Чтобы не уметь любить
На самом деле блестящие на глазах блики
Померкли бы
Если бы знали
Что ты не желаешь жить.

Рецесивними генами
розчинюсь у твоїй крові.
Тими, що не збудуться,
не будуть ходити,
на мілі залишаться
не любленими.
Я за всіх покинутих, забутих,
хвилинно розчавлених втомою,
тих, хто не повернеться додому з війни.
Додолю розбитою бруківкою,
розливою кавою на ліжку.
Я усмішка фріків,
душевнохворих,
яким ні ліки, ні наркотики,
ні вбитий ворог:
а лиш місце на кладовищі.
Я за тих, хто нижче,
хто під ногами,
в тріщинах проростає ранами від леза,
з розпростертими руками просить милості,
та немає пробачення.
Я разом з безнадійними,
бігаю по набережних холодних,
мрії кидаю на воду.
Тими, кому погода до біса,
яким немає місця ніде,
крім недописаного вірша,
холодних набережних.

лампово так, кайфово
знову світло ламати в знак,
замість німба, замість стигматів,
розсипати й втирати в рани.
до болю, до крику, до полум'я,
там, де залишки, там, де ворони,
просто здирати шкіру.
й я вірю, що рани загояться
до весни, до літа, до осені
постарайся залишитись,
от лише
я розбиваюсь в порох
на твої прошені вулиці, на твої громіздкі океани,
на примули в горщиках,
й п'яна, від тебе п'яна, безе тебе не тямлю
де я.
і чи пройдуть ці спогади,
чи прийдуть?
й які би прошені не були вулиці,
вони мене все одно
приймуть.

БУЛО Б

Я б писала для тебе все,
я б дивилась тобі у вічі,
відкривала своє лице –
Незасмічене,
Незасвічене нічим,
Просте.
Я б кричала твоє ім'я,
Ніжно, повільно , трішки спотворено...
Але все так скорботно,
І все так заморено,
І я не ховаю свого гонору.

Ходором ходила б на могилі
Наших непорозумінь,
Наших нездійснених мрій,
ножами вистилаючи зарослий шлях,
Наче тереном,
Меленим перцем,
Наче вогнем по дереву.
Та ми різні,
Грізні обое,
На жаль.
Ти не відчуваєш мою печаль,
А я твою –
На жаль, так.
Може це знак?

ЧИМ ЗАКІНЧИМО?

Старі касети ламаються з тріском розбитого скла.
Музика, що жила в них, випаровується у душі,
Всмоктуючись, мов червоно-жовта зола,
Скапує на чорну підлогу гарячим воском зі звуком
Прицмулено-непристойним, а він мені подобається.
Я тобі нічого не говоритиму про морські мушлі,
В яких звук мелодійніший , ніж з твого горла.
Поховай мене
І забудь
Просто не дай сказати, де живуть
Померлі ноти моїх старих пісень.
Я ні вночі, ні вдень
Не чую голосу тієї музики,
Яка пришвидшує темп світанків,
Не розриває моїх ілюзій, не надихає на подвиги,
Не робить із когось спомину.
Мої амбіції коливаються в такт твоїй агресії
Поклич її, - я пригощу чаєм,
Щоб ніхто із нас не розкаявся.
Під розтріпані звуки гарцюючого гранжу чи соулу.

Вона розіб'є все, забризкає соусом
Що витіка з твоїх мізків і запхне назад.
Моє серце ж не шоколад,
Не вогонь, не матерія
Це перексерена, переклеєна
Штукатурка,
Рукопису, що не горить обсмалена палітурка.
Ще мить, а чи ,може, вічність , -
Дивлячись, коли догорять свічі
В кінці моєї драбини в небо чекає дурка.

Чийсь щирі слова,
Чийсь потайні молитви,
Страх гонитви
За словом
Може видати погляд,
Може видати постать.
Слухаю, та НЕ чую
Ночуючи в чужій голові.
Чую та НЕ почуваю.
А сенс так?
Запакуй мені
Красу,
І ти отримаєш щирість.
Адже її так мало.
Люди течуть словами,
Люди течуть від слів,
Рани,
Губи порізані,
Губи потріскані
Брехнею.

Чердак

*Стихи членов жюри и лауреатов
международного фестиваля
«Провинция у моря»*

Евгений СТЕПАНОВ
Москва

ЗОЛОТАЯ СЕРЕДИНА

раньше я много писал
и мало печатался

теперь я мало пишу
и много печатаюсь

нет никакой
золотой середины

САМОЕ ГЛАВНОЕ

ты рада – и я рад
ты плачешь – и я плачу

мы давно стали единым организмом
это для меня самое главное

я знаю слишком мало нежных слов
чтобы выразить свои чувства

УЛЫБКА

Победа или поражение –
Поди расчухай до поры.
Одно неловкое движение –
И все летит в тартарары.

Жизнь горяча и скоротечна
И фальшаком омрачена.
Одно нечестное словечко –
И речь, как гуталин, черна.

И все безрадостно и зыбко.
Но жизни не вставляй клистир.
Одна прекрасная улыбка –
И снова оживает мир.

ДАЧА

сосновые шишки падают на землю
такие красивые и большие шишки
из которых могут вырасти новые сосны

МЕТРО

лица в московском метро
смотрю
и стараюсь в каждом человеке
увидеть черты Христа

ЗДЕСЬ

здесь вам не тут
здесь любят мертвых
а не живых

это нужно понять как можно раньше
и – жить

ВЕЧНАЯ ТЕМА

бить
или
не бить

выть
или
не выть

быть
или
не быть

ЦА-ЦА

бессмыслица-ца-ца
бессмыслица-цо-цо
белее чем маца
мое лицо

бессмыслица-це-це
бессмыслица-цу-цу
и грёзы на лице
и слёзы по лицу

ЗЕМЛЯ

запах сосновой апрельской хвои
как тогда – в детстве – 40-50 лет назад
сосновый участок – точно Эдем

провинциальная библиотека – как храм –
лица (лики) святых
светятся смиренной теплотой

ЗАДАЧИ

а задачи теперь очень серьезные
заснуть
и проснуться

РАЗГОВОР

– Иные манят горизонты,
Иным дорожу калачом.
– О чем ты, скажи мне, о чем ты?
– Да так, ни о чем.

– Иду – так шагают солдаты,
Когда наступает беда.
– Куда ты, скажи мне, куда ты?
– Да так, никуда.

– Живу, записавшись в аскеты,
Не радуясь магарычу.
– А с кем ты, скажи мне, а с кем ты?
– О том промолчу.

одинокой ночью
сердце стучит
как старенькие ходики

СЦЕНАРИЙ

горение
тление
исчезновение
или все-таки иной сценарий?

Александр КАРПЕНКО
Москва

«До нашей эры деревья шагали врозь»
Лада Миллер

Не сетую слёзно, не рвусь из жил,
Храню оберегом веру.
Подумаю только: ну как я жил
До нашей с тобою эры?

Пусть кануло в Лету и не сбылось,
Я помню эпохи эти:
Там тоже сияло, цвело, рвалось,
Рождались стихи и дети.

На ветках небесных – поспел инжир;
Рисуешь ты на пленэре.
С тобой – забываю, как раньше жил
Когда-то, до нашей эры.

Весна! Весна в Фиальте!
Ликует всё вокруг.
«Виват тебе, Вивальди,
Неугомонный дух!»

В лепнине весь и в смальте
Изысканный узор.
«Виват тебе, Вивальди!» –
Щебечет птичий хор.

И случилось что-то с нами.
Прибавилось нам сил.
Раздув смычками пламя,
Он музыку смирил.

Страдания, не жальте!
Покинул сердце страх.
«Виват тебе, Вивальди!» -
Седой воскликнул Бах.

Виват тебе, стремленье
Всё исчерпать до дна.
Эфира дуновенье
И года времена.

ВРЕМЕНА ГОДА

Однажды утром я проснулся –
И ощутил себя взрослым.
«Выбирай себе невесту» –
Прошептали мне деревья.

Я подумал малость – и выбрал весну,
Свою первую любовь.
Пролетели три медовых месяца,
И весна ушла к другому,
Совсем юному поклоннику.
Видимо, я был уже слишком для неё стар.

И тогда я выбрал себе жаркое лето.
Гордое солнце и чистое небо
Зажглись на экране моего лица.
Но не прошло и трёх месяцев,
Как я снова остался один.

Отчаявшись, я выбрал себе осень:
У меня не было за душой ни гроша –
И тревожно-обманчивое золото её волос
Прельстило меня. К счастью,
Наваждение длилось недолго.

Когда на моём небосклоне возникла зима,
Я встретил её приход с любопытством:
Достаточно ли горяча у меня кровь,
Чтобы растопить её ледяное сердце?
Я сумел победить, но за победой
Последовало уже привычное
Одиночество.

Так я прожил целую жизнь.

«Почему же ты не выбрал их всех сразу,
Одновременно?», – спросила как-то у меня
Странная-престранная женщина,
Представившаяся как Леди Совершенство.

«Но все они приходили порознь!
Наверное, они просто не дружили
Между собой! – воскликнул я, –
О, теперь я знаю наверняка,
Это ты нарочно всё так подстроила!»
Но Леди Совершенство исчезла –
Так же внезапно, как и появилась...

Прав был Козьма Прутков:
«Нельзя объять необъятное!»
Если, конечно, ты не Леди Совершенство...

Но это уже совершенно другая история.

В темноте, где словно ни души,
Серп луны срезает камыши.
Только в глубине, над камышами,
Ночь шуршит летучими мышами.
И глухую, тихую обитель
Прорезает мыш, как истребитель.

Беспризорны улицы давно.
Только нам, не спящим, всё дано.
Мир безмолвен, точно в день творенья.
Пишут звёзды нам стихотворенья.
Словно бы, усевшись на поляне,
Спрашивают: «Как вы там, земляне?»

Спит в ночи, отбросив жизни груз,
Звёздный наш ребёнок – Иисус.
Раньше я не спал, случалось, сутками;
Плавал по озёрной глади с утками.
А теперь в тростинках камыша
Слушает Вселенную душа.

НИЖИНСКИЙ

Застигнут на краю блаженства,
Бескомпромиссен, как поэт,
Нижинский с силою не женской
Крутил воздушный пируэт.

Рождая горные вершины,
Он, духу тяжести назло,
То разжимался, как пружина,
То зависал, подняв крыло.

Как будто наконец на волю
Бесстрашно вырвалась душа –
Его безудержностью в роли,
Его волшебным антраша.

Он заглянул в иные дали,
Призвал к себе нездешний свет,
И это сальто-иммортале
Вращает Землю много лет.

Вчера не умирает никогда:
Оно струится
в телефонных жилах,
Оно ушло,
но странно живо,
На льду пропадаем
таяя вода...
Вчера не умирает
никогда!
Оно течёт
строкой стихотворенья,
Игрушка быстрокрылого забвенья;
И, скованная
панцирем вода,
Оно не может
не поспеть за нами –
И меряет грядущее шагами.
Вчера
не умирает никогда!
Оно струится
белыми ночами
среди островков
Забвенья и печали;

Оно течёт, не ведая куда –
И старый мир
пускается в движение,
От самого себя
ища спасенье, –
Вчера
не умирает никогда.
Оно меняет лики и названия,
Очистившись
от лет напластованья;
Оно зовёт нас флейтой и трубой;
Казалось бы,
оно совсем не дышит –
Но никогда никто нигде не слышал,
Чтобы Вчера
покончило с собой...
Оно бессмертно, как бессмертны дни;
Оно беззвучно, как беззвучны ночи:
Так, вечное движение
обесточив,
Там, в небесах,
Господь зажжёт огни...
И, пусть проходят
судьбы и года,
Вчера
не умирает никогда!

Как у Врубеля, пышно цветёт сирень.
Не хватает, быть может, кусту лица.
Бесконечностью дышит счастливый день.
Это снял в своём фильме Кустурица.

Не проспи только счастье! Вдохни сирень,
Отряхни свою ветвь от пустот и Ев.
Энтелехией длишь лепестковый день.
Точно сам ты сегодня – Кустодиев.

Ольга АНДРЕЕВА
Ростов-на-Дону

Эта сложность – только кажется.
Всё и проще, и понятнее.
Если живо – всё завяжется,
порастёт мелиссой, мятою,
жизнь щедра, давай надеяться
даже там, где всё повыжжено...
Агрессивна красна девица,
не на шутку разобижена.

Книги все уже прочитаны,
на эпитафии разобраны.
Если вы такие умные –
почему такие мёртвые?
Но молчат на стенах классики,
усмехаясь – не отвертись,
вытесняет даже свастику
в подсознание человечество.

Бесконечное не познано,
безупречное не узнано,
пальцы пахнут хризантемами,
белоснежным стеблем крокуса.
Недодал Господь стержности
не сбежишь от горькой робости,
не хочу другого глобуса,
не хочу на этом – в узники.

Деревеньки вологодские
с неприличными названиями,
на детекторе проверено –
тут Россия настоящая.

Трудно жить в зеркальном городе –
отражениям названивать
в анфиладу – да? – секвенции,
в бесконечность уходящую.

Отрастающий пух обнажённых гусей
будет снова ощипан – с живых или нет,
мы проснёмся не все, мы вернёмся не все,
наши файлы сотрутся на флешках планет,

что ж так биться о своды тюрьмы черепка,
это ж даже не рукопись – это фантом,
нас так много, да кто нас прочтёт – но пока
не уложится в рифму – мне дом мой не дом...

Если это болезнь, некий стыдный недуг –
что ж так свежи и радостны несколько строк,
упорхнули на ветку, зовут меня, ждут,
я туплю, я терплю. Мне презреть бы урок,

мне становится тесен эзопов язык –
оттого, что Эзоп был рабом, как и я,
это ж в детстве ещё постигают азы
расписного матрёшечного бытия,
то, что есть,
то, что больше меня,
то, что Бог,
рай – он рядом, но я потеряла ключи,
отчего же не брошусь назад со всех ног –
в нищету, в это счастье сорвать с себя чип,

там, где моют в горах золотую тырсу,
где пасут жеребят, птицы яйца несут,
там полощется в воздухе самая суть
в светлом буковом строгом и юном лесу.

Не берусь описать этот цвет –
грязно-жёлтый, лимонно-шафранный,
в нём – подобны истлевшей листе –
штукатурки унылые раны,

а за крышами краны несут
в мощных клювах младенцев прогресса,
долго им пустовать – да не суть,
мы вне области их интереса.

Не престижны, да сносу им нет –
двухэтажным коробочкам нашим,
в них от времени лишь интернет,
но любимы – а как же иначе.

В них пируют во время чумы,
Сколько стоишь ты, жизнь? Сто солидов.
В них блаженствует маленький мир
и от хаоса просит защиты.

В этом доме добры зеркала,
а какие по стеночкам фото!
Ежедневно, такие дела,
Клеопатра идёт на работу.

Лучшей в мире зенитной системой
яндекс радует. Восемь часов.
...Горьким соком травы чистотела
лечат ласточки глазки птенцов.

Эти женские танки-ботинки – к войне,
мода знает о будущем больше меня,
но слепая решительность есть и во мне,
дозревает отчаянный мой жерминаль,

белка СМИ носит вести дракона к орлу,
что-то кончилось в воздухе, утро горчит,
сахарин комплиментов вчерашних – в золу,
полновесны метафоры, что кирпичи,

речь становится ярче, но злее, черствей,
одичавшему времени не до стихов,
надо переступать арматурных червей
и сменить свои шпильки на танковый ход.

Впрочем, что за дела? Берегла, как могла,
сорок вражеских баксов за них отдала,
бог не выдаст, попробуй остаться собой,
не ввязаться в последний решительный бой.

Если колокол бьёт,
золотую листву отражая,
если небо синее воды,
день торжественно-зыбок, –
значит, завтра зима
обнажит прописные скрижали,
слово в строчке качнётся
молочным невыпавшим зубом.

Что кому-то штурвал –
для других колесо обозренья.
На просушку туманы развешены –
кончилось лето.
Бог уже не вверху, Он – везде,
Он во всех измерениях,
мокрой взвесью балует, жалеет,
дарит напоследок.

Ночью шёл звёздный дождь,
а к утру расцвели хризантемы...
Духу тесно везде, кроме неба –
на что ему эхо,
отражения, мнения,
дискурс, раскрытие темы...
Пусть парит, это первое право
детей и поэтов.

Дождь над рекой – и тут же, следом, всходят
зародыши, фасолинка дождя,
и ты уже рискуешь слиться с фоном,
вдоль прочерка сырую нить ведя,

да, взвешенность, весы и вёсла, вести –
и невесомость к совести свести
и вывезти. Весталки легковесны
и ветрены. Всего до десяти

сырых секунд от молнии до грома –
и ты уже не помнишь первый том
своей стези, читаешь иероглиф
чудес, пришедших шёлковым путём,

там рыбаки и лодки, соль и цыпки,
босые ноги, твой нездешний час,
там рыбы серебрятся и молчат,
фламенко брызги кастаньеты сыплют...

Этот шов угловой – позвоночник судьбы –
мастер выровнял, карму исправив мою
до прямой столбовой, до впадения в быль
из фатальной привычки стоять на краю.

(Эти чудо-карнизы – да в руки твои –
как они воссияли бы миру! – сполна)...
Сложность века минувшего, город, яви,
пробудись от предсмертного дряхлого сна.

Десять греческих слов со значением любовь –
небогатый, но яркий словарный запас,
золотой, ведь о главном – захватим с собой
в переход между смыслами. Трасс полиспаст,

от конца до конца по пути два кольца,
три развязки и пять небольших эстакад –
скоро встретимся; снова того колеса
ускоряем вращенье... Расслышишь «Санса... –
и отключишь мыслительный свой аппарат.

Дмитрий АРТИС
Москва

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

И луна побелела,
и сумрак повис над сторожкой.
Время за полночь.
Но, занавеску свечой серебра,
я уже ни к чему не стремлюсь,
мне довольно того, что
у меня есть дракоша,
похожий чуть-чуть на тебя.

Его тонкие лапки
оправлены всё коготками,
он свиреп и бесстрашен,
в обиду не даст никого.
Я к нему прикоснуться боюсь,
я большими глотками
пью дыхание ночи,
подолгу смотрю на него.

Мы с дракошей давно
не встречаем закаты, рассветы.
До полудня продремлем
и выйдем, к помину легки.
Там на улице люди косматые
воют, что ветры,
а в сторожке тепло,
и в буржуйке трещат угольки.

На каждый шаг звонят колокола,
и подворотня вымощена снегом.
Куда ни глянь – увесистые серьги
на фонарях, и водка из горла,
и есть во что налить,
да выпить не с кем.

Куда глаза не смотрят, увлеку.
Я за тобой последую вслепую
на край земли,
в ближайшую пивную,
куда угодно, но не вопреки –
благодаря тому, что не ревную.

Мы ничего не можем
и ничего не значим.
Были бы чуть моложе,
было бы всё иначе.

Можем окинуть взглядом
небо над эстакадой.
Только дымится ладан
прямо на дне стакана.

В детстве таким неясным
и не таким фигурным
кажется путь от яслей
до погребальной урны.

Не веселят рассветы.
Не тяготят закаты.
Под эстакадой ветер
ходит с козой рогатой.

Вот и живём, как можем,
множим свои печали,
точим рога проходим,
примусы починяем.

Новейшая история. Экзамен.
Я подготовлен. Слышу за версту,
как тощий век, огромными глазами
моргая, пожирает пустоту.

И громогласны свежие газеты.
Им всякий вторит, не снижая тон.
Всё хорошо. Почищены клозеты.
Туннель проложен. Бог изобретён.

Уходи от погони глухим переулком столетий,
сквозь оплавленный рот проходного подъезда кружись,
растворяйся в дожде, стань прозрачнее собственной смерти
и не думай о том, что способен предчувствовать жизнь,
всю её роковую мятежность, вибрацию плоти
и томление духа. Я вслед за тобой ускользну.

О литое полотнище полдня ветрами колотит
вековые деревья, и небо идёт на грозу.

Открыта дверь
на лестничную клетку,
похожая на скомканную кепку,
которую разношивал когда-то
вождь мирового пролетариата.

За дверью той,
как будто на перинах,
облокотясь на мрачные перила,
сiju с лицом тупого недомерка,
со мной сидит революционерка.

Я полон дум,
она – полна не меньше,
и таракан, казавшийся умершим,
является пред нами непременно
прообразом грядущей перемены.

Он к нам ползёт,
над ним кудлатый ворон
другой эпохи, пыхает Аврора,
и мы ещё глазам своим не верим,
но исторически благоговеем.

И ночь в окне
сдвигается по фазе,
и сообщают по мобильной связи,
что Зимний взят, восходом опалило
и лестничную клетку, и перила...

Прикроем дверь,
оставим без присмотра
обитель нерушимого комфорта,
где я сiju, и лампочка не меркнет,
и хорошо революционерке.

Холодно, холодно мне и печально,
даже когда прикасаюсь к тебе.
Не потому ль пожимает плечами
белое небо в моём октябре?
Холодно, холодно мне и печально.

Было ли, не было, помнить не помню.
Ты говорила – и верилось мне,
что заполняет сердечную пойму
белое небо, которого не...
Было ли, не было, помнить не помню.

Сыро на улице, в доме тревожно.
Руки на холоде, ноги в тепле.
Будто на все времена подорожник –
белое небо в моём октябре.

Евгения Джен БАРАНОВА
Москва

РАЙ

Когда умирала, то стало еды полно.
Приносили пирог с курятиной,
лук с редисом.
Огурков, капусты, вина было мне дано.
Огурцы, конечно, пропали, вино прокисло.

Свояк приходил наутро, молился вслух,
Зиру продашь, – спрашивал, – долго ждали.
Зимняя шаль, свернувшись, спала в углу,
и от кровати пахло студёной шалью.

Март расходился, ветер пригнал гусей,
гуси галдели, пачкали, бились в двери.
Раньше старух поминали Степан, Овсей,
теперь поминают Аркадий, Кирилл, Валерий.

Продали б хибару – кому-нибудь повезло б.
А что мне теперь – солонка, щипцы, половник?
Когда умирала, то стало совсем светло.
Свет вытекал из рая на подоконник.

Что я могу поделать,
только бы не футбол,
не бег, не хоккей, не теннис, не прочие тренировки.
Я так неспортивна, Ватсон, я так неспортивна,
боль
ходит в моей одежде, пользуется духовкой,

пачкает кожу кремом, заказывает салат,
читает стихи в музее, втискивает под веки
лёгкие оболочки – кальция карбонат,
магний, оксиды, щёлочь – что ещё в человеке?..
Что я могу поделать.
Траты на поезд в Брест,
траты на поезд в Киев,
траты на поезд в Лету.
Боль забывает вещи, боль выполняет квест.
– Может быть, ты проснёшься.
– Может быть, я уеду.
Если она исчезнет, жить-то я стану как?..
Боль моя белотела! боль моя краснолика!
Так беспощадны дети, так совершенен враг,
так угощает память краденой ежевикой.

Мёртвые растут до самых звёзд.
Медуница, донник – рвы да рвы.
Вот Сергей Иванович, он – прост.
Он всегда хотел быть зерновым.

Сложно мыслям в травяной избе.
Рвутся-рвутся, потому растут.
Вот Франциск Филиппович Лаббе.
Он когда-то похоронен тут.

Слой за слоем – и числа им несть.
Катит камушек трудяга-муравей.
Мёртвые растут, пока мы здесь.
Не ходи без стука по траве.

БЕГОНИЯ

Просишься – не допросишься пламени у Антония.
Будут ли приключения, – спрашивает блокнот.
В теле твоём прикаянном ищет окно бегония,
то отцветает истово, то без ума цветёт.

Ты ли ещё актёрствуешь, или спрямили ластиком,
контуры проработали – радуйся, не исчез.
Не опалает вовремя – может, расскажешь басенку,
спляшешь почтенным гражданам, выпьешь за поэтесс.

Кто, Расскажи, завидовал, что пролетает мимо, мол,
кто запирал растение в прутьях своей груди.
Чёрное, злое, лютное, солнечное, любимое,
не проходи, пожалуйста, только не проходи.

МОРСКАЯ ФИГУРА

Сонечка вышла за Колю-слесаря.
Хоть и еврей, говорит – болгарин.
А у Натальи Фалесовны –
сына арестовали.

Чего арестовывать, воеет Наталья.
Он коммунист, у него медали.
Жили как жили, в общем-то не игристо.
Сняли колечко – купили риса.

Никакой он, граждане, не кулак.
За что его – так?

Граждане молча слушают.
Врёт она всё, заслуживает.

Маслят Наталью оливками глаз.
Море волнуется.
Раз.

Как искренне вдыхает человек
пот тонкорунных, временных акаций,
когда, тридцатилетен, робок, пег,
идёт к прудам водою наддышаться.

Когда осознаёт, что он разбит
лебяжьим небом, говором синичьим,
и всё, что он неслышимо хранит,
вторично, одинаково, вторично.

Вот он дрожал, вот обнимаем был,
вот тёр лопатки синим полотенцем.
Всё ждал, и ждал, и жаждал что есть сил
какого-то нездешнего сюжета.

Какого-то прохладного огня,
какого-то необщего рисунка.
Но не нашёл и вышел, полупьян
от августа, с собакой на прогулку.

Пойдёт ли он за чипсами в «Фасоль»?
возьмёт ли овощей (морковь, горошек)?
Он чувствует, что вымышлен и зол,
но ничего почувствовать не может.

Как искренне не жалко никого.
Купить ли замороженную клюкву?
Идёт домой простое существо,
бестрепетно привязанное к буквам.

ПЕСЕНКА ДЛЯ АНИ

Водянистей водянистого,
чтоб присниться дураку,
дождик серенький посвистывал
недоребрием в боку.

Лужа в небо смотрит лошадю,
от весны произошед.
Дождик кажется хорошим ей,
потому что ливня нет.

Улизнёт мокропогодица -
над Вероной моросить.
К сожалению, не водятся
в лужах принцы-караси.

Из-под стёклышка столового,
каблуком рассечено,
на Москву глядит суровое,
достигаемое дно.

Поэзия есть Босх. Не смей в нее лиять.
А если и сбежишь, не притворяйся зрячим.
Я маленькая мышь, в кармане у меня
собачий поводок, растерянность и мячик.

Поверх пальто – горит (я слабый, слабый, слаб...)
Всей пятерней держу – вдруг легкое задето –
Поэзия есть хруст, и храбрость, и нахрап,
а я ни полстроки не понимаю в этом.

Чей красный сапожок виляет к гаражу?
Обида чья скулит? Кто в окнах роет норы?
Я тонкая доска – и я не удержу,
когда по мне стучат гнedyе разговоры.

За что? за что ? за что? Я штольня, что ли, вам.
Я маленькая тень от профиля большого.
Поэзия есть схрон. Поэзия есть хлам.
Поэзия есть плен непойманного слова.

ХВОЯ

Я вот всё думаю: сосны ли солнце казнят?
кровь или краска дрожит на зелёных заборах?
Матушка-хвоя, возьми моё тело назад,
плечи укутай в коричневый шелест и шорох.

Эллином дивным воспрянь над моей пустотой,
слизывай глину с ногтей одичавших пожарищ...
Кем бы ты ни был, деревья придут за тобой.
Что, кроме плоти, ты нежному лесу подаришь?

Бронза и уксус, художники и корабли...
все исчезают, хотя заслужили иное.
Я вот всё думаю – долго ли, коротко ли.
Не отвечает медовая матушка-хвоя.

Рыба к рыбе, тело к телу,
подбородок к тишине.
Я иду по лицам прелым,
оборачиваясь не.

Я иду – по серой коже.
Я иду – по белой лжи.
Дождик-ветер, мы похожи,
почему тогда дрожишь?

Почему тогда мигает,
от метро осатанев,
ледяная, злая стая
автопринцев, автодев.

Почему играют губы
мёрзлый гимн воротника?
Потому что небу любо.
Потому что нам никак.

Потому что город сделан
из бакланов и болот.
Рыба к рыбе, тело к телу.
Ешь, пока не загниёт.

МУНК

ни слова ни любви не говори
налим в сети и яблоко в налив
ни жестом ни движением спины
ни способом заслуженно иным

не надо ни поэзии ни По
ни господ в тельняшке самого
оставь меня пустынной дождевой
оставь меня не встреченной тобой

игрушки спят убийцы доктора
из рыбы спит изъятая икра
и сердце спит на дребезгах помех
спокойной смерти каждому из всех

АВТОМОБИЛЬНОЕ ТАНГО

По вечерам над автостанцией
рекламный отблеск белых ламп
манит неоновыми танцами
автомобильные тела.

У Citroen'a профиль глупенький,
таким, как он, везде уют.
Вокруг такси снуют голубками
деньгу по зёрнышку клюют.

Renault ревнует к обилеченным:
– К чему автобус, если я
вас отвезу туда, где женщины
матросам лепят якоря,

туда, где море не кончается,
где чебуреки в пол-лица...
Но вот автобус просыпается
и прогоняет наглеца.

Трусит «газель» лошадкой пегою
– кто в дом, кто в храм, кто по грибы.
Не доберёмся, так побегаем
от догоняющей судьбы.

ВОЗДУХ

Одуванчик зрит чудесное:
нос шершавого щенка.
Поперхнусь, вернусь, исчезну ли
неизвестно лишь пока.

Над прудами ветер бесится.
– Видел утку? фью да фьить!
Одуванчик просит: «Месяц, а?
Дал бы небо поносить?»

Или облако? Я маленький.
Как ничтожному прожить.
Ни крыльца, ни умывальника –
не до жиру через «жи»»

Месяц пьёт и пьёт без просыха,
не ответит малышне.
Одуванчик равен воздуху,
раме, маме, Миле, мне.

ВИНОГРАД

вот мы стоим на каменном мосту
солёной виноградиной во рту
куда ни глядь чернильная водица

на волосах краситель а в ногах
мешается мускатное и страх
и некому с дежурства возвратиться

здесь столько места столько ерунды
мы можем заговаривать цветы
касаться тела обнимать заборчик

язык прохладен разум пустоват
и кажется приносит виноград
спокойный древнегреческий уборщик

здесь можно бывших жен упоминать
считать веснушки кожу омыwać
и можно над водой играть в гляделки

а если кто-то в воду упадёт
то ничего то смерть его найдёт
она идет она уже несёт
домашнее печенье на тарелке

Анна МАРКИНА
Люберцы

Стрекозы оккупировали Крым,
и пленка крыльев пропиталась красным
с небес. На остывающей террасе
о крови говорили комары.

На землю, на крапиву, на сарай
сходила кровь по вишням. Фотоснимок,
где маялось три тысячи травинок
в заборной раме сонного двора.

Все было контуром, волнением крыла,
лягушек хор, осоловевший ежик,
и вечер, близкой смертью покорежен,
и воздух острый, будто из стекла.

Все останутся, знаю, волнением, облаком, вздохом,
может, отблеском беглым, упавшим с обеденной ложки,
потому что иначе нельзя и иначе мне плохо,
потому что нельзя не остаться хотя бы немножко.
Все во мне и вокруг. Так хранят номера телефонов
тех, кому электроника вряд ли уже пригодится,
ни стереть, ни забыть, потому что хозяева оных
не ушли, не зашли вместе с солнцем, а просто одиннадцать
на настенных часах. И темнеет, темнеет, темнеет,
будто нет ничего кроме ночи, бессонницы, грусти...
Это все проживешь. Станут тени немного длиннее,
а тебя не покинут любимые и не отпустят.

Он сидит-рычит, похмельный,
сам с собою, третий лишний:

– Маша, не лежи в постели.

– Маша, искупай детишек.

Вымыв засветло берлогу,
Маша утром до обеда
сочиняет некрологи
для портала «смерть медведям».

Он приходит после смены
и орет:

– Давай потише!

– Маша, хватит жрать пельмени,
ты в кровать не поместишься.

Не стерпев, она сбегает
к матушке (через дорогу).

Он приходит с пирогами
возвращать её в берлогу.

Говорит, что не погасло,
не потух огонь зажженный.

– Веришь, Маша? Будет сказка.

– Как не верить, медвежонок.

Иногда мне кажется, что и меня здесь нет
среди бледных, серых, не выдающих чувства,
среди ровных людей, не наводящих шорох:
выполнить задачи, переварить обед,
не разбирая ни слов чужих, ни себя, ни вкуса,
и не то, чтобы свет изжит, просто – общая приглушенность.

Это время потерянных и молчащих,
тренингов: путь к себе, беспредельность власти
и личный рост.

Это время, когда горчишь или недосолен,
здесь прикажут быть поострее, а там – послаще.
Это время людей, задвинувших благородство
вместе с бабушкиным сервизом на антресоли.

Отгораживаться замками и занавесками,
не впускать просящего, поглядывать через щелочку,
перешагивать через немощных и убогих,
чтобы просто удерживать равновесие,
чтобы спрятаться в иллюзию защищенности,
будто страшное не гоняется за тобой.

Понимая все это, скатываться в депрессии,
прибиваться к сильным, лишь бы не отделяться,
и мечтать все бросить, свинтить в тайгу,
оставаться, ждать, притворяться пресным,
ни во что не верить, чтоб не стать объектом манипуляций,
собирать свой мир через «больше так не могу».

Но пока ты держишься, названный чудачком,
вне спокойствия, безопасности, теплых мест,
и стоишь с фонариком, погруженный в темень,
для других оборачиваясь маяком,
я могу еще верить, что выход есть
и никто еще не потерял.

ЗАПИСКА ИЗ ДЕРЕВНИ В ГОРОД

Вместе с памятью занавеска ливней
приподнимется над землей холмистой,
где по кромке леса на стыке линий
балансируют грибки и листья,
где по яблоки ломаются три медведя,
и охотник лес пробивает залпом,
а к рассвету спелая гроздь созвездий
наклоняется над землей на запад,

где дожди приходят во двор карябать
бесконечный очерк, и их искусство,
непролазно, как эта грязь и хляби,
непроглядно, как и характер русский.
Тут сосед – уйди на минуту – стащит
даже дверь в дому, уследи попробуй,
и чем больше он нагрешит, тем слаще
будет клясться, клясться в любви до гроба.

И пока запутавшиеся сети
с карасем достает из пруда мальчишка,
ты спокойно дремлешь, как дремлют дети,
заскучав над жизнью, а может, книжкой,
и пока теряется, как у Пруста,
занятое время, ты ходишь в гости,
на деревьях желто-пурпурным сгустком
оседает осень.

Вечер выдался студеным,
прикоснулся к февралю.
Я тебе, мой лебедёнок,
теплых песен напою.

Ду-лю-ли-ля, ду-лю-лю,
я кого-то полюблю.

Что там кроется под коркой
льдистой коркой в феврале?
Ты пока не знаешь сколько,
сколько грязи на земле.

Жук ползет: жи-жу-жа-жу,
я кого-то провожу.

Доберемся до апреля,
ветер смолкнет, ветер злой.
Знай, что жило и горело,
то становится золой.

Дует ветер ночной в дуду,
я когда-нибудь пройду.

Но пока что хорошо нам,
будешь сыт и обогрет.
Спи мой маленький мышонок,
ты очнешься на заре.

Ночь пройдет, ду-лю-ли-лю,
я же свет потороплю.

Будет день – над снегом белым
окаемка золотая,
вырастай, мой сокол, смелым,
мне на помощь вырастай.

Что положено судьбой,
то мы вынесем с тобой,

пыль и боль, боль и боль
перетерпим мы с тобой.

Год тянула себя, как хромающая кобыла,
у которой из теплых ног убывает лето.
Посещала тусовки (не то, что бы их любила,
просто слабость имею к фуршеточным тартелеткам).

В ледяном дворце, в груди, просыпались пчелы.
Я дышала под небом, словно глухое поле.
Надо было действовать: я отрастила челку,
получила права, кредит, обновила полис.

Все ждала, что скажет кто-то: живи – вот вектор,
ты туда живи, где полощется свет усталый.
Я пыталась жить с умирающим человеком,
но над ним так болело, что лампочки отцветали.

Я пыталась пробить этот бред, эту тишь словами,
и, конечно, всюду обнаруживался придурок,
изрекавший: на ваших буковках щей не сварим,
заклучавший: у нас итак завались культуры.

Я ходила по этой стране, как перина взбитой
сапогами, стадами, страданием и дождями,
И, казалось, тело двигалась по орбите
между госинстанций, окруженных очередями.

Повторялось все: как обычно, светло и пышно
развалились снега за окнами в эту зиму.
И хотелось остаться, остаться хотя бы вспышкой,
а не просто окном, из которого свет изымут.

Не то, чтоб вечер вышел неприятным,
он просто был немного бестолков.
Ладони облаков держали воздух,
сквозь лесопарк просвечивали пятна
компаний, группирующихся возле,
как водится, реки и шашлыков.

Был вид по-айвазовски живописен.
Эскадра груш отчаливала вдаль
под парусами, вставшими нарядно.
Друзья за сосны бегали пописать.
И в силу заведенного порядка
последний свет туда же опадал.

И Малый Лев выглядывал задорно.
Продетая сквозь шорохи, как нить,
река несла волнение и тайну.
Моя рука жила в чужой ладони.
Как дрели, в небо целились каштаны,
как будто можно что-то починить.

По берегу, заснув, лунатил ветер,
им был костер нечаянно задет.
Ресницы сосен к полночи слипались.
Все было для того, чтоб ты приметил
внутри себя непроходящий свет
развернутый над сердцем, словно парус.

СТОЯНКА ДИРИЖАБЛЕЙ

Стоянка дирижаблей. Хмурый шершень
дежурил у ромашек за столовой.
По краю жизни местный сумасшедший
тащил Вертинского, который из колонок
в наполненный жарой сердечный орган
впевал луну и розовое море.
У облака подслушивал Георгий
шиповничье-людские разговоры.
Флаг дергался, как хилый эпилептик,
над Министерством Хитрых Отправлений.
С горячих крыш и крон сползало лето,
чтоб задремать на сохнувших коленях.
Я передать хотела с дирижаблем
привет, носки, чтоб ноги не замерзли,
конфеты, кешью, табаку, пожалуй,
последнего не жалуют на звездах,
кинзы пучок – навряд ли там кинза
произрастает, фильмов Бертолуччи...
и много всякого, но это ускользает,
чтоб знал: ты был, конечно, самым лучшим,
пока не перестал. А с дирижабля
веснушчатый и недозрелый юнга,
стоявшим корчил рожицы и жабы,
и даже через борт в кого-то плюнул.
В столовой полдник был довольно скуден.
Желтели серьги низеньких акаций.
Еще я написала: «все там будем»,
а юнга отвечал: «куда деваться...»

Анна ГАЛАНИНА
Минск

Вас не будет, нас не станет,
мир останется прекрасен,
ваши двери, наши ставни
обновят и перекрасят.
Не запомнив наши лица,
позабудут нас с тобою.
На скрипучих половицах
развернут рулон обоев,
стены заново оклеят
и окно законопатят.
Мимоходом нас жалея,
нас не хватятся. Не хватит
к новоселью табуреток
и таблеток для похмелья.
Если нас встревожит это,
мы легонько хлопнем дверью –
задержаться будет повод,
не потерпит вечность что ли.
Ты заменишь домового,
я ему дарю волю.

Идёшь и шепчешь: «ещё не вечер»,
а звёзды светят – ещё не утро,
и хорошо бы тулуп овечий –
Москва застыла, как волчий хутор.
И каждый встреченный – неудачник,
других в мороз не погонит, кроме
бродячих псов и поэтов. Значит,
наш пробил час – как всегда, неровен.

И кто ты был, или есть, неважно –
сбивая шаг, подбиваешь строки.
Мы все – бродяги в одной упряжке.
И только тени не одиноки.

Париж... Ну что тебе Париж?
Идёшь ли, едешь – всё паришь,
и сколько б ты ни прошагал –
паришь не меньше, чем Шагал,
над островами рыжих крыш,
где дождь грассирует, и тишь,
над сонным городом паришь,
сверкая краешком пера...
Но тут часы пробьют: «пора», –
и ты проснёшься. Поглядишь –
окно, бульвар, какой-то стриж,
и старый клён чертовски рыж,
и чехарда московских крыш...
Вздохнёшь, зевнёшь с балкона: «ишь,
Париж»... Ну что тебе Париж.

Колёса стучали поврозь,
крутил головою хвост.
Похрапывал скорый поезд,
поскрипывал мимо звёзд.
Позвякивали стаканы
и ложки бренчали так,
что пятки у великанов
качались на полках в такт.
Дымил сигаретно тамбур
и лунно пылился свет,
и сослепу двери как бы
ворчали идущим вслед.

И поезд пыхтел устало,
так тьму прорезает крот,
от пункта, где всё пропало,
к другому, где всё пройдёт

Летели по небу облака,
похожие на зверей,
и каждый зверь облака лакал,
рождая других зверей,
и превращался орёл в осла,
а лев уплывал змеей,
так в небе туча зверей росла
и множилась над землёй.

Зверьё лепилось у кромок туч
и уходило в отрыв.
Был каждый сам по себе могуч,
бессмертен и горделив,
парнокопытен, членистоног,
с подкрылками, или без –
не важно было, ведь каждый мог
на землю сойти с небес.

Потом грозой падут... А пока
всё просто и без затей –
бродили звери по облакам,
и не было там людей.

Солнце размазано по обоям,
тени от шторы – на солнце пятнами.
Утра и вечера бег удвоен –
ходят по кругу. Туда, обратно, и –

до бесконечности... Дура-дурой
муха страдает, жужжит за рамами.
Нам за оконною квадратурой
биться не поздно. Бояться – рано ли...
Мысли упругие – шаг за шагом
прошлое меряют безразмерное,
белые пятна хватая жадно,
чтобы закрыть темноту, наверное.
А на границе окна и света
муху паук без сомнений мучает...
Светлые мысли укрылись где-то –
там, где бессмертие – дело случая.

Мир фонарей светел,
свет фонарей бежев.
Каждый фонарь смертен
утром, в ночи – реже.
Ломок его голос,
враг фонаря – камень.
Жизнь фонаря – волос
из неживой ткани.
До фонаря звёздам
то, что фонарь светит.
От фонаря создан
мир. И живёт с этим.

Майя ДИМЕРЛИ Одесса

В дубовой бочке января
и холодно, и глухо.
Ворона, харкая,
сквозь мокрый снег летит.

Зима вышагивает к нам
беременной старухой,
что на ходу цыгаркою
молдавскою коптит.

На вёснах ласточка плывет
Да вот не в наши сени.
Снега цветут, как зонтики цыкут.

Здесь люди через одного
Идут к едрёне фене
И реки на попятную текут.

Да и по радио без умолку бузят:
Про то, что бондарь бросил нас сто лет назад.

От матери к отцу
Качаюсь на весах
И кто из них блажен
Ещё понять пытаюсь

Сидят лицом к лицу
На разных небесах
Но в матери уже
Образовалась завязь

Мать курит, морща лоб
А папиросы – дрянь
И ногтем с языка
Она табак снимает

Отец бормочет: стоп
Но достает стакан
И, пьяный, на плечах
Меня, смеясь, катает

Но с высоты упасть
Не удастся нам
И это только часть
Кончается весна

А маю ни на кой
Все эти нелады
И он на все лады
Прелюдию лабает

Непойманной рукой
В библейские сады
Нас выбирает
Словно мелочь выгребает

Звезда-Сапфир зажглась над Вифлеемом.
У Иордана воды отошли.
Спят журавли,
и рыбы, постепенно
обгладывая, топят корабли.

В хлеву плывут единственные ясли
Во всех воображимых плоскостях.
Мой брат в сетях,
Мне безутешно ясно,
Зачем пришли умасливать дитя.

Вот вам порог. Не поминайте всуе.
Не поминайте лихом. Все пройдет.
Уже поёт
И бредит поцелуем
Единственным своим Искарriot.

КУРОЧКА

Облаком нависло комарё.
Боты прохудились, ё-моё.

Фотография помялась. Сколько лет,
как тебя со мною рядом нет?

Что ни день, то недолгут, то недовесят.
Поджигают на казенном интересе.

Даже солнце катится к обрыву.
Жизнь, как это облако, игрива.

Только нашей курочке плевать
Ей-то лишь бы зернышки клевать.

носы у стоптанных сандалетов
отрежут взрослые
чтоб пальцы втиснулись в это лето
большие рослые

сверкают пятки чтоб без оглядки
успеть спрятаться
на завтрак салки на ужин прятки
на небе пятница

и тополя насквозь серебряные
звонят денежкой
и вся земля такая древняя
куда денешься

пока под заедною пластинкой
меняют пассики
закрыть глаза бы и без запинки
пропрыгать в классики

воскресный день. разбитое стекло
посуда бьется к счастью и назло
назло придуман кем-то род овечий

и гроздья виноградные висят
и окуни беззвучно голоса
и волосы мои уже по плечи

отпущены. отпущены стихи
и человек несложный от сохи
мне явственно представится предтечей

и я достану старую тетрадь
и стану на руках её качать
она испустит стих как вздох последний

пусть дьякон от заутрени к обедне
бредет через псалтырь
от сих до сих...

сгущается загустевает жижа
бульон переродился в холодец
он замер затаился неподвижен
какой хитрец

старухи больше нет. на этом стуле
под этой дверью не сидит никто
и дети этот стул перевернули
и внуки учат Агнию Барто

как надо жить. и бабочка стремится
лететь как можно дальше от земли
сиять как фантастическая птица
пока её снега не замели

а лебеди на бреющем полете
уже над лодочкой что тронулась ко дну
а вы!.. вы все еще поёте?
ну-ну...

Соседи

Олег СЕШКО
Витебск, Беларусь

ВОЙНА
(три стихотворения)

*

Чёрные птицы бродят по звёздным швам,
Ищут остатки всеми забытых свастик.
Ты прилетела. Здравствуй, мой милый вамп.
В небе полно любви, не хватает страсти.
Молча снимаешь крылья в который раз,
Пахнешь солёной степью, полынным соком.
Что же ты в эту небыль-то забралась?
Бог, он какой? Обычный. Да Бог с ним, с Богом.
Я отошёл от прошлой своей войны,
Ты прилетаешь реже ко мне и реже,
Мы, говоришь, любить с тобой не вольны,
Плачешь, как будто бритвой по сердцу режешь.
Мне надоела злая твоя родня,
Я возродился, снова – большой и сильный.
Утро уносит прочь тебя от меня,
Может, и мне такие же сделать крылья?
Толку томиться в комнате у окна,
Каждый безумный день заполняя ветром.
Там, за холмом, другая моя война
Крылья за просто так предлагает смертным.

*

Эта судьба за красной твоей чертой.
Значит, за Родину всё-таки стоит драться?
Жизнь может быть убойной и холостой,
Всякую примем запросто без квитанций.

Брось на весы, шагай к своему врагу.
Пуля, осколок? Штык по душе? Граната?
Крылья примерить хочешь – я помогу,
Если по силам стать на земле крылатым.

Если способен выпить чужую боль,
Вывернуть душу, стать навсегда забытым.
Видишь, колючий сумрак оплёл забор,
Сыплется в землю горе назло молитвам.

Там, за колючкой, каждый уже крылат,
Их я среди живых и не числю вовсе.
Страшно тебе? Иди и умри, солдат.
Бойся отсрочить смерть, умереть не бойся.

Бойся бесовской шубы с её плеча.
Стоит примерить – поздно трубить тревогу.
Впрочем, лояльность к жертвам и палачам –
То, что обычно люди прощают Богу.

*

Ночь торговала жизнями на развес,
Брать не хотели: что в них – сплошные беды.
Вышел из тьмы на площадь голодный бес
В старых, как наша память, дырявых кедах.

– Ух, ты! Какие запахи – боль и страх!
– Эти приправы к жизням полезней прочих!
Лузгались, будто семечки на зубах,
Тысячи неприкаянных одиночеств.

После, наевшись до сыта, до икот,
Пил с лопуха росу, смаковал по капле.
Вдруг неземной печалью свело живот,
Петь потянуло, выть и реветь по-бабьи.

Стили дождейки в мареве ледяном,
Где-то внутри пылала чужая благодать.
Он бы назвал всё это кошмарным сном
Если бы, чёрт возьми, не сумел заплакать.

КАПИТАН

По слухам, он сразу родился военным,
Из пены морской проявился на суше,
Сражал наповал королев и простушек
Могучей фигурой, натурой степенной.
Посмотрит, бывало, и вышибет душу...
Визжали девицы, прошитые взглядом,
Теряли рассудок, текли виноградом.
Хотя он совсем не стремился на сушу.
Стихия сидела в его подреберье,
Ломала, крушила года о форштевень.
Шептались: «Фортуне он брат или деверь?»
Красиво беду оставляет за дверью».
Роптали пираты обеих Америк:
«Отважная сволочь, везучий, зараза!»
Но старость пришла, высочайшим указом
Начальником штаба списала на берег.
Расставила стулья в раю кабинетном,
Углы затянула седой паутиной,
Посыпались будни овсянкой рутинной.
Скрывая глаза золочёным лорнетом,
Он как-то крепился. Дожив до заката,
Ночами разбрасывал пьяную пену...
Однажды его пригласили в геенну,
Где приняли в штат капитаном фрегата.

КОНЯЧЕЕ

На заборе человечество
Расписало кто есть кто.
На воротах конь повесился,
Сняв калоши и пальто.
Там, где ёлки держат лапами
Мир с залапанной луной,
Там, где в землю звёзды капаят,
Будто слёзы, по одной,
Где не сеяно, не пахано,
Ни кобыл, ни жеребят,
Он висел, а люди ахали:
Здесь, мол, кони не висят.
Здесь, мол, место не конячее,
Шёл бы, вон, за огород,
А конина на горячее
Хороша в холодный год.
Под огурчик да под водочку,
Да под шумный разговор...
Кто смелее, полз на корточках
Под покойником во двор.
Собирал (обмыть покойного)
Дождевую воду с крыш.
«Хорошо бы в лёд зимой его,
Нынче вряд ли сохранишь».
День клонился да отклонялся,
Следом выйдешь – не найдёшь,
Понесли коня на кладбище,
Без пальто и без калош.
Песни пели, кровью харкали,
Пили чай за упокой.
Кто есть кто писали ангелы
Красной тушью над рекой.

ХАРИТОН

Выла собака на улице Дальней,
Падала с неба ночная роса.
Васька Арефьев, бухой и скандальный,
Кажется, вовсе спустил тормоза.
Тени мелькали в окне за гардиной,
Форточка вырвала крик – полустон.
«Что она мается с этой скотиной», -
Руки на стол положил Харитон.
Дай помогу, зашибёт же бедняжку...»
«Будя тебе, Харитоша, окстись,
Баба Маланья проверила бражку,
Нас не касается ихняя жизнь».
Хлопнули двери, заплакали дети,
«Стерва, – протопал Василий в сенцы, -
Ты мне... за всё... ты за всё мне... ответишь...
Цыц! Разорались... а ну, сорванцы!»
Он возвратился, мяукнула кошка,
Вскрикнула женщина и... – тишина...
«Утомонились, а шо, Харитошка,
Светка давно уж мужняя жана»
Сердце щемило за дочу... А внуки?!
Разве им счастье в таком-то отце?
Поднял старик огрубевшие руки:
«Я посижу, покурю на крыльце».
Бабка поохала да засопела,
Дед Харитон подошёл к образам...

Утром, когда приезжали за телом,
Светка махнула: «Повесился, там».

ВРЕМЯ

Вдоль причала усталой памяти
Расцветало время да выцвело,
Стало время ликом, как сныть бело:
«Не хочу,– кричит,– по часам идти!»

Быть безумной гранёной полночью,
Сном разбитым, забытым именем.
Ведь не зря для себя ты выменял
Две судьбы на одну невольничью.

Стань холодной бедовой рыбиной,
Ощути чистоту дыхания.
Буду полнить тебя стихами я,
Шелуху ты в моря отыгивай.

То, что днями-годами прожито,
Разберём по костям сознания.
Править душу легко в изгнании,
Одиночество примешь кожей ты.

Соль морская под небо вытолкнет,
Если дно ощутить не боязно.
Через горы по жизни – поездом,
Пусть завидуют – мой воспитанник.

Поживёшь, доброты поделаешь –
За похлёбку. Забудь про золото.
Будет к старости детство в пору, то
Значит ты человек не тело лишь.

Значит, жалость тобой не изгнана,
Значит, мир твой в душе незыблемый.
А иначе – вернёшься рыбиной
И мы вместе начнём всё сизнова.

ПТИЦЫ

Это не важно, сынок, что апрель ещё,
Будет июнь, мы насыплем поболее,
Ты не жалей ни печали ни боли им,
Птица голодная – жалкое зрелище.
Чуть отойди, приоткрою ворота я.
Славные птахи, найдёшь ли ты где таких.
Вырастить только бы к лету нам деток их,
Просятся в небо птенцы желторотые.
Крохи совсем. Подождём до июня мы,
Рано ещё им лететь за родителем,
Тише цыплята, надеюсь, простите нам,
То, что Земля опоясана рунами.
Крылья окрепнут, обучитесь пению,
Горе земное взойдёт разнотравием,
Небо тогда распахнётся во здравие,
Выпущу к людям, имейте терпение.
Вдоволь напьётесь печали, страдания,
Скорби горячей, холодной апатии.
Самые вкусные слёзы у матери,
Той, что детей отдала на заклание.
Слёзы мужские безумно полезные,
Редко встречаются, дорого ценятся.
Девичьи слёзы – пустая безделица,
Слёзы ребёнка – роса поднебесная!
Знаешь сынок, там хватает питания,
После недели птенцам не до родины.
Твари, которых с тобою разводим мы,-
Птицы мечты, по земному преданию.
То, что заложено в этом понятии,
Необъяснимо с позиции вечности.
Сила мечты в глубине человечности.
Но... это тема другого занятия.

Мне время подчиняется с трудом,
Рычит и пыжится, заходится от злости,
То лезет вверх, выламывая кости,
То виснет, наполняя болью дом,
И я иду на ощупь до стола...
Пустые письма, от кого, не помню.
Тупым ножом солёный воздух комнат
Меня перерезает пополам.
Смеётся время, торжествует, бьёт,
В лицо бросает белые перчатки,
Но я то знаю – всё у нас в порядке,
Не повторяй мне, что наоборот.
Ты не сбежала двести лет назад,
Я не уехал, я остался дома...
Ты где-то рядом, вещи говорят,
Иду по ним... Из комы снова в кому.
Я не был здесь? Неправильный ответ.
Стена, кровать, стена, кровать, обратно...
Мне время неуютно, неприятно,
Когда ты есть, а вроде бы и нет...
Когда стекает век по волосам,
И памяти становится всё меньше.
Я в прошлой жизни знал одну из женщин,
Но я не помню, жив ли был я сам.

Херис СУХИЙ Москва

Ей уж за тридцать, красива, не замужем,
Ищет Патриция бой-френда за морем.
Любит Патриция туры кредитные,
Любит массажи электромагнитные.
Был у нее паренёк, да раскашлялся,
Помер потом под Житомиром, кажется.
Как-то, однажды, в солнечной Турции,
Выпив текилы сдуру две порции,
Принца увидела в Турке Патриция.
Тело под платьем покрылось потницами.
Был он высокий, худой,
– Наша семья, – говорил, – из Колоссы.
Мы производим с отцом калабасы
И продаем их по будням на трассе.
– Наша семья из далекой Неруссы.
Папа на флоте работал матросом,
Мама служила в школе техничкой,
Это потом я стала Москвичкой.
– Я вышиваю, пою и танцую.
– Что вышиваешь?
– Тоску холостую.
– Я калабасовый ветер на трассах.
Перемещаю в пустых калабасах.
– Слышала я этот ветер в России,
В камерном зале, в сонатах Россини.
Образ басиста в них бродит безликий.
Здравствуй мой принц, равновеликий!

Не снимет никогда в суставах боль
Дождя эпилептический припадок.
Небесный иероглиф перьевой
Оспорит радуга над садом зрелых яблок.
На берегу скупой реки Хрипань
Стоял мужчина ростом в два аршина.
В руке окаменевшая тарань,
На мастерке желток яичный с глиной.
Он строил дом из высушенных рыб,
Больших и малых, окнами на реку.
Чешуйчатая крыша, как парник,
Тепло давала в доме человеку.
Его друзья встречали вечера
В больших театрах, выставочных залах.
По речке проплывали катера,
И время, заикаясь, замирало.
Взмахнув удилищем, он ловко уложил
Ночного выползка на дно речного ила.
Он леску делал из воловьих жил,
И жизнь его таким, как есть, любила.
Он рассуждал, что в восемьдесят лет
Он рыбы сможет наловить в достатке,
Чтобы, закрыв строительный проект,
Раскинуть грядки в шахматном порядке.
Прихлопнув муху шахматной доской,
Он размышлял о жизни, как о ходе.
Потом во сне на часовом заводе
Он снова видел маятник Фуко.
Он видел город, видел красные дома,
На окнах были запертые ставни.
Он видел вышедших на время из ума
Суицидальных птиц падучих стаи.
Еще он видел разные цвета,
Как в стекла своего калейдоскопа.
Потом образовалась пустота,
Пустое множество, как будущего квота.

Жизнь коротка.
Порой бывает длинною с пулю.
«Ты с кем воюешь?» – тихо спросят.
«С собой воюю».
«А за кого?» – тогда добавят.
И я отвечу: «Сам за себя с собой воюю.
И бой мой вечен».
В сыром подвале жилого дома я сплю на взводе.
Сухая полночь за город Грозный луну заводит.
И заряжает неторопливо раскаты грома.
Мне снится лето. Мне снится ива. Мне снится дома,
как я рыбачу. Пустая пристань. Как всё знакомо.
Сижу и плачу. Сижу и плачу.

Подсолнух, подсолнух!
Не называй своего имени вслух.
Я и так его знаю.
Я искал рифму к словам лопух, винипух, пастух.
Нашёл тебя. Знаешь?
Если бы винипуху приделать к спине два лопуха,
то он, наверное, смог бы летать.
И даже смог бы долететь до поля,
на котором ты провёл свое детство.
Там же я встретил и пастуха,
он выгуливал грязных и тощих овец,
что-то напевал монотонно:
Может заклинания от дождя?
Знаешь? В моем детстве
я сшибал палкой консервные банки,
выставленные в ряд.

Иногда мог просидеть полдня под кроватью,
чтобы не пойти в школу.
Видишь, у нас с тобой разное детство,
разные дороги, которые завели нас в одно и тоже место –
это завод, на котором делают подсолнечное масло.

Как на небе собирались
Офицеры птичьих армий.
Да на площади на красной,
На девятое на мая,
А внизу толпа немая
Все глядела да глядела,
Как на небе да на небе
Собирались офицеры –
Офицеры птичьих армий.
Все одеты по параду
В серо-дымные одежды.
На груди у всех награды,
А в глазах у всех надежды.
Мамы рады, папы рады.
Дети хлопали, смеялись.
То ли в Думу, то ли в Раду
Птицы в небе собирались.
Долгих сделали три круга.
С серо-дымной тучей слились.
А в низу давно уж люди
Все сменились.

И день был короток, как запись на листе
В линейку с муравьиными полями.
С улыбкой на растерянном лице
И детскими кисельными словами.

И женщина, склонилась над холстом
Где глина под водой лежит незримо.
Где ты с закрытым солнечным зонтом
Проходишь мимо.

– Папа, давай заведем жирафа!
От нас убежала собака,
Мне не с кем теперь играть.

– Лапа, он будет торчать из шкафа,
Он будет повсюду какать,
А как отнесется мать?

– Папа, мне холодно от игрушек,
От их оловянных тушек,
Они же совсем мертвы.

– Что ты, солдаты пришли с работы,
Сложили в траве пулеметы
И погрузились в сны.

– Папа, а правда, что в каждой капле
Живет небольшой кораблик,
И если снова потоп,

То каждый кто в это верит
Сможет оставить берег
И смело ступить на борт.

И если плыть безоглядно,
То можно к вратам парадным
Будущего приплыть.

Однажды, что-то пошло не так.
Я проснулся нельзя сказать что легко
В воскресенье, без спешки накинул фрак
И пошел в ларек покупать пивоко.

Не легка дорога от дома до пивларька.
А Маринка дура опять не дала мне в долг.
И пришлось шакалить снова на мужика
Непослушной метлой у семи дорог.

В этом городе пахнет после дождя
Серой и парным молоком.
Он в наш город в июле не приезжал
Тимербаевым товарняком.

Он, раскрыв на всю перочинный нож
За опятами шел по пятам.
И ничто не мешало ему, лишь дождь
По щекам хлестал, по щекам.

Здравствуй, Маргарита!
Вот тебе ромашки, вот тебе бурито.
Выходи за меня, не дури ты.
Что стоишь ты опять у окна, занавеской шурша,
Съешь бурито.
Я умею страстно любить. Я умею рыбу ловить,
Не кури ты.
Ты родишь мне потом малыша,
Ну, а может, малышку с голоском, как у мышки.
Будем сыром её мы кормить и поить молоком.
Я построю ракушечный дом будем жить, как улитки,
Будем прятать свои мы улыбки за кленовой калиткой.
Я оспаривал каждую ночь у цветов твое имя.

Каждый день, на колени припав у прибрежной дубравы,
Я расчесывал травы.
Я просил у грибов нужных слов, у еловых ресниц
Я просил разъяснить мне законы любви,
И они говорили: «Смотри, вот деревья стоят,
Не касаясь друг друга.
Их сближает порой только ветер густой,
Только вьюга.
Тем не менее, все они любят друг друга.
Или, вот, ты на небо взгляни: там мерцают огни,
Одинокие звезды взошли над горою Голгофа,
И любое сближение их – катастрофа».
Я тогда не поверил в еловую ересь ресниц.
Обратился всем телом к лицу високосных домов.
Я тебя увезу от палящих холодных зарниц
Можжевеловых снов.
Я тебе покажу монолитную веру домов
В нерушимую вечность сверхчувственной хрупкой вселенной.
Выходи за меня! Уходи от ненужности снов.
Это все от лукавого. Сны мимолетны и тленны.
Это ветер растерянно бродит в квартале пустом,
Одураченный вервием улиц, как пришлый, ненужный.
Где тот дом, в котором когда-то... потом...
Ты жила, или будешь жить в округе северо-вьюжном.

Я купил на рынке без спроса
Два вина и три абрикоса.
Я вчера возьми, да на восемь
Пригласи любовницу осень.

И она пришла, золотая,
Мысли, словно лес, обнажая.
Я сидел на кухне с гитарой,
И она не казалась мне старой.

Я ей рассказал про поляны,
На которых звенит земляника.
Нет, я не казался ей пьяным,
Комната казалась безликой.

Стол накрыт березовым шпоном,
Вместо штор тряпичное что-то.
Боже! Как мне это знакомо.
Будто я частица чего-то.

Для кого-то кран подъемный – журавль,
А кому-то он – пистолет.
Из насоса свой первый наган
Я собрал в четырнадцать лет.

Он, конечно, был похож на обрез,
Я навскидку левой рукой
Из картошки обстреливал лес,
Палал навзничь вместе с листвою.

У меня был друг дурачок,
У него был белый билет,
Самодельный для рыбы сачок
И оржавленный велосипед.

У меня будет взрослость потом,
У него будет детскость всегда.
Для меня казарма – как дом,
Для него вся трава – лебеда.

У меня берет голубой,
Парашют армейский Д-6.
Жизнь – такой прыжок затяжной.
Ты летишь, не зная где сесть.

Рассчитавшись на первый-второй,
Ты становишься легче, чем жизнь.
Небосклон такой голубой,
Что нисколько не хочется вниз.

Я однажды вытолкнул трап
Из-под неустойчивых ног,
Позади меня шум и страх,
Впереди – натяжение строп.

В невесомости бытия
Не бывает сторонних шумов.
«Кто ты?» – спросят – «Облако я –
капли нераслышанных слов».

Сергей ПАГЫН
Единцы (Молдова)

Покрывается зеркало рябью,
когда дуют большие ветра,
когда ходит усталый ноябрь
по квадрату пустого двора.

Поутру размываются лица,
и дрожат, и теряют черты.
И легко навсегда погрузиться
вглубь ожившей настенной воды,

от судьбы оторвавшись без боли,
вдаль шагнуть над полоской межи.
Будет просто осеннее поле,
будет просто неспешная жизнь,

где снежок над простуженной речкой
в тишине раскрывает крыло.
И тепло, потому что у печки,
и светло, потому что светло.

НОЯБРЬСКОЕ

Ничего не меняется в мире Твоём.
Та же осень как вечность назад.
Те же люди у рынка с нехитрым добром,
ожидая автобус, стоят.

И в руках у них мётлы, корзины, тазы,
а в пакетах – конфеты и мёд.
Вон две вазы – две синих огромных слезы –
в сумку девушка нежно кладёт,

и старик молодильное яблоко ест,
черенок от лопаты неся.
Он не станет моложе и радостней здесь,
а туда ещё, видно, нельзя,

где жена режет хлеб, где за белым столом
неподвижна печальница-дочь...
Ничего не меняется в мире Твоём,
только ветер проносится прочь,

только птицы летят в незнакомую даль
в небесах, где ни сада, ни дна.

Сохранить бы мне, Господи, эту печаль,
только так, чтоб светилась она.

Но что есть мир, придуманный тобой?
Прозрачный шар, летящий над травой,
чтоб стать осенней непреложной синью.
И пёрышко прекрасное летит,
дымок табачный вьётся и горчит,
дымок солярный остро пахнет жизнью.

Что остаётся? Лужа у куста,
в которой постигает высота
саму себя в земном обличье новом,
и мёртвая фабричная труба,
и зябнущее поле, и судьба,
наискосок пропаханная словом.

Амбарный свет ветшающей зимы,
что так длинна, и продолжает длиться.
Мы в ней живём, до слова сочтены,
до влажной ускользящей ресницы.

Ведомые сияющей рукой,
пока горим...
Но в сумрачном раздрае
ещё фунт лиха пополам с тоской -
и мы совсем погаснем и растаем.

Ещё немного ледяной беды,
безглазой тьмы, ломящейся в оконце,
беззвучной глины, неживой воды,
которая не светится, не льётся,

и мы затихнем...
Но порой и нам,
казалось бы, над бездною, на грани
даруется такое по утрам
прозрачное и лёгкое дыханье!

Горький дух ночного чернозёма
входит в человеческие сны.
И весна невнятна, невесома,
но уже понятны и родны

вдох воды, что спит в железной бочке,
и озноб берёзовой слезы,
и неспящей виноградной почки
сладкий зуд, бегущий вдоль лозы.

Дрожь ростка и тёмный трепет праха
слиты в ожидание одно.
На верёвке светится рубаха,
словно в невозможное – окно.

НЕБЕСНЫЕ ЧАСЫ

Кто часы песочные большие
посреди живой поставил шири,
выдув из поющего стекла?
Человек в них – только горловина,
времени и неба половина
сквозь неё неспешно протекла.

И огонь, и дерево, и птица,
звёздная мгновенная ресница,
дыма неразгаданная вязь
в горловине сходятся сосуда,
знобкой дрожью ужаса и чуда,
образом бессмертным становясь.

Наталье Новиковой

Когда сползает корка ледяная,
земля нежна, как ранка на руке.
И мягко-мягко тьма идёт живая,
неся звезду в залатанном мешке.

Земля нежна, душа легка, как будто
тяжёлой и не знала пустоты –
лишь высоту,
лишь беглый воздух чуда,
лишь детский взгляд мерцающей воды.

Не поймёшь уже: был или не был?
Совершается жизнь словно снег.
И кончаются время и небо,
истончается человек...

На ветру за дощатым порогом,
где качается птичье жильё,
он – лишь свет, окликаемый Богом,
вспоминающий имя своё.

Пройдя по жизни больше половины,
я не познал ни облака, ни глины,
живя ещё меж небом и землёй.
И вижу только вскользь и мимоходом
как погружает в молодую воду
ладонь ветла прозрачную весной,
как стриж летит, и длится взрыв черешни
белёсый, нежный – это воздух вешний
из тёмной кроны выдернул кольцо...

И пусть в душе то радость, то тревога,
в мои глаза печально смотрит Бога
большое неотступное лицо.

Наталья ЕМЕЛЬЯНОВА
Нижний Новгород

Дворник всё утро шуршит под окошком,
Сметает сухую листву,
Дворник метлою шуршит по дорожкам
И шепчет: «Я тоже уйду.

Вот только начну желтеть понемногу,
Во только начну опадать,
Вот только засыплю собою дорогу.
Кто будет её подметать?»

Дворник всё утро шуршит под окошком,
Повсюду идёт листопад.
В окошко глядит пушистая кошка,
Глядит пятый год подряд.

«Мой старый коллега Петрович, дворник,
Однажды мне рассказал:
Метла распустилась на Светлый Вторник,
Листочками разрослась».

Дрожат на ветру золотистые клёны,
Теряют свою листву.
Глядит на них задумчиво дворник,
Метлу обнимая свою.

Каждый день мы приходили к морю,
Садилась на огромные камни,
Смотрели на солёную рябь.
Иногда рябь была едва уловимой,
Иногда превращалась в рычащего зверя,
И тогда я почему-то вспоминала,
Как в детстве мама и бабушка
Перед просушкой встряхивали белоснежные
простыни,
А я бежала под волнами простыней и кричала:
«Море! Море!...»
Мы приходили к морю в любую погоду.
Иногда ты закрывал глаза и не смотрел,
А только слушал, и губы твои шевелились.
Ты говорил слова, которые слышала не я,
А море.
Тогда я брала тебя за руку,
И ты начинал улыбаться,
Клад мне голову на плечо,
И на губах твоих был мир.
Ты проводил по ним языком и говорил:
«Как солоно».
На губах твоих был мир.
И тогда я начинала шептать,
Шептать слова, которые слышал не ты,
А море.
Когда оно превращалось в зверя,
Я начинала кричать,
И море с наслаждением глотало мои слова.
Твоя голова лежала на моём плече,
И на губах твоих был мир.
Piano: Море, я хочу приходить к тебе с ним
Каждый день.
Forte: Я хочу приходить к тебе с ним каждый день,
Море!

Ты говоришь: «Помнишь, в начале лета...»
И вдруг замолкаешь,
Закрываешь глаза,
И кажется, будто во рту конфета
Таёт.
Я слышу, как напряжённо гудят провода
Над миром, над лугом, над каждой травинкой,
Ещё пара дней,
И лето станет зелёной соринкой,
Прилипшей к подошве твоей.
А пока птицы низко летают,
И ты говоришь:
«К дождю».
Вероятно, Адам и Ева, когда уходили из Рая,
Смотрели в глаза сентябрю.
Ты говоришь...
Нет, смотришь вдаль и молчишь,
Там, вдали, где-то у самого края
Мальчишки беспечно гоняют
Резиновый мяч.
Пыль столбом. В пыли их коленки мелькают,
И острые локти, и тают,
Безудержно тают их лица
В высокой, высокой пыли.
Когда-то в ней всё растает.
Когда-то в ней всё растает.
Когда-то в ней всё растает.
Все летние, зимние дни.
Ты знаешь, трава прорастает.
Ты знаешь, трава прорастает.
Ты знаешь, трава прорастает
Сквозь твёрдый тяжёлый асфальт,
Сквозь чёрный шершавый асфальт,
Сквозь грязный истёртый асфальт.
Сквозь снежные думы твои.

Посвящается подруге Е.Д.

Художник нарисовал круг и говорит: « Это квадрат».
Художник нарисовал круг и говорит: « Это квадрат».
Художник нарисовал круг и говорит: « Это квадрат».
Художник нарисовал круг и говорит: « Это квадрат».

Музыкант сыграл «ля» и говорит: « Это «соль»».
Музыкант сыграл «ля» и говорит: « Это «соль»».
Музыкант сыграл «ля» и говорит: « Это «соль»».
Музыкант сыграл «ля» и говорит: « Это «соль»».

Человек появился на свет и говорит: «Вот, я зверь».
Человек появился на свет и говорит: «Вот, я зверь».
Человек появился на свет и говорит: «Вот, я зверь».
Человек появился на свет и говорит: «Вот, я зверь».

Не верь.
Никому не верь.
Прошу: никому не верь.
Прошу тебя, пожалуйста, никому из них не верь.

Звезда осветила небо. Этому верь.
Звезда осветила небо. Вот этому верь.
Звезда освятила небо. Вот этому, этому верь.
Ему одному верь. Художник нарисовал небо и говорит:
«Вот открытая дверь».

Беги к морю,
Скорей беги.
Не жди, когда
Отрастут плавники,
Стань пеной морской

Или просто лучом,
Скользящим по синей глади.
Стряхни с подола
Скорей города.
В глазах отражается
Только вода.
Вода в волосах
И в голосе плеск
Волны, рассекающей берег.
Стряхни асфальт
С измученных ног,
Обуйся в тёплый
Жёлтый песок.
Полуденный зной
Идёт за тобой
След в след
По скале приморской.
Художник напишет
Тебя на холсте.
И люди в какой-нибудь
Снежной стране
Повесят на стену
Твой южный портрет,
Чтоб сев за горячий
Семейный обед,
Смотреть на тебя
И греться.

А Лазарь ходит по лазури,
Раскрыв ладони над землёй,
И говорит: «Я дважды умер,
И я по-прежнему живой».

А люди мёртвыми глазами
Гладят на Лазаря в ответ
И за густыми облаками
Они его не видят, нет.

А видят лишь вчерашний ужин
И прошлогоднюю войну ,
Им Лазарь, в общем-то, не нужен
И Небо, в общем, ни к чему.

Оно нужно лишь самолёту,
Дающему своё крыло
Ладони Лазаря. А кто-то
Вглядится в круглое окно

И разглядит в нём человека,
Хранящего лазурь в глазах,
И нервно дрогнет чьё-то веко,
Лазурью став.

Я снимаю очки
И кладу их в нагрудный карман.
Чтобы видеть небо,
Глаза не очень-то и нужны.
Робко
Падают мне на ресницы
Хлопья снега.
Снег – продолжение неба.
И даже птицы,
Смелые до побега,
Крылья свои опускают.

Я снимаю очки
И кладу их в нагрудный карман.
Чтобы видеть небо,
Глаза не очень-то и нужны.
Люди – огромные хлопья снега,
Падают, падают,
С хрустом касаясь земли.
Ты только смотри:
Едет с песком телега.
Снег – продолжение неба.
Я снимаю очки.

Я снимаю очки
И кладу их в нагрудный карман.
Чтобы видеть небо,
Глаза не очень-то и нужны.
Дети
В цветных перчатках
Белые лепят снежки.
Строят дома из снега.
Снег – продолжение неба.
Скоро распустится верба.
Я снимаю очки.
Я снимаю свои очки

Ангелы летят, ангелы летят, ангелы.
Над городом, над пробками, над снегом,
Который идёт с неба.
Ты говоришь, я совсем как ребёнок,
Как снежинка кружусь,
Как птица.
Ах, разве на такой можно жениться?
Вот жница пшеницу жнёт.
Она мне ночами снится.
Ангелы летят, ангелы летят, ангелы.
Вот жница пшеницу жнёт.

Люди заходят в автобусы,
Люди заходят в автобусы,
Люди заходят в автобусы.
Рыбарь выходит на промысел.
Жница пшеницу жнёт.
Ангелы летят, ангелы летят, ангелы.
Перья роняют на лёд.
Посмотри, посмотри, посмотри:
Прямо над нашими головами, над
троллейбусными проводами
Ангелы летят, ангелы летят, ангелы.
Жница пшеницу жнёт.

Гнётся к земле стебель.
Как хорошо в небе ангелов видеть полёт.
Ангелы летят, ангелы летят, ангелы.
Жница пшеницу жнёт.
А, может, она птица?!
А, может, она птица?
А, может, она птица?..
Крылья из рукавов.
Горлица или орлица,
Летит над пшеницей жница,
Лица колосьев светлы.
Ты им в ответ кивни.
Ангелы летят, ангелы летят, ангелы.
Летят наши краткие дни.
Встань и иди, иди.
Встань и иди, иди.
Встань и иди.

Я тебя люблю.
Я тебя тоже.
Без этого человек жить не может.
Без этого человек – лист опавший,
Без этого человек – цветок увядший.
Раньше
Встаю по утрам,
Чтобы сварить тебе изысканный кофе.

Троллейбус переполнен людьми.
Повиснув на поручне, еду свои три
Остановки.
C'est la vie.
Троллейбус задыхается без любви.
Смотри мне в глаза, смотри.
Повисли на поручнях пассажиры.
Едешь свои четыре.
Троллейбус качается на бегу.
Я тебя люблю,
Я тебя тоже.
Merci beaucoup.

То ли июнь, то ли сентябрь.
С утра бесконечный дождь.
Ждёшь
Меня целый вечер,
Я приду – усталость и дрожь.
Возьмёшь
Мои тонкие руки –
Холоднее, чем руки скульптур.
Я тебя люблю,
Я тебя тоже.
Дождь закончился.
Mon amour.

Анна ВАРИНИ
Лозанна, Швейцария

ІНДИВІД-ДУАЛЬНІСТЬ

Колись ми були щасливими, сяючими, сонячними, нас було багато і ми були справді разом, а тоді хтось сказав, що інший його образив, бо не вмів ходити на ковзанах... і наче страх спустився поміж лісами, де кожне дерево має рости до гори, і тільки ми висіли там вверх ногами і не росли, ну зовсім ми не росли. Отак з'явилися ми і якісь вони, отак ділилось життя, небуття й безмежність на дрібні капсули де в тісноті живе кожен з нас як окрема ідивід-дуальність.

ЩО СТАЛОСЯ?

Він мріяв зробити її знову щасливою, бо тоді сонце сяє навіть крізь грозові хмари, бо тоді ранок починається ковтком свіжості, радісними наспівами і невмілими балетними па...

Але вона... вона плакала щойно він торкався її серця, плакала так, наче світ обірвався у прірву...

Щойно він торкався її думок, очі її заливав солоний океан і наче з ран, з її пам'яті спогадами струменіла кров їхнього життя, солона від сліз і червона від кохання...

ДОЛЯ

На перетині шляхів стоїть Доля,
Підперезана березовим паском,
Дивиться тобі прямо у очі,
А в очах її ти читаєш – пастка.
Але Доля усміхається,
Коли ти до неба підводиш очі,
Складаєш руки до молитви
І просиш, щоб все було так,
Як Він того хоче

Шепочеш... Господи,
Хай на все твоя воля...
Стаєш малесеньким
Наче крапка, краплинка,
Крупиця солі.
І Доля потишки
бере тебе у долоні теплі,
І обережно так,
Проносить крізь мертві петлі.

Снігом навіяло, замело дороги...
Я заховалась у теплу кав'ярню за рогом.
Вітру ні подиху, тільки землі тяжіння,
Падає сніг, наче в липні з дерев насіння.
Сірою річкою небо тече над містом,
Ще на ялинці сріблясте блищить намисто.
Кава з горіхами, тістечко веселкове,
Слово за словом, складеться й життя й розмова...

чи то кава мене бентежить,
чи то небо таке безмежне
загортає у хмари серце моє...
і не видно де була стежка,
у тумані ніхто не мешка,
тільки вітер лампади б'є.

Київ – перекреслено червоним,
Швидкість під двісті, стіна лісу.
По черзі – відключаю телефони,
Відключаю серце, опускаю завісу.

Позаду – подорожі, розмови,
складені з поглядів і вітра подиху,
З випадкових дотиків – не помилкових,
Влучних наче снайпер на даху.

Поруч – небо і аварійний вихід,
Мінус п'ятдесят по Цельсію, сліпить очі.
Чергова втеча – міцніше твій лід, мій лід,
Мінус п'ятдесят все ж таки і довгі ночі...

АПОКАЛИПТИЧЕСКОЕ

Представь, как я иду по пляжу,
Едва касаясь кромки моря.
У горизонта краски сажу
И чайки спорят.

Идет гроза на юго-запад,
Так размывая грани мира,
Что для меня озона запах –
Святое миро...

Представь, как я вхожу по пояс
В соленое ночное небо,
Когда Земля меняет полюс
Легко и слепо,

Как облака бегут волнами
И разбиваются о тело,
Как поднимается цунами
И нет предела...

В “Поцелуй” Густава Климта
Всматриваюсь, как в отражение...
Я такая же – рыжая-золотая
И вот так же в тебя врастая,
Опускаюсь на колени.
Но не тканями я укрыта -
Это ты проступаешь на теле
Первым снегом, росой, искрами
Золотыми, зо-ло-ты-ми...
И в ладонях моё лицо
В ожидании замирает...
Ты целуешь так...
Будто бы выпиваешь до дна
Я тогда, на всём Свете,
Самая-самая красивая,
И хоть ненадолго,
Но Полностью Твоя.
В “Поцелуй” Густава Климта
Падаю, растворяюсь,
Перемешиваюсь с цветами
И забываю всё,
В чём не отражаюсь.

I peer into «Kiss» by Gustav Klimt
like it is my reflection ...
I am the same – red-head, gold-head
And in the same way I'm growing into you,
I'm falling on my knees.
But I'm not covered by fabrics -
It's you, exude on my body
like first snow, dew, and sparks,
Golden sparks...
And in your palms my face
fades in anticipation...
Your kiss is so ...
as if you drink me to the dregs
And in that moment I feel that
I am the most beautiful in the world,
And even if only for a while,
But I am all yours...
In the «Kiss» by Gustav Klimt
I fall, I dissolve,
I stir with flowers
And I forget everything,
that doesn't have reflection of my soul.

WALK IN THE PARK

Life is just a long walk in your own park,
Don't forget to look in the endless sky,
It holds all your treasures under blue arch
And it whispers:»dare to dream, dare to fly...

Sky with diamonds of raindrops that magically spark
Pull a branch of a tree after rain, make it cry...
Walk and learn that night is never really dark,
Know and feel that beauty of your soul will never really die.

СОДЕРЖАНИЕ

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА

Ирина ЕВСА	3
------------------	---

ПРИХОЖАЯ

Татьяна НЕКРАСОВА	16
-------------------------	----

ДУЭТ

Александр ЯШИН	22
Вероника ТУШНОВА	26

ПОРТРЕТ В ЧЕРНОМ

Олег АНОФРИЕВ	29
Катерина ИВЧУК	32

ОТРАЖЕНИЕ

Андрей ПОЛЯКОВ	39
Маргарита МОСКВИЧЁВА	63

ГОСТИНАЯ

Анастасія ЛІТАШОВА	75
Яна ЯБЛУЧНА	78
Катерина ВОЛОШИНА	84
Ксения ИГОЛКИНА	91
Ксенія ЧИКУНОВА	95
Ольга МАЦО	100
Світлана ПАНЧУК	106
Соломія БЕГЕН	108
Юлія СИРОМОЛОТ	110
Юлія ШЕКЕТ	113
Денис МАЙДАНЮК	116

КУХНЯ

Юлія ХОЛОД	120
Диана СУШКО	127
Ксения УЗЛОВА	135
Софія ФРУНЗЕ	137

ОДИНОЧКА

Яков КЕЙХАУЗ	143
Константин СИМОНОВ	143
Роман ТЯГУНОВ	145
Эмиль ЯНВАРЁВ	146
Вадим ШЕФНЕР	147

КУРИТЕЛЬНАЯ КОМНАТА

Владимир ПУЧКОВ	148
Сергей ГЛАВАЦКИЙ	153
Игорь КАСЬЯНЕНКО	160
Владимир ГУТКОВСКИЙ	170

У ОЧАГА

Ольга БРАГИНА	175
Елизавета РАДВАНСКАЯ	182
Владислава ИЛЬИНСКАЯ	185

КОМНАТА СМЕХА

Евгений МУЧНИК	192
----------------------	-----

БЕСЕДКА

Ирина ИВАНЧЕНКО	196
Людмила ШАРГА	208
Елена ЧЕРНЕНКО	218
Елена КАСЬЯН	225

ГАЛЕРЕЯ

Александра ШАЛИНА	230
Мария ЛУЦЕНКО	234
Мария КИТАЕВА	245
Елена ШЕЛКОВА	252

ВИД С БАЛКОНА

Стихи лауреатов и финалистов конкурса молодёжной поэзии памяти Леонида Киселёва	256
--	-----

ЧЕРДАК

Стихи членов жюри и лауреатов международного фестиваля

«Провинция у моря»

Евгений СТЕПАНОВ	334
Александр КАРПЕНКО	339
Ольга АНДРЕЕВА	345
Дмитрий АРТИС	351
Евгения Джен БАРАНОВА	356
Анна МАРКИНА	365
Анна ГАЛАНИНА	373
Майя ДИМЕРЛИ	377

БОБЕДИ

Олег СЕШКО	382
Херис СУХИЙ	390
Сергей ПАГЫН	399
Наталья ЕМЕЛЬЯНОВА	404
Анна ВАРИНИ	413

«КАШТАНОВЫЙ ДОМ»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск 10

Главный редактор

Андрей Грязов

Выпускающий редактор

Елена Шелкова

Редакционная коллегия сборника:

Александра Шалина, Сергей Главацкий

Жюри конкурса молодёжной поэзии имени Леонида Киселёва:

Владимир Пучков, Андрей Поляков, Александра Шалина,

Диана Сушко, Екатерина Лебедева

Обложка

Маргарита Москвичёва

Вёрстка

Сергей Главацкий

Свидетельство о регистрации №86020 от 25 декабря 2007 года

Видавничий дім Дмитра Бураго

ФОП «Бураго Дмитро Сергійович»

Свідоцтво про внесення до державного реєстру

ДК № 4558 від 05.06.2013 р.

04080, Україна, м. Київ-80, а / с 41

Тел. / факс: (044) 227-38-28, 227-38-48;

e-mail: info@burago.com.ua, site: burago.com.ua